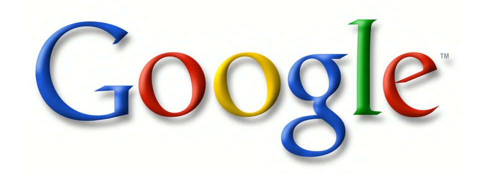
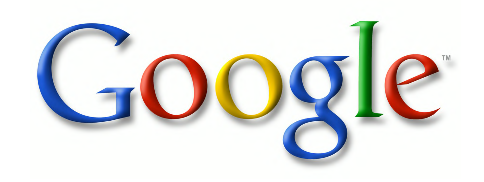

Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Л. МИХАЙЛОВА

ИЗДАНО ВЪ ПОЛЬЗУ АВТОРА

БЕРЛИНЪ 1862
GEORG STILKE. Unter den Linden 19

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Л. МИХАЙЛОВА

СТИХОТВОРЕНІЯ

М. Л. МИХАЙЛОВА

Подражанія восточному. Изъ англійскихъ поэтовъ.
Изъ нѣмецкихъ поэтовъ. Съ венгерскаго.
Съ малороссійскаго. Съ польскаго.
Народныя пѣсни

БЕРЛИНЪ 1862
GEORG STILKE. Unter den Linden 19

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ.

ДЖЕЛАЛЬ-ЭДДИНЪ РУМИ.

Я — дикій виноградъ; мнѣ яворомъ ты будь,
Чтобъ могъ своей лозой я станъ твой обогнуть!

Я — плющъ; мнѣ кедромъ будь, подъ бурями созрѣлымъ,
Чтобъ слабой зеленью ко праху мнѣ не льнуть!

Я — птица робкая; ты мнѣ крыломъ будь смѣлымъ,
Чтобъ могъ я въ синевѣ твоихъ небесъ тонуть!

Я — утомленный конь; будь шпорой мнѣ колючей —
Да быстро къ цѣли мчусь, куда твой ляжетъ путь!

Я — черная гряда; въ ней розой будь пахучей,
Чтобъ корни дикихъ травъ ей не сушили грудь!

Я — сумрачный востокъ; взойди надъ темной бездной
Ты солнцемъ пламеннымъ — туманы распахнуть!

Я — ночь безлунная; о! будь ей ризой звѣздной,
Чтобы, отринувъ страхъ, я могъ вольнѣй вздохнуть!

СААДИ.

Капля дождевая пала съ тучи въ море,
Гдѣ буграми волны ходятъ на просторѣ.

„Что же я-то въ этой страшной безднѣ значу?“
Капля горевала: „здѣсь и жизнь утрачу!“

Но отъ темной боли въ лонѣ водъ суровомъ
Раковина каплю осѣнила кровомъ...

Сберегла отъ смерти, отъ бѣды и страха,
И теперь та капля — лучшій перлъ у шаха.

Крѣпко ударилъ я заступомъ въ рыхлую землю.
Вдругъ изъ таинственной тьмы ея вящему голосу
внемлю:

„Помни, врываясь въ глубокія нѣдра мои:
Ихъ удобрили своими костями собратья твои!“

БГАРТРИГАРИ.

Слеза упоенья
Увлажила глазъ —
И тотчасъ погасъ
Огонь вождѣленья.

Пусть горитъ лампада,
Пусть очагъ пылаетъ,
Пусть сіяетъ въ небѣ
Мѣсяцъ въ сонмѣ звѣздномъ,
Пусть и солнце блещетъ:
Если мнѣ не свѣтятъ
Ненаглядной очи,
Міръ передо мнею
Мглой ночной окутанъ.

Какъ не вижу — только бъ увидаться;
Увидалъ — охота цаловаться;
Поцалую — сросся бы съ тобой,
Свѣтлоокая, и тѣломъ и душой!

Лѣсомъ шла она; смотрѣлъ я,
Притаившись за кустами,
Да смотрѣлъ и мѣсяцъ съ неба
Сладострастными глазами.
Устыдясь, съ груди покровомъ
Все лицо она закрыла,
И какъ-будто ненарочно
Волны персей обнажила.

Груди волнуются; кудри трубчатые
Бьются, дрожа, за спиной;
Почки лилеи, глаза ея сжатые
Брызнули страстной росой;
Блещутъ какъ жемчугомъ щеки пушистыя
Влагой любовной борьбы;
Медомъ поятъ меня губы душистыя...
Я ль не избранникъ судьбы?

ИЗЪ ШИ-КИНГА.

Мой хорошій, мой пригожій
Носитъ смушковый кафтанъ;
Опоясанъ стройный станъ
Барсовою кожей.
Игры — скучны безъ него;
Въ битву ль понесется —
Не страшится ничего.
„Много ихъ такихъ найдется!“
Да, найдется!
Только мнѣ не надо никого!

Мой хорошій, мой пригожій
Носитъ смушковый кафтанъ;
Опоясанъ стройный станъ
Барсовою кожей.
Всѣ мечты объ немъ одномъ —
Де́нныя, ночныя...
Кротость въ немъ, отвага въ немъ...
„Есть такіе и другіе!“
Есть другіе!
Только мнѣ не думать о другомъ!

ИЗЪ КОРАНА.

Изъ рода въ родъ твой гласъ идетъ:
„Жестокосердые, внемлите!
Кормясь отъ трапезы сиротъ,
Вы пламень огненный ядите!“
Но, не спаливъ себѣ гортань,
Они не вѣдаютъ боязни...
Возстань, о Господи! и грянь
По нимъ бичами правой казни!
Да въ день, какъ нищій съ богачемъ
И рабъ съ владыкой рядомъ станутъ,
Завѣтъ твой злобные помянутъ,
Палимы внутреннимъ огнемъ!

ИЗЪ ТАЛМУДА.

Гдѣ сверкаетъ мечъ,
Не цвѣсти искусству;
Гдѣ цвѣтетъ искусство,
Не сверкать мечу.

„Что́ мое — мое,
Что́ твое — твое!“
Общій гласъ людской.

„И мое — мое,
И твое — мое!“
Такъ вѣщаетъ злой.

„И твое — твое,
И мое — твое!“
Говоритъ благой.

СЪ ПЕРСИДСКАГО.

Чтó не могу въ моихъ стихахъ
Я самъ незримо притаиться,
Чтобъ съ ними вмѣстѣ появиться —
И поцалуями упиться
На молодыхъ твоихъ устахъ!

ИЗЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

МАРІО.

ИЗЪ „ФАУСТА.“

Фаустъ (*одинъ*).

(*Часы бьютъ одиннадцать.*)

О Фаустъ!
Одинъ лишь часъ тебѣ осталось жить,
И обреченъ ты мукѣ безконечной.
Остановись, клубящаяся бездна
Небесныхъ сферъ! Пусть оборвется время,
И полночь не наступитъ никогда!
Ты, око свѣтозарное природы,
Взойди опять; о солнце! принеси
Мнѣ вѣчный день! Иль этотъ часъ продлится
Пускай хоть годъ, хоть мѣсяцъ, хоть недѣлю,
Хоть даже день, чтобъ покаяньемъ душу
Себѣ спасти отъ муки я успѣлъ!
O lente, lente currite, noctis equi!
Но звѣзды все вращаются, и время

Бѣжитъ, бѣжитъ. Пробьютъ часы, и дьяволъ
Придетъ за мной — и я погибъ навѣки.
О! я рванусь — и буду въ небѣ!.. Кто же
Все тянетъ внизъ меня? По темной тверди,
Я вижу, кровь Христова разлилась.
Лишь каплю мнѣ одну — и я спасенъ!...
О, мой Христосъ! — Не истяжи мнѣ сердца,
Что я своимъ Христомъ его зову!
Я звать не перестану. Пощади,
О Луциферъ!... Но гдѣ же все? Исчезло!
Передо мной грозящая рука
И ликъ грозящій... О холмы! о горы!
Обрушьтесь на несчастнаго! сокройте
Меня отъ тяжкой кары неба! — Нѣтъ?
Такъ въ землю я ударюсь головой.
Земля, раскройся! И земля не хочетъ
Меня укрыть. — О звѣзды! вы свѣтили,
Когда родился я; вліянье ваше
Опредѣляетъ смерть и адъ... Снимите
Вы Фауста, какъ дымный паръ, съ земли,
И туча пусть въ своемъ тревожномъ чревѣ
Меня сожметъ, чтобы потомъ извергнуть
Лишь тѣло изъ дымящейся гортани,
Душѣ же дать на небо вознестись!

(*Часы бьютъ разъ.*)

Ужъ полчаса — и скоро часъ! О, если
Душа должна несть кару за грѣхи,
Все жь пусть конецъ скорбямъ безсоннымъ будетъ!

Пусть проживу въ аду тысячелѣтье,
Сто тысячь лѣтъ — и все жь потомъ спасусь!
Но мукамъ душъ проклятыхъ нѣтъ конца.
О, для чего я одаренъ душой?
Иль для чего душа моя безсмертна?
О Пиѳагоръ! зачѣмъ твое ученье
Несбыточно? Душа, со мной разставшись,
Вселиться въ звѣря дикаго могла бы.
Звѣрь счастливъ: умеръ — и душа его
Въ стихіяхъ тонетъ. А моя душа
Все жить должна, чтобъ ныть отъ адской пытки.
Будь прокляты родившіе меня!
Нѣтъ; будь я проклятъ самъ! будь проклятъ бѣсъ,
Меня лишившій радостей небесныхъ!

(*Часы бьютъ полночь.*)

Бьетъ полночь! полночь! Распадись ты, тѣло,
Чтобъ дьяволъ не унесъ тебя въ геэнну!
Душа! разсыпься брызгами надъ моремъ,
И въ немъ неуслѣдимо пропади!

(*Громъ. Входятъ бѣсы.*)

О, сжалься, небо! не рази угрозой!
Ехидны! змѣи! дайте мнѣ вздохнуть!
Не разѣвай ужасной пасти, адъ!
Не приближайся, Луциферъ! Сожгу
Всѣ книги я свои... О Мефистофель!

БОРНСЪ.

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Какъ я сошлась съ тобой,
Былъ гладокъ лобъ твой, и какъ смоль
Былъ чоренъ волосъ твой.
Теперь морщины по лицу,
И снѣгъ житейскихъ вьюгъ
Въ твоихъ кудряхъ; но — Богъ храни
Тебя, сердечный другъ!

Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ!
Мы вмѣстѣ въ гору шли,
И сколько мы счастливыхъ дней
Другъ съ другомъ провели!
Теперь намъ подъ гору плестись;
Но мы рука съ рукой
Пойдемъ — и вмѣстѣ подъ горой
Заснемъ, сердечный мой!

КЪ ПОЛЕВОЙ МЫШИ,
РАЗОРЕННОЙ МОИМЪ ПЛУГОМЪ.

(Въ ноябрѣ 1785.)

Трусливый сѣренькій звѣрёкъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой.
Поменьше трусь!
Вѣдь я не золъ — я за тобой
Не погонюсь.

Увы! съ природой наша связь
Давно на вѣкъ разорвалась...
Бѣги, звѣрёкъ, хоть я, какъ ты,
Жилецъ земли
Убогій: самъ терплю бѣды,
Умру въ пыли.

Воришка ты; но какъ же быть?
Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,
Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

Твой бѣдный домикъ разоренъ;
Почти съ землей сравнялся онъ...

И не найдешь ты въ полѣ мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ, грозенъ и суровъ,
Шумитъ кругомъ.

Ты видѣлъ — блекнули поля
И зимнихъ дней ждала земля;
Ты думалъ: „будетъ мнѣ тепло,
Привольно тутъ.“
И что же? — плугъ мой нанесло
На твой пріютъ.

А сколькихъ стоило хлопотъ
Сложить изъ дерна этотъ сводъ!
Пропало все — и трудъ, и кровъ;
Нигдѣ вокругъ
Пріюта нѣтъ отъ холодовъ,
Отъ бѣлыхъ вьюгъ.

Но не съ тобой однимъ, звѣрёкъ,
Такія шутки шутитъ рокъ!
Невѣренъ здѣсь ничей разсчетъ:
Спокойно ждемъ
Мы счастья, а судьба несетъ
Невзгоду въ домъ.

И доля горестнѣй моя:
Вся въ настоящемъ жизнь твоя;

А мнѣ и въ прошломъ вспоминать
Рядъ темныхъ лѣтъ,
И съ содроганьемъ ожидать
Грядущихъ бѣдъ!

КЪ СРѢЗАННОЙ ПЛУГОМЪ МАРГАРИТКѢ.

(Въ апрѣлѣ 1786.)

Цвѣтокъ смиренный полевой!
Не въ добрый часъ ты встрѣченъ мной:
Какъ велъ я плугъ, твой стебелекъ
Былъ на пути.
Краса долины! я не могъ
Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой,
Своей сосѣдки молодой,
Поутру, только дрогнетъ тѣнь,
Въ росѣ качать,
Когда она румяный день
Летитъ встрѣчать.

Былъ вѣтеръ сѣверный жестокъ,
Когда впервые твой ростокъ
Родную почву пробивалъ;
Въ налетѣ грозъ

Ты почку раннюю склонялъ,
Подъ бурей взросъ.

Отъ непогодъ цвѣтамъ садовъ
Защитой стѣны, тѣнь дерёвъ.
Случайной кочкой былъ хранимъ
Твой стебелекъ;
Въ нагихъ поляхъ ты взросъ незримъ
И одинокъ.

Ты скромно въ зелени мелькалъ
Головкой снѣжною; ты ждалъ
Привѣта солнышка — и вдругъ
Во цвѣтѣ силъ
Тебя настигъ мой острый плугъ —
И погубилъ.

Таковъ удѣлъ цвѣтка села —
Невинной дѣвушки: свѣтла
Душой довѣрчивой, живетъ
Не чуя бѣдъ;
Но злоба срѣжетъ и сомнетъ
Прекрасный цвѣтъ.

Таковъ удѣлъ пѣвца полей:
Среди обманчивыхъ зыбей
По мо́рю жизни онъ ведетъ
Свой хрупкій челнъ,

Пока подъ бурей не падетъ
Добычей волнъ.

Таковъ удѣлъ въ борьбѣ съ нуждой
Всѣхъ добрыхъ: гордостью людской
И зломъ на смерть осуждены,
Они несутъ —
Однихъ небесъ не лишены —
Кровавый трудъ.

Надъ маргариткой плачу я;
Но это доля и моя!
Плугъ смерти надо мной пройдетъ
И въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня подрѣжетъ — и затретъ
Мой слабый слѣдъ.

ПАХАРЬ.

Вешнее солнце взошло надъ землей.
Пахарь-красавецъ идетъ за сохой.
Тихо идетъ онъ, и громко поетъ:
„Ктó-то весною, какъ пахарь, живетъ?“

Рѣзвая пташка летитъ въ небеса;
Рано проснулась: на крыльяхъ роса.
Съ пахаремъ пташка по утру поетъ;
Къ ночи подруга въ гнѣздѣ ее ждетъ.

Ты почку раннюю склонялъ,
Подъ бурей взросъ.

Отъ непогодъ цвѣтамъ садовъ
Защитой стѣны, тѣнь дерёвъ.
Случайной кочкой былъ хранимъ
Твой стебелекъ;
Въ нагихъ поляхъ ты взросъ незримъ
И одинокъ.

Ты скромно въ зелени мелькалъ
Головкой снѣжною; ты ждалъ
Привѣта солнышка — и вдругъ
Во цвѣтѣ силъ
Тебя настигъ мой острый плугъ —
И погубилъ.

Таковъ удѣлъ цвѣтка села —
Невинной дѣвушки: свѣтла
Душой довѣрчивой, живетъ
Не чуя бѣдъ;
Но злоба срѣжетъ и сомнетъ
Прекрасный цвѣтъ.

Таковъ удѣ...
Сред...
Р...

Пока подъ бурей не падетъ
Добычей волнъ.

Таковъ удѣлъ въ борьбѣ съ нуждой
Всѣхъ добрыхъ: гордостью людской
И зломъ на смерть осуждены,
Они несутъ —
Однихъ небесъ не лишены —
Кровавый трудъ.

Надъ маргариткой плачу я;
Но это доля и моя!
Плугъ смерти надо мной пройдетъ
И въ цвѣтѣ лѣтъ
Меня подрѣжетъ — и затретъ
Мой слабый слѣдъ.

ПАХАРЬ.

Вешнее солнце взошло надъ землей.
Пахарь-красавецъ идетъ за сохой.
Тихо идетъ онъ, и громко поетъ:
„Кто-то весною, какъ пахарь, живетъ?“

[illegible] пташка летитъ [illegible]а;
[illegible]нулась: в[illegible]оса.
[illegible]емъ пташ[illegible]етъ;
[illegible] подруга [illegible]ждетъ.

ДЖОНЪ ЯЧМЕННОЕ-ЗЕРНО.

Когда-то сильныхъ три царя
Царили за-одно —
И порѣшили: сгинь ты, Джонъ
Ячменное-Зерно!

Могилу вырыли сохой,
И былъ засыпанъ онъ
Сырой землею, и цари
Рѣшили: сгинулъ Джонъ!

Пришла весна, тепла, ясна,
Снѣга съ полей сошли.
Вдругъ Джонъ Ячменное-Зерно
Выходитъ изъ земли.

И сталъ онъ полонъ, бодръ и свѣжъ
Съ приходомъ лѣтнихъ дней;
Вся въ острыхъ иглахъ голова —
И тронуть не посмѣй!

Но осень томная идетъ...
И началъ Джонъ хирѣть,
И головой поникъ — совсѣмъ
Собрался умереть.

Слабѣй, желтѣе съ каждымъ днемъ,
Все ниже гнется онъ...
И поднялись его враги...
„Теперь-то нашъ ты, Джонъ!“

Они пришли къ нему съ косой,
Снесли бѣднягу съ ногъ,
И привязали на возу,
Чтобъ двинуться не могъ.

На землю бросивши потомъ,
Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высокó —
Хотѣли закружить.

Тутъ въ яму онъ попалъ съ водой
И угодилъ на дно...
„Попробуй, выплыви-ка, Джонъ
Ячменное-Зерно!“

Нѣтъ, мало! взяли изъ воды
И, нá полъ положа,
Возили такъ, что въ немъ едва
Держалася душа.

Въ жестокомъ пламени сожгли
И мозгъ его костей;

А сердце мельникъ раздавилъ
  Межь двухъ своихъ камней.

Кровь сердца джонова враги
  Пируя стали пить,
И съ кружки начало въ сердцахъ
  Ключемъ веселье бить.

Ахъ, Джонъ Ячменное-Зерно!
  Ты чудо-молодецъ!
Погибъ ты самъ, но кровь твоя —
  Услада для сердецъ.

Какъ разъ заснетъ змѣя-печаль,
  Все будетъ трынь-трава...
Отретъ слезу свою бѣднякъ,
  Пойдетъ плясать вдова.

Гласите жь хоромъ: „Пусть вовѣкъ
  Не сохнетъ въ кружкахъ дно,
И вѣкъ поитъ насъ кровью Джонъ
  Ячменное-Зерно!“

ЗЛАЯ СУДЬБА.

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
  Мой свѣжій листъ опалъ;

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!

Мой станъ былъ прямъ, побѣгъ могучъ,
Мой цвѣтъ благоухалъ;
Въ росѣ ночей, въ блистаньѣ дня
Я бодро возросталъ.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ;
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ!

БАЙРОНЪ.

ИЗЪ „ЧАЙЛЬДЪ-ГАРОЛЬДА.“

Прости, прости мой край родной!
Ты тонешь въ лонѣ водъ.
Реветъ подъ вѣтромъ валъ морской,
Свой крикъ мнѣ чайка шлетъ.
На западъ, солнцу по пути,
Плыву во тьмѣ ночной.
Да будетъ тихъ твой сонъ! прости,
Прости, мой край родной!

Не долго ждать: гоня туманъ,
Взойдетъ и день опять.
Увижу небо, океанъ;
Отчизны — не видать.
Заглохнетъ зáмокъ мой родной;
Травою заростетъ
Широкій дворъ; подниметъ вой
Собака у воротъ.

Малютка пажъ мой! ты въ слезахъ.
  Скажи мнѣ, что съ тобой?
Иль на тебя наводятъ страхъ
  Шумъ волнъ и вѣтра вой?
Корабль мой новъ; не плачь, мой пажъ!
  Онъ цѣлъ и невредимъ.
Въ полетѣ быстрый соколъ нашъ
  Едва ль поспоритъ съ нимъ.

„Пусть воетъ вѣтеръ, плещетъ валъ!
  Не все ли мнѣ равно?
Не страхъ, сэръ Чайльдъ, мнѣ сердце сжалъ:
  Оно тоской полнó.
Вѣдь я отца оставилъ тамъ,
  Оставилъ мать въ слезахъ.
Одно прибѣжище мнѣ — къ вамъ
  Да къ Богу въ небесахъ.

„Отецъ, какъ сталъ благословлять,
  Былъ твердъ въ прощальный часъ;
Но долго будетъ плакать мать,
  Не осушая глазъ."
Горюй, горюй, малютка мой!
  Понятна грусть твоя...
И будь я чистъ какъ ты душой,
  Заплакалъ бы и я!

А ты, мой йоменъ, чтó притихъ?
Что такъ поникъ челомъ?
Боишься непогодъ морскихъ,
Иль встрѣчи со врагомъ?
„Сэръ Чайльдъ, ни смерть мнѣ не страшна,
Ни штормъ, ни врагъ, ни даль;
Но дома у меня жена:
Ее, дѣтей мнѣ жаль!

„Хоть и въ родимой сторонѣ,
А все жь она — одна.
Какъ спросятъ дѣти обо мнѣ,
Чтó скажетъ имъ она?“
Довольно, другъ! ты правъ, ты правъ:
Понятная печаль!
А я... суровъ и дикъ мой нравъ:
Смѣясь я ѣду вдаль.

Слезамъ лукавыхъ женскихъ глазъ
Давно не вѣрю я:
Я знаю, ихъ другой какъ разъ
Осушитъ безъ меня!
Въ грядущемъ — нечего искать,
Въ прошедшемъ — все мертвó.
Больнѣй всего, что покидать
Не жаль мнѣ ничего.

И вотъ среди пучинъ морскихъ
Одинъ остался я...
И что́ жалѣть мнѣ о другихъ?
Чужда имъ жизнь моя.
Собака развѣ... да и та .
Повоетъ день-другой,
А тамъ — была бы лишь сыта,
Такъ я и ей чужой.

Корабль мой! пусть тяжелъ мой путь
Въ сырой и бурной мглѣ,
Неси меня — куда нибудь,
Лишь не къ родной землѣ!
Привѣтъ вамъ, темные валы!
И вамъ, въ концѣ пути,
Привѣтъ, пустыни и скалы!
Родной мой край, прости!

ФЕЛИСІЯ ГИМЕНСЪ.

Убаюкай, родная, больную меня,
Какъ баюкала, въ люлькѣ качая!
Мнѣ изнывшее средце, родная,
Убаюкай, крестомъ осѣня!

Головой утомленной склонилась бы я:
Засыпаетъ цвѣтокъ ночью темной;
Отдыхаетъ и странникъ бездомной...
Убаюкай, родная, меня!

Непогодой запугана птичка твоя...
Тяжела ты мнѣ, жизнь молодая!
И зачѣмъ я любила, родная?...
Ахъ, баюкай! баюкай меня!

---

* * *

Все, что вольно, снится мнѣ:
Голубой степной потокъ,

И по яркой быстринѣ
Убѣгающій челнокъ;
Скокъ оленя въ тьмѣ лѣсовъ —
Глазъ въ огнѣ, рога къ спинѣ;
Звонъ отъ тысячи ручьевъ...
Все, что вольно, снится мнѣ!

Подъ зубцами ясныхъ горъ
Снится мнѣ полетъ орла,
Виденъ солнечный просторъ,
Слышенъ шумный взмахъ крыла.
Я иду... кусты къ рѣкѣ
Никнутъ будто въ мирномъ снѣ...
Хоть бы парусъ вдалекѣ!...
Все, что вольно, снится мнѣ!

Снится мнѣ дитя въ цвѣтахъ
Средь сіяющихъ полянъ;
Синей ночью при звѣздахъ
Станъ кочующихъ цыганъ;
Шумъ на людныхъ площадяхъ;
Рощи въ праздничномъ огнѣ...
Сердце сдавлено въ цѣпяхъ —
И что вольно, снится мнѣ!

ТОМАСЪ ГУДЪ.

—

У СМЕРТНАГО ОДРА.

Всю ночь стерегли мы дыханье у ней...
Недвижно лежала она;
Въ груди колебалась слабѣй и слабѣй
Послѣдняя жизни волна.

Старались чуть внятно мы всѣ говорить,
Едва шевелились вокругъ,
Какъ-будто часть жизни своей удѣлить
Хотѣли, чтобъ ожилъ нашъ другъ.

То страхомъ надежда убита была,
То страхъ былъ надеждой убитъ:
Уснула — и кажется намъ, умерла;
Скончалась — мы думали, спитъ.

Туманное утро настало для насъ,
Сырая чуть дрогнула тѣнь;

А очи усопшаго друга, смежась,
Сіяющій видѣли день.

—

ПѢСНЯ О РУБАШКѢ.

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьи сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ — шьетъ — шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ —
Поетъ о рубашкѣ она.

„Работай! работай! работай,
Едва пѣтухи прокричатъ!
Работай! работай! работай,
Хоть звѣзды сквозь кровлю глядятъ!
Ахъ, лучше бы мнѣ пропадать
Въ неволѣ у злыхъ басурманъ!
Тамъ нечего женщинѣ душу спасать,
Какъ надо у насъ христіанъ.

„Работай! работай! работай,
Пока не сожметъ головы какъ въ тискахъ!
Работай! работай! работай,
Пока не померкнетъ въ глазахъ!

Строчку — ластовку — вóротъ —
Воротъ — ластовку — строчку...
Повáлитъ ли сонъ надъ шитьемъ — и во снѣ
Строчйшь все да рубишь сорочку.

„О братья любимыхъ сестеръ!
Опора любимыхъ супругъ, матерей!
Не холстъ на рубашкахъ вы носите — нѣтъ!
А жизнь безотрадную швей.
Шей! шей! шей!..
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
Рубашку и саванъ одною иглой
Я шью изъ того жь полотна!

„Но чтó мнѣ до смерти? Ея не боюсь,
И сердце не дрогнетъ мое,
Хоть тотчасъ костлявая гостья приди.
Я стала похожа сама на нее.
Похожа отъ голоду я на нее...
Здоровье не явится вновь.
О Боже! зачѣмъ это дорогъ такъ хлѣбъ,
Такъ дешевы тѣло и кровь?

„Работай! работай! работай!
Мой трудъ безконечный жестокъ.
А плата? Отрепье, солома въ углу,
Да черстваго хлѣба кусокъ.

Скамейка да столъ — голый полъ —
Убогая кровля сквозится...
И то́ любо мнѣ, какъ на сѣрой стѣнѣ
Порой моя тѣнь отразится.

„Работай! работай! работай
Отъ боя до боя часовъ!
Работай! работай! работай,
Какъ каторжникъ въ тьмѣ рудниковъ!
Строчка — ластовка — во́ротъ —
Во́ротъ — строчка — рубецъ...
Застелетъ глаза, онѣмѣетъ рука,
И сердце замретъ подъ конецъ.

„Работай! работай! работай,
Когда леденѣетъ въ окошкѣ стекло!
Работай! работай! работай,
Когда и свѣтло и тепло —
И ласточки, къ выступамъ кровли лѣпясь,
Щебечутъ въ сіяніи дня,
И кажутъ мнѣ яркія спинки свои,
И дразнятъ весною меня.

„О! только бы разъ подышать
Дыханьемъ луговъ, полевыми цвѣтами!
Вверху только небо одно,
Трава и цвѣты подъ ногами.

О! только бы часъ лишь прожить
Блаженствомъ младенческихъ лѣтъ,
Когда я не знала, что буду цѣнить
Дороже прогулки обѣдъ!

„О! только бы часъ лишъ одинъ!
Лишь мигъ!... чтобъ душа ожила...
Любовь и надежда! и мига вамъ нѣтъ:
Все время печаль отняла.
Поплакать бы — легче бы сердцу отъ слезъ...
Нѣтъ, слезы мои! не теките!
Иголкѣ моей не мѣшайте вы шить!
Шитья моего не мочите!“

Затекшіе пальцы болятъ,
И вѣки болятъ на опухшихъ глазахъ...
Швея въ своемъ жалкомъ отрепьѣ сидитъ
Съ шитьемъ и иголкой въ рукахъ...
Шьетъ — шьетъ — шьетъ,
Въ грязи, въ нищетѣ, голодна,
И жалобно горькую пѣсню поетъ...
Иль пѣсня та къ вамъ, богачи, не дойдетъ?..
Поетъ о рубашкѣ она.

СТАНСЫ.

I.

Жизнь, прощай! мутится умъ;
Міръ сталъ мертвенно угрюмъ;

Меркнетъ свѣтъ, и тьма ростетъ,
Словно ночь, грозясь, идетъ;
Холоднѣй и холоднѣй
Сѣрый паръ ползетъ съ полей,
И дыханье розъ смѣнилъ
Запахъ тлѣнья и могилъ.

II.

Здравствуй, жизнь! теплѣетъ кровь;
Ожила надежда вновь;
Черный страхъ бѣжитъ, какъ тѣнь
Отъ лучей, несущихъ день;
Быстро гонятъ тьму и хладъ
Свѣтъ, тепло и ароматъ...
Запахъ тлѣнья все слабѣй,
Запахъ розы все слышнѣй.

БАРРИ КОРНВАЛЬ.

—

ЛОДОВИКО СФОРЦА.

Сцена I.

Улица.

ГЕРЦОГЪ МИЛАНСКІЙ. ЛОДОВИКО СФОРЦА.

Герцогъ.

А такъ ли гордая была чиста,
Какъ и прекрасна?

Сфорца.

О! чиста, какъ пламя,
Горѣвшее на алтарѣ Діаны,
Мила, какъ вешній день. Она сіяла,
Какъ свѣтлый образъ греческаго миѳа,
Какъ изъ стихій рожденная богиня,
Влекущая въ свои объятья смертныхъ.
Прекраснѣе видѣнья не являлось
Поэту въ грезахъ; изъ арабскихъ сказокъ
Такая гурія въ завѣтный рай

Обѣтомъ счастья не манила. Голосъ
Чарующею музыкой звучалъ,
Какъ издали уловленные тоны
Пѣвучей флейты, что разноситъ рѣзвый
Іюньскій вѣтерокъ по цвѣтникамъ
И по садамъ, въ вечерней нѣгѣ спящимъ.

ГЕРЦОГЪ.

И умерла?

(*Изабелла показывается у окна.*)

СФОРЦА.

Да! умерла! — О Боже!
Кого я вижу? кто это?

ГЕРЦОГЪ.

Взгляните
И полюбуйтесь ею!

СФОРЦА.

Вижу, вижу...
Иль мертвые выходятъ изъ могилъ?..
Она сама... Иль тѣнь ея?.. Возможно ль?
Все тотъ же блескъ въ глазахъ, хотя ихъ смерть
Своей плевою темной затянула.
Смотрите!

ГЕРЦОГЪ.

Государь!

СФОРЦА.

Она исчезла.

(*Изабелла отходитъ отъ окна.*)

ГЕРЦОГЪ.

Моя невѣста это — Изабелла.

Сфорца.

Невѣста ваша?.. Да! она прекрасна!..
Ея лицо знакомо мнѣ... Въ мечтахъ я
Его видалъ... иль гдѣ-то... гдѣ — не знаю...
Теперь мечтать не стану — стану думать...
А можетъ-быть — и дѣйствовать.

(Входитъ Изабелла со свитой, Пietро де Медичи и другіе.)

Герцогъ.

Прошла ли,
Мой другъ, твоя усталость? Отдохнула ль
Ты послѣ переѣзда? — Да?.. Тревожить
Тебя и утомленье пожалѣло:
Твой взоръ горитъ, ища побѣдъ въ Миланѣ.

Изабелла.

Мой долгъ велитъ искать мнѣ лишь одной
Побѣды здѣсь.

Герцогъ.

А сердце?

Изабелла.

Сердце — тоже.

Герцогъ.

Послушай, милая!... два слова...
(Говорятъ про себя.)

Медичи.

Принцъ!

Сфорца.

А! Медичи! здорово!

Медичи.

Милый Сфорца,
Что съ вами? Вы въ какихъ-то думахъ. Даже
Друзей не замѣчаете.

Сфорца.

Ахъ, нѣтъ!
Вотъ развѣ мой племянникъ — въ сладкихъ грезахъ —
О дядѣ позабылъ...

Герцогъ.

Простите, другъ мой!
Простите! — Изабелла! это дядя
И опекунъ мой... Мнѣ отцомъ онъ былъ.
Люби его!

Сфорца.

Я — Лодовико Сфорца
И рыцарь вашъ, принцесса, если только
Такой вамъ жалкій рыцарь пригодится.

Изабелла.

Благодарю васъ, Сфорца.

Герцогъ.

Вонъ и Альпы!
Взгляни-ка, милая!

Сфорца.

Сюда, принцесса,
Взгляните! Снѣжныя вершины блещутъ,
Какъ-будто солнце увидали.

Герцогъ.

Горы —

И тѣ встрѣчаютъ радостнымъ привѣтомъ
Мою любовь. Все счастливо и ясно.
А сколько счастья тутъ — вотъ въ этомъ сердцѣ!

Изабелла.

Меня ты избалуешь!

Сфорца.

Этотъ день —
Торжественный для всей природы праздникъ,
И вы — его царица.

Изабелла.

Перестаньте!
Довольно!

Герцогъ.

Такъ идемъ! Здѣсь стало жарко;
Поищемъ тѣни.

Сфорца.

Я сейчасъ за вами.
(*Они уходятъ.*)
Она ушла — и будто ночь настала.
Какъ! мнѣ безумствовать — въ мои года?
Мнѣ быть игрушкой этого мальчишки?
Ему теперь поцарствовать охота...
Нѣтъ! это ужь моей заботой будетъ! —
Чтó за глаза у ней!.... По нимъ не скажешь,
Что жизнь ея спокойно потечетъ;
Иное у нея во взглядѣ. Будетъ
Она всѣмъ править здѣсь. А я?.. О, будь я
Тотъ Сфорца, что тому лѣтъ двадцат былъ

Увѣнчанъ во Флоренціи, быть-можетъ
Она и полюбить меня могла бы.
Любовь!... Ее ль стараться побѣдить,
Иль честолюбье?.. Но, и жажда власти,
И страсть меня влекутъ непобѣдимо.
Мой путь намѣченъ... Но куда? То скрыто
Во мглѣ грядущаго. — Подумать надо.

(*Уходитъ.*)

Сцена II.

Комната съ пышно-накрытымъ для ужина столомъ.

(*Годъ спустя.*)

Изабелла.

Какъ медлитъ время! словно позабыло
Свою обязанность. А были дни,
Когда оно летѣло. О, какъ сладки
Тѣ дни казались! какъ тогда досадна
Была мнѣ быстрота его! А нынѣ
Его крыло слезами я мочу.
Какъ тяжко подвигаются минуты!
Ужь не боится ль онъ придти?... О, нѣтъ!..
Чу! звонкій шагъ по залѣ. Это *онъ*,
Убійца, Сфорца. — Сердце! собери
Всю мощь свою, и бодро соверши
Долгъ правосудной мести!.. Вотъ онъ!

(*Входитъ Сфорца.*)

Сфорца.

Радость,
Любовь моя и божество! я васъ
Пришелъ благодарить за вашу милость.
Не опоздалъ ли?

Изабелла.

Нѣтъ, какъ разъ — минута
Въ минуту.

Сфорца.

Но вы грустны, Изабелла...
Ужь не лишило ль чтó меня надежды
На ваше объщанье?

Изабелла.

О, ничто!
Не сомнѣвайтесь, не ропщите, герцогъ!
Вы знаете, что мнѣ порою сердце
Вдругъ схватываетъ боль... Но я сегодня
Достойно угостить васъ постараюсь.

Сфорца.

Надѣюсь, лучше, милая, чѣмъ стóю?

Изабелла.

Вамъ стóитъ пожелать — и нѣтъ желанья
Неисполнимаго. Хоть я вдова,
Хоть и не все я выплакала горе,
Но улыбаться стану вамъ сквозь слезы,
Какъ солнышко апрѣльское сквозь дождь.
Вѣдь надо жь положить предѣлъ любовнымъ

Побѣдамъ вашимъ: загордились вы!
Я постараюсь васъ сдержать немножко.

Сфорца.

О, милая!...

Изабелла.

Вы будете моимъ,
Моимъ, пока — не разлучитъ насъ смерть.
Мнѣ было столько горя! такъ изныло
Все сердце!... Вы утѣшите меня.

Сфорца.

Чѣмъ, милая?

Изабелла.

Придумаемъ. — Ахъ, нѣтъ!
Ужь это слишкомъ вольно, государь!...
Нѣтъ; покорить меня словами надо
(Хоть и пустыми), нѣжною улыбкой
И взглядомъ нѣжнымъ, клятвами (хотя бы
Притворными) и тонкой лестью. Что жь?
Что жь? начинайте! говорите, герцогъ!
Я жду! я жду!

Сфорца.

До что жь тебѣ скажу я?
Предъ прелестью твоей безсильно слово.
Поэтомъ воспѣваемыхъ красавицъ
Считаютъ люди вымысломъ; не то же ль
И про тебя сказали бъ?

Изабелла.

У меня

Поэта нѣтъ, чтобъ лгать въ гремучихъ риѳмахъ,
И я останусь не воспѣтой.

Сфорца.

Нѣтъ,
Нѣтъ! я хочу, чтобъ въ сладостныхъ стихахъ
Твое звучало имя, чтобы славой
Скульптору и его искусству было
Твой образъ изваять, чтобъ живописцы
Въ изящномъ вымыслѣ изображали
Насъ вмѣстѣ, милая, рука съ рукою.

Изабелла.

Мысль не дурна.

Сфорца.

Ты — царственная Гера,
А я — Зевесъ... въ тѣ чудныя минуты,
Когда въ ея очахъ тонулъ онъ взглядомъ.

Изабелла.

Владычица Олимпа, государь,
Была сварлива, помнится; а я...

Сфорца.

Такъ будь ты дѣвой чудныхъ древнихъ басень,
Той дѣвою, что весело сбирала
Цвѣты въ поляхъ Сициліи — и тронъ
Съ Плутономъ раздѣлила... Не была ли
Она прелестнымъ о тебѣ предвѣстьемъ?...
Пусть встанутъ горы вкругъ тебя, и лягутъ,
Дремотно нѣжась, пышныя долины,
И потекутъ, сверкая, голубые

Ручьи Сициліи, и станетъ тихо
Подъ западнымъ склоняться дуновеньемъ
Зеленый лѣсъ въ мерцаньѣ предразсвѣтномъ,
Благоговѣйно ожидая свѣтлой
Улыбки Аполлона на востокѣ.
Еще бы что?... Да! Преклонивъ колѣни,
Ты будешь рвать цвѣты и чуткимъ слухомъ
Чего-то ждать; а я — влюбленный богъ —
Уже несусь на быстрой колесницѣ
Къ моей прелестной Прозерпинѣ...

Изабелла.

Этимъ
Я недóвольна.

Сфорца.

Отчего, мой ангелъ?

Изабелла.

Вѣдь, значитъ, вы возьмете въ *адъ* меня?...
Простите!... я разстроена — больна...
Не станемте объ этомъ говорить...
Хотите сѣсть за мой непышный ужинъ?

Сфорца.

Конечно, милая.

Изабелла.

Одни мы будемъ.

Сфорца.

Тѣмъ лучше.

(*Садятся за столъ.*)

Я не голоденъ; но выпью,
Моя царица, за твое здоровье!

Изабелла.

Вотъ, государь, и рѣдкое вино:
Оно, какъ драгоцѣнныя тѣ капли,
Которыхъ ищутъ мудрецы, вамъ дастъ
Безсмертіе.

Сфорца.

Такъ дай его сюда!
Желаю никогда тебѣ не знать
Минуты грустной!

Изабелла.

Ахъ! остановитесь!
Не пейте!

Сфорца.

Чтó такое?

Изабелла.

Вы хотите
Пить безъ меня?... Не стыдно ли! — Видали
Вы этотъ плодъ? Одинъ морякъ почтенный,
Объѣхавшій кругомъ весь міръ, привезъ мнѣ
Его съ индійскихъ острововъ: туземцы
Тамъ молятся, я слышала, ему,
Какъ божеству.

Сфорца.

Онъ вкусомъ сладокъ. Помню —
Его любилъ покойникъ Галеаццо.

Изабелла (*про себя*).

Благодарю васъ, духи мести!

(*Громко.*)

Что жь?

Теперь и за безсмертное вино
Приняться можно. Пейте, государь!
Въ честь Купидона!

СФОРЦА.

Пью. О! это былъ
Коварный богъ: онъ людямъ помрачалъ
Глаза, какъ мило повѣствуетъ басня.
Но у *меня* (а какъ влюбленъ я!) свѣтелъ
Взглядъ, какъ у стоика... Ой!

ИЗАБЕЛЛА.

Чтó такое?
Чтó съ вами?

СФОРЦА.

Ахъ, какъ холодно вино!

ИЗАБЕЛЛА.

Сейчасъ теплѣй покажется: оно,
Мнѣ говорили, согрѣваетъ сердце.
Послушайте! вчера случилось мнѣ
Прочесть про старца одного, поэта,
Что былъ когда-то въ Греціи. Всю жизнь
Онъ посвящалъ вину — и что же? умеръ
Отъ виноградинки. Вѣдь справедлива
Такая смерть!

СФОРЦА.

О, да!... Твое вино...

ИЗАБЕЛЛА.

И множество разсказовъ я слыхала,
Какъ люди жизнь постыдную кончали

Постыдной смертью: какъ бывалъ убійца
И самъ убитъ, какъ жертвою измѣны
Измѣнникъ падалъ, какъ сиротъ губившій
Самъ по міру съ сумой потомъ скитался.
Таковъ законъ Господень правосудный!
Какъ часто злодѣянье обращалось
На самогó злодѣя, казнь отмщеньемъ
Была за казнь — и *ядъ за ядъ* отплатой!

СФОРЦА.

Ой! сердце!

ИЗАБЕЛЛА.

Чтó? все холодно вино?

СФОРЦА.

Я весь горю. Скорѣй воды!

ИЗАБЕЛЛА.

Вы блѣдны.
Я позову на помощь. Эй! сюда!

(*Входятъ слуги.*)

ИЗАБЕЛЛА.

Связать его!

СФОРЦА.

Предательница!

ИЗАБЕЛЛА.

Ладно.
Оставьте насъ однихъ!

(*Слуги уходятъ.*)

Теперь не стану
Тебя обманывать — на этомъ свѣтѣ

Ты пить уже не будешь больше.

Сфорца.

Охъ!

Охъ! сердце!... Вѣроломная!... Нѣтъ силъ...

Изабелла.

Хотѣла бъ я, чтобъ правое возмездье
Свершилось надъ тобой не столь сурово.
Но можно ль было? Чувствовала я,
Что долженъ *умереть* ты — за меня,
За сына моего, за государя...
Вѣдь ты *убилъ* супруга моего.
Что смотришь?... Это горестная правда!
Ты въ герцогствѣ на первомъ мѣстѣ сѣлъ,
И всѣ права малютки моего
Развѣялъ прахомъ. Чтó на это скажешь?
Иль вздумаешь опровергать меня?
Что жь? отвѣчай, пока еще есть время!

(*Онъ умираетъ.*)

Молчишь? И такъ, ты осужденъ навѣки!
Мнѣ жаль почти, что взглядъ твой помертвѣлъ.
Глаза темны, недвижны... Какъ похожъ онъ
Становится на эти изваянья,
Что въ каменной, холодной бѣлизнѣ
На насыпяхъ кладбища возсѣдаютъ —
На память о жильцахъ его холодныхъ...
Да говори жь! Иль ты окаменѣлъ?
Что можешь ты сказать себѣ въ защиту?...
Ахъ, отвернись и не гляди! Какъ смѣешь

Такъ устремлять глаза ты на меня?...
Теперь уже не влюбишься! — Не лучше ль
Его поднять? Какъ плети, у него
Повисли руки... Отвернись же!... Страшно
Мнѣ прикоснуться до него... а надо!...
А! умеръ!... умеръ!... отъ меня... О Боже!
Прости ты мнѣ! Я горькая вдова —
И мать... Вѣдь ради своего дитяти
Я это сдѣлала. Онъ такъ жестоко
Насъ притѣснялъ, убійца! Онъ хотѣлъ
Изъ рукъ моихъ отнять мое дитя...
А у меня одинъ онъ — бѣдный птенчикъ!...
Что было дѣлать? какъ его спасти?
Другаго средства не сыскала я!

ТЕННИСОНЪ.

—

ГОДИВА.

Я поджидалъ поѣзда въ Ковентрі
И на мосту стоялъ съ толпой народа,
На три высокихъ, древнихъ башни глядя;
И старое преданье городское
Мнѣ вспомнилось...

Не мы одни — позднѣйшій
Посѣвъ временъ, новѣйшей эры люди,
Что мчимся вдаль, пути не замѣчая,
И прошлое хулимъ, и громко споримъ
О лжи и правдѣ, о добрѣ и злѣ —
Не мы одни любить народъ умѣли
И скорбь его душою понимать.
Не такъ, какъ мы (тому теперь десятый
Минуетъ вѣкъ), не такъ, какъ мы, народу
Не словомъ, дѣломъ помогла Годива,
Супруга графа грознаго, что правилъ

Всевластно въ Ковентри. Когда свой городъ
Онъ податью тяжелой обложилъ,
И матери сошлись толпами къ замку,
Неся дѣтей, и плакались: „Коль подать
Заплатимъ — всѣ мы съ голоду помремъ!“
Она пошла къ супругу. Онъ одинъ
Шагалъ по залѣ средь собачьей стаи;
На пядь впередъ торчала борода,
И нá локоть торчали сзади космы.
Про общій плачъ Година разсказала,
И мужа умоляла: „Если подать
Они заплатятъ — съ голоду умрутъ!“
Онъ странно на нее глаза уставилъ
И молвилъ: „Полноте! Вы не дадите
Мезинца уколоть за эту сволочь!“ —
„Я умереть готова!“ возразила
Ему Година. Онъ захохоталъ;
Петромъ и Павломъ клялся, что не вѣритъ;
Потомъ по бриліантовой сережкѣ
Ей щелкнулъ, и сказалъ: „слова! слова!“ —
„Скажите, чѣмъ“, промолвила она:
„Мнѣ доказать? Потребуйте любаго!“
И сердцемъ, жесткимъ, какъ рука Исава,
Графъ испытанье выдумалъ... „Ступайте
На лошади по городу нагая —
И отмѣню!“ Насмѣшливо кивнулъ
Онъ головой, и ровными шагами
Пошелъ, съ собой собачью стаю кликча.

Когда одна осталася Година,
Въ ней мысли, словно бѣшеные вихри,
Кружились и боролися другъ съ другомъ,
Пока не побѣдило состраданье.
Она отправила герольда въ городъ,
Чтобъ съ трубнымъ звукомъ всѣмъ онъ возвѣстилъ,
Что графъ назначилъ тяжкое условье,
Но что она спасти народъ рѣшилась.
„Они меня всѣ любятъ,“ говорила:
„Такъ пусть до полдня ни одна нога
Не ступитъ, ни одинъ не взглянетъ глазъ
На улицу, когда я ѣхать буду;
Пусть посидятъ покамѣстъ дома всѣ,
Затворятъ двери и закроютъ окна.“

Потомъ пошла она въ свою свѣтлицу,
И пряжку пояса съ двумя орлами,
Подарокъ злаго лорда своего,
Тамъ разстегнула. Но у ней стѣснилось
Дыханье, и замедлилась она,
Какъ медлитъ въ бѣлой тучкѣ лѣтній мѣсяцъ.
Опомнившись, тряхнула головой,
И до колѣнъ разсыпались волнами
Ея густые волосы. Поспѣшно
Она одежду сбросила, и стала
Украдкою по лѣстницѣ спускаться.
Какъ лучъ дневной между колоннъ скользитъ,
Такъ и Година кралась отъ колонны

Къ колоннѣ, и въ ворóтахъ очутилась.
Тутъ конь ея стоялъ ужь на готовѣ,
Весь въ пурпурѣ и въ золотыхъ гербахъ.

И нá конѣ поѣхала Годива,
Одѣта цѣломудріемъ. Казалось,
Вокругъ нея весь воздухъ притаился,
И вѣтерокъ едва дышалъ отъ страха,
И щурились изподтишка, лукаво
На жолобахъ съ широкой пастью рожи.
Дворняжка гдѣ-то тявкнула, и щоки
Годивы вспыхнули. Шаги коня
Ее кидали и въ езнобъ и въ трепетъ.
Казалось ей, что всѣ въ щеляхъ коварныхъ
Глухія стѣны, что затѣмъ тѣснятся
Надъ головой у ней шпили домовъ,
Чтобъ на нее взглянуть изъ любопытства.
Но ѣхала и ѣхала Годива,
Пока предъ ней въ готическія арки
Градской стѣны не показалось поле,
Сіяя бѣлымъ цвѣтомъ бузины́.

Тогда она поѣхала назадъ,
Одѣта цѣломудріемъ. Въ то время,
Одинъ несчастный, никогда не знавшій
Біенья благодарности въ груди
И бранному присловью давшій имя,
Дыру въ закрытомъ ставнѣ пробуравилъ

И, весь дрожа, лицомъ къ нему припалъ;
Но не успѣлъ желанья утолить,
Какъ у него глаза одѣлись мракомъ —
И вытекли. Такъ сила дѣлъ благихъ
Сражаетъ злыя чувства. Ничего
Не вѣдая, проѣхала Година —
И съ сотни башенъ разомъ сотней мѣдныхъ
Звенящихъ языковъ безстыдный полдень
Весь городъ огласилъ. Она поспѣшно
Вошла въ свою свѣтлицу, и надѣла
Тамъ мантію и графскую корону,
И къ мужу вышла, и съ народа подать
Сняла, и въ памяти людской навѣки
Оставила свое святое имя.

ЛОНГФЕЛЛО.

—

ПѢСНИ О НЕВОЛЬНИЧЕСТВѢ.

—

КЪ ВИЛЬЯМУ ЧАННИНГУ.

Когда изъ книги мнѣ звучалъ
Твой голосъ величаво, строго,
Я сердцемъ трепетнымъ взывалъ:
„Хвала тебѣ, служитель Бога!“

Хвала! Твоя святая рѣчь
Немолчно пусть звучитъ народу!
Твои слова — разящій мечъ
Въ священной битвѣ за свободу.

Не прерывай свой грозный кличъ,
Покуда ложь — закономъ вѣка,
Пока здѣсь цѣпь, клеймо и бичъ
Позорятъ званье человѣка!

Во глубинѣ твоей души
Господень голосъ непрестанно
Зоветъ тебя: „Пророкъ! пиши!“
Какъ на Патмосѣ Іоанна.

Пиши кровавыя дѣла,
И возвѣсти день скорби слёзной,
День гнѣва надъ пучиной зла,
Апокалипсисъ этотъ грозной!

СОНЪ НЕВОЛЬНИКА.

Истомленный, на рисовой нивѣ онъ спалъ.
Грудь открытую жегъ ему зной;
Серпъ остался въ рукѣ — и въ горячемъ пескѣ
Онъ курчавой тонулъ головой.
Подъ туманомъ и тѣнью глубокаго сна
Снова видѣлъ онъ край свой родной.

Тихо царственный Нигеръ катился предъ нимъ,
Уходя въ безграничный просторъ.
Онъ царемъ былъ опять, и на пальмахъ родныхъ
Отдыхалъ средь полей его взоръ.
И звеня и гремя опускалися въ долъ
Караваны съ сіяющихъ горъ.

И опять черноокой царицѣ своей
Съ нѣжной лаской глядѣлъ онъ въ глаза,

И дѣтей обнималъ — и опять услыхалъ
И родныхъ и друзей голоса.
Тихо дрогнули сонныя вѣки его —
И съ лица покатилась слеза.

И на борзомъ конѣ вдоль рѣки онъ скакалъ
По знакомымъ, роднымъ берегамъ...
Въ серебрѣ повода́, золотая узда...
Громкій топотъ звучалъ по полямъ
Средь глухой тишины, и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокамъ.

Впереди, словно красный кровавый платокъ,
Ярко-крылый фламинго летѣлъ,
Вслѣдъ за нимъ онъ до ночи скакалъ по лугамъ,
Гдѣ кругомъ тамариндъ зеленѣлъ.
Показалися хижины кафровъ — и вотъ
Океанъ передъ нимъ засинѣлъ.

Ночью слышалъ онъ ревъ и рыканіе льва,
И гіэны пронзительный вой;
Слышалъ онъ, какъ въ пустынной рѣкѣ бегемотъ
Мялъ тростникъ своей тяжкой стопой...
И надъ соннымъ пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кликъ боевой.

Миріадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;

Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли и небесъ голоса...
И улыбка и трепетъ прошли по лицу,
И смежилися крѣпче глаза.

Онъ не чувствовалъ зноя; не слышалъ, какъ бичъ
Провизжалъ у него надъ спиной...
Царство сна озарила сіяніемъ смерть,
И на нивѣ остался — нѣмой
И безжизненный трупъ: перетертая цѣпь,
Сокрушенная вольной душой.

БЛАГАЯ ЧАСТЬ, ЯЖЕ НЕ ОТЫМЕТСЯ.

Она живетъ у водъ Кенгавы,
Въ средѣ чужихъ дѣтей.
Ей школа — все; надежды, славы
Другой не нужно ей.

Какъ кроетъ все одеждой ясной
Цвѣтущая весна,
Такъ святостью души прекрасной
Объемлетъ всѣхъ она.

Сама съ дѣтьми въ поляхъ играетъ,
Всѣ съ лаской жмутся къ ней,
И кроткій взглядъ ея смиряетъ
Упрямыхъ дикарей.

Подъ вечеръ слушать всѣ готовы
 О Томъ, кто въ міръ грѣховъ
Пришелъ снять съ узника оковы,
 Освободить рабовъ.

„Придетъ пора — всѣ будутъ вóльны!
 По всей землѣ — по всей —
Какъ звонъ раздастся колокольный,
 Звукъ порванныхъ цѣпей!“

Такъ, слѣдуя Христа ученью,
 Смиренна и бѣдна,
Себя лишь ближнимъ на служенье
 Всю обрекла она.

И у нея богатство было;
 Но, помня божій страхъ,
Она рабовъ освободила
 И въ домѣ, и въ поляхъ.

Всѣ зá моремъ они, на волѣ,
 Въ краю своемъ родномъ;
Она жь живетъ въ смиренной долѣ
 Дневнымъ своимъ трудомъ....

Горячей силой ихъ молитвы
 Отъ бѣдъ охранена,
Какъ ангелъ, средь житейской битвы,
 Спокойна и ясна!

———

НЕВОЛЬНИКЪ ВЪ ПРОКЛЯТОМЪ БОЛОТѢ.

Въ Проклятомъ Болотѣ, въ трущобѣ лѣсной
Бѣжавшій невольникъ лежалъ.
Онъ видѣлъ — костеръ зажигали ночной;
Онъ слышалъ собакъ, за нимъ рыскавшихъ, вой,
И топотъ коней различалъ.

Гдѣ свѣтятся искры блудящихъ огней
Въ болотной травѣ, по кустамъ,
Гдѣ лѣпится мохъ у древесныхъ корней,
И лозы — всѣ въ пятнахъ, какъ кожа у змѣй —
Ползутъ по кедровымъ стволамъ;

Куда человѣкъ заглянуть бы не смѣлъ,
Гдѣ въ зыбкой трясинѣ кругомъ
Увлаженный дернъ подъ ногами скрипѣлъ,
Въ колючей и вязкой травѣ онъ засѣлъ,
Какъ звѣрь въ логовищѣ своемъ.

Несчастный старикъ, истомленный, больной:
Лицо все въ глубокихъ рубцахъ,
Какъ въ клеймахъ позорныхъ. Одеждой худой
Не могъ онъ прикрыть и позоръ свой другой —
Слѣды отъ бича на плечахъ.

Свѣтло и прекрасно на свѣтѣ всему,
Свобода и радость есть всѣмъ!
Вотъ векша скакнула, вотъ въ сонную тьму
Пѣснь вольная птицъ донеслася къ нему.
А онъ неподвиженъ и нѣмъ!

Разсвѣта не видѣлъ онъ въ жизненной мглѣ,
Въ неволѣ, въ цѣпяхъ, подъ бичомъ...
Какъ Каинъ, проклятье онъ несъ на челѣ,
Безвыходнымъ рабствомъ придавленъ къ землѣ,
Какъ колосъ тяжелымъ цѣпомъ!

ПѢНЬЕ НЕВОЛЬНИКА ВЪ ПОЛНОЧЬ.

Гимнъ Давида вдохновенный —
Рабъ и негръ — онъ громко пѣлъ;
Пѣлъ Сіонъ освобожденный,
Громъ побѣдъ и славныхъ дѣлъ.

Ночь была тиха, спокойна,
Все объято было сномъ,
И звучалъ полнó и стройно
Голосъ въ воздухѣ ночномъ.

Не такой ли гимнъ свободной
Слышалъ черный Фараонъ,
Какъ грозой пучины водной
Былъ съ войсками окруженъ.

Въ глубь души мнѣ мощно, страстно
Голосъ негра проникалъ;
То торжественно и ясно,
То стенаньемъ онъ звучалъ.

Павелъ съ Силой въ заточеньѣ
Пѣснью славили Христа,
И въ ту ночь — землетрясеньемъ
Дверь была имъ отперта.

Ангелъ вѣстникомъ спасенья
Къ негру явится ль въ тюрьму?
Дверь тюрьмы землетрясенье
Распахнетъ ли и ему?

СВИДѢТЕЛИ.

Въ пучинахъ глубокаго моря,
Схорóнены въ зыбкихъ пескахъ,
Лежатъ, позабытые всѣми,
Людскіе скелеты въ цѣпяхъ.

Въ глуби, гдѣ подъ вѣчнымъ волненьемъ
Недвижимо воды легли,
Со всѣмъ своимъ людомъ и грузомъ
Недвижно стоятъ корабли.

Надъ моремъ шумящія бури
Не хлещутъ ихъ черныхъ боковъ.

И въ тѣхъ корабляхъ — все скелеты,
Въ тяжелыхъ запястьяхъ оковъ.

То бѣдныхъ невольниковъ кости!
Бѣлѣя средь пагубной тьмы,
Изъ темныхъ валовъ они громко
Взываютъ: „свидѣтели мы!“

Есть рынки на нашей просторной
Землѣ, гдѣ людей продаютъ:
Ярмо имъ вздѣваютъ на шею,
И ноги имъ въ цѣпи куютъ.

Безъ гроба валяются трупы
Въ пустынѣ, на снѣдь коршунамъ;
Убійства мерещатся дѣтямъ,
Мѣшая имъ спать по ночамъ.

Корысть ненасытная, похоть,
Кичливый, безстыдный порокъ,
Кровавыя мысли, злодѣйство,
Мутящія жизни потокъ!

Несется вамъ кликъ обвиненья
Изъ этой невѣдомой тьмы.
Изъ тайныхъ могилъ своихъ кости
Взываютъ: „свидѣтели мы!“

———

КВАТРОНКА.

Повѣсивъ праздно паруса,
  Корабль въ заливѣ ждалъ,
Чтобъ мѣсяцъ вышелъ въ небеса,
  И вздулся темный валъ.

Причаливъ къ берегу въ челнѣ,
  Рабочій людъ слѣдилъ,
Какъ аллигаторъ ползъ на днѣ
  Улечься въ мягкій илъ.

А воздухъ вкругъ благоухалъ
  Отъ травъ и отъ цвѣтовъ,
Какъ-будто рай порой дышалъ
  На этотъ міръ грѣховъ.

Плантаторъ въ шалашѣ своемъ
  Задумчиво курилъ.
Купецъ, прибывшій съ кораблемъ,
  Окончить торгъ спѣшилъ.

Онъ молвилъ: „Не гостить привелъ
  Я свой корабль въ заливъ.
Я жду, чтобъ мѣсяцъ лишь взошелъ,
  Да начался приливъ.“

Въ лицѣ съ предчувствіемъ нѣмымъ,
Робка и хороша,
Кватронка - дѣвушка предъ нимъ
Стояла чуть дыша.

Большіе искрились глаза;
По груди молодой
Спускалась черная коса
До юбочки цвѣтной.

Улыбки свѣтъ въ лицѣ у ней
Мерцалъ, такъ святъ и тихъ,
Какъ свѣтъ лампадъ въ углу церквей
На ликѣ у святыхъ.

Плантаторъ думалъ: „Старъ мой домъ,
И проку нѣтъ въ землѣ!“
Взглянулъ на дѣвушку — потомъ
На деньги на столѣ.

Въ душѣ смущенной верхъ брала
То жадность, то любовь.
Онъ зналъ, чья страсть ей жизнь дала,
И чья текла въ ней кровь.

Но глубь души была черна:
Онъ не осилилъ зла —
И деньги взялъ. Тутъ вся она
Застыла, замерла.

И жертву новую свою
Купецъ повелъ съ собой,
Чтобъ быть ему въ чужомъ краю
Наложницей, рабой.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Припомните еврейское сказанье
О мужѣ томъ, что растерзалъ рукой,
Какъ агнца, льва, — ка́къ, жалкій и слѣпой,
Не видя свѣта божья, истязанья
Онъ отъ враговъ терпѣлъ, лишенный силъ,
И жорновъ цѣлый день въ тюрьмѣ кружилъ;
Какъ наконецъ на пиръ изъ заточенья
Былъ приведенъ — сносить враговъ глумленья.

Въ отчаяньи, средь пира, обнялъ онъ
Столпы громадной храмины руками —
Шатнулся сводъ надъ пирными столами
И стѣны рухнули со всѣхъ сторонъ.
При грохотѣ разрушеннаго зданья
Смѣнились страшнымъ воплемъ ликованья.
Погибъ и рабъ, несчастный и слѣпой;
Но тысячи похоронилъ съ собой!

Самсонъ порабощенный, ослѣпленный
Есть и у насъ въ странѣ. Онъ силъ лишенъ,
И цѣпь на немъ. Но — горе! если онъ
Подниметъ руки въ скорби изступленной —
И пошатнетъ, кляня свой тяжкій плѣнъ,
Столпы и основанья нашихъ стѣнъ —
И безобразной грудой рухнутъ своды
Надъ горделивой храминой свободы!

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ГËТЕ.

—

ПѢСНЯ МИНЬОНЫ.

Ты знаешь ли край, гдѣ лимонныя рощи цвѣтутъ,
Гдѣ въ темной листвѣ померанецъ горитъ золо-
тистой,
Гдѣ съ неба лазурнаго нѣгою вѣетъ душистой,
Гдѣ скромно такъ мирты, гдѣ гордо такъ лавры
растутъ?
Ты край этотъ знаешь?
Туда бы! туда
Съ тобою, мой милый, ушла навсегда!

Ты знаешь ли домъ? Его кровля на стройныхъ
столбахъ,
И зала сіяетъ, и мраморъ блеститъ на стѣнахъ,
И статуи рядомъ стоятъ и глядятъ, вопрошая:
„Ахъ, что съ тобой, бѣдная? что съ тобой ста-
лось, родная?“

Ты домъ этотъ знаешь?
Туда бы! туда
Съ тобою, родной мой, ушла навсегда!

Ты знаешь ли гору? тропинка за тучи ползетъ,
И мулъ средь тумановъ тамъ, тяжко ступая, идетъ,
И старыя гнѣзда драконовъ въ ущельи гнѣздятся,
И рушатся скалы, и съ ревомъ потоки клубятся.
Ты гору ту знаешь?
Туда бы! туда
Путемъ тѣмъ, отецъ мой, уйти навсегда!

ОБМАНЪ.

Шелохнулась занавѣска
У сосѣдки на окнѣ:
Видно вздумалось плутовкѣ
На окно взглянуть ко мнѣ.

Видно хочется провѣдать,
Все ли такъ же я сердитъ,
Или ропотъ мой ревнивый
Пріутихъ — и гнѣвъ забытъ.

Ахъ! плутовка спитъ спокойно —
И не грезитъ обо мнѣ...
То шалунъ играетъ вѣтеръ
Занавѣской на окнѣ.

ПѢСНЯ КЛАРЫ.

Радостныхъ
И тягостныхъ
Думъ такъ много
Томишься —
И боишься;
И счастье, и тревога!
Небесно ликуешь —
И смертно тоскуешь...
Жизнь лишь тогда хороша,
Какъ полюбитъ душа!

МОГИЛА АНАКРЕОНА.

Гдѣ роза юная въ тиши благоухаетъ,
Гдѣ горделивый лавръ и цѣпкій виноградъ
Сплелися дружески, гдѣ горлица вздыхаетъ,
И слышенъ въ зелени пріятный крикъ цикадъ,
Кого изъ смертныхъ здѣсь могила пріютила?
Кому надгробный холмъ такъ пышно расцвѣтила
Рука боговъ? — Тутъ спитъ Анакреонъ пѣвецъ.
Счастливецъ, и весну онъ видѣлъ молодую,
И лѣто жаркое, и осень золотую,
И отъ сѣдой зимы здѣсь скрылся наконецъ!

Факелъ возьми прометеевъ: людей оживи ты имъ,
Муза!
Факелъ Амура возьми: мучь и счастливь имъ
людей!

БЛИЗОСТЬ.

Часто мы другъ другу чужды,
Далеки въ толпѣ людской.
Свѣтъ иль шумъ тому виной —
Право, знать намъ мало нужды:
На безлюдьи, въ тишинѣ
Близость нашу мы почуемъ,
И знакомымъ поцалуемъ
Тотчасъ скажешься ты мнѣ!

Жизнью украсилъ язычникъ свои саркофаги и урны.
Пестрою вязью сплетясь, фавны, вакханки вокругъ
Пляшутъ. Щеки надулъ козлоногій сатиръ, и
трудится:
Рогъ дребезжащій его хрипло и дико звучитъ.
Мнится, изъ мрамора слышны и стройный кимвалъ
и тимпаны.
Вотъ наливные плоды рѣзвыя птицы клюютъ.
Шумъ не пугаетъ ихъ; онъ не спугнетъ и подавно
Амура:
То-то раздолье ему съ факеломъ бѣгать въ толпѣ!

Такъ изобилію жизни и самая смерть покорилась:
Въ тихомъ вмѣстилищѣ сёмъ словно и пепелъ живетъ! —
Свитокъ мой! урну съ пепломъ пѣвца окружи ты собою:
Жизнью обильной тебя щедро украсилъ пѣвецъ!

БЛИЗОСТЬ МИЛАГО.

Съ тобою мысль моя — горятъ ли волны моря
Въ огнѣ лучей;
Луна ли кроткая, съ туманомъ ночи споря,
Сребритъ ручей.

Я вижу образъ твой — когда далеко въ полѣ
Клубится прахъ,
И въ ночь, какъ странника объемлятъ поневолѣ
Тоска и страхъ.

Я слышу голоеъ твой — когда начнетъ съ роптаньемъ
Волна вставать;
Иду въ долину я, объятую молчаньемъ —
Тебѣ внимать.

И я вездѣ съ тобой, хоть ты далекъ отъ взора!
Съ тобой вездѣ!
Ужь солнце за горой; взойдутъ и звѣзды скоро...
О, гдѣ ты? гдѣ?

ВЕЧЕРНЯЯ ПѢСНЯ ОХОТНИКА.

Я крадусь полемъ, тихъ и дикъ;
Взведенъ курокъ ружья.
Опять твой свѣтлый, милый ликъ,
Въ мечтаньѣ вижу я.

Тиха, спокойна, въ этотъ мигъ
Гуляешь ты въ поляхъ.
Мой промелькнувшій, блѣдный ликъ
Не всталъ въ твоихъ мечтахъ.

Тоска и зло сдавили грудь...
Я исходилъ весь свѣтъ:
Къ востоку путь, на западъ путь;
Къ тебѣ — дороги нѣтъ!

Но о тебѣ и мысль одна
Мнѣ лучъ во мглѣ ночной:
Покоемъ вновь душа полна...
Не знаю, что́ со мной!

НОВАЯ ЛЮБОВЬ И НОВАЯ ЖИЗНЬ.

Сердце, сердце! что́ съ тобою?
Что́ смутило глубь твою?
Жизнью ты живешь иною...
Я тебя не узнаю!

Мимо все, что ты любило,
Мимо, что тебя томило —
И забота, и покой.
Что же сдѣлалось съ тобой?

Или этотъ образъ милый
Оковалъ мечты твои?
Иль въ тебѣ не стало силы
Пре́зрѣть этотъ взоръ любви?
Захочу ли ободриться,
Отвернуться, удалиться —
Мнѣ и шагу не шагнуть,
Снова къ ней лежитъ мой путь.

Нить волшебную напрасно
Я стараюсь оборвать;
Противъ воли все къ прекрасной
Возвращаюся опять —
И, вступая въ кругъ суровой,
Покоряюсь жизни новой.
Какъ я слабъ и молодъ вновь!
Отпусти меня, любовь!

СОНЪ И ДРЕМОТА.

Сонъ и Дремоту, двухъ братій, служенью боговъ обреченныхъ,
Съ неба низвелъ Прометей роду людскому служить.
Чтó было въ пору богамъ, человѣку пришлось не по силамъ:
Стала Дремота ихъ Сномъ, Смертію сталъ намъ ихъ Сонъ.

БЛАЖЕНСТВО ГРУСТИ.

Не высыхайте, не высыхайте,
Слезы вѣчной любви!
Ахъ! и едва осушенному оку
Мертвъ и пустыненъ кажется міръ.
Не высыхайте, не высыхайте,
Слезы несчастной любви!

Эта гондола мнѣ кажется тихо качаемой люлькой;
Ящикъ же этотъ на ней — словно вмѣстительный гробъ.
Такъ-то мéжь люлькой и гробомъ качаютъ и носятъ насъ волны,
И беззаботно мы вдаль пó морю жизни плывемъ.

НОЧНАЯ ПѢСНЯ СТРАННИКА.

Ты, небесный, ты, святой,
Всѣ печали утоляющій,
Изнуренному борьбой
Облегченье посылающій!
Утомителенъ мой путь,
Край далекъ обѣтованный...
Миръ желанный,
Снизойди въ больную грудь!

ШИЛЛЕРЪ.

—

БЕЗПРЕДѢЛЬНОСТЬ.

Надъ бездной возникшихъ изъ мрака міровъ
Несется челнокъ мой на крыльяхъ вѣтрóвъ.
Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Гдѣ жизни дыханіе спитъ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ.

Я видѣлъ: звѣзда за звѣздою встаётъ —
Свершать вѣковѣчный, размѣренный ходъ.
Вотъ въ цѣли, играя,
Несутся.... Блуждая,
Окрестъ обращается взоръ,
И видитъ — беззвѣздный просторъ!

И вихря, и свѣта быстрѣй мой полетъ.
Отважнѣе! въ область хаоса! впередъ!

Но тучей туманной,
По тверди пространной,
Ладьѣ дерзновенной во слѣдъ
Клубятся системы планетъ.

И вижу — пловецъ мнѣ на встрѣчу спѣшитъ.
„О, странникъ! куда и зачѣмъ ты?“ кричитъ.
— Проплывши пучину,
Свой якорь закину,
Гдѣ жизни дыханіе спитъ,
Гдѣ грань мірозданья стоитъ! —

„Вотще! безпредѣльны пути предъ тобой!“
— Межи не оставилъ и я за собой!...
Напрасны усилья!
Орлиныя крылья,
Пытливая мысль, опускай
И якорь, смиряясь, бросай!

МИГЪ.

Шуменъ, радостенъ и тѣсенъ,
Вновь сомкнулся нашъ кружокъ.
Заплетемте жъ свѣжихъ пѣсенъ
Зеленѣющій вѣнокъ!

Но кого между богами
Пѣсня первая почтитъ?
Онъ воспѣтъ да будетъ нами —
Онъ, что радость намъ даритъ!

Хоть Церера съ нивы нашей
Хлѣбъ несетъ намъ на алтарь,
И вливаетъ Бахусъ въ чаши
Гроздій пурпуръ и янтарь;

Но коль съ неба огнь священный,
Алтаря не опалитъ,
Не зажжется духъ нашъ плѣнный,
Въ сердцѣ радость не вскипитъ!

Свыше къ намъ нисходитъ счастье,
Отъ божественныхъ владыкъ;
Но изъ нихъ всѣхъ выше властью —
Изъ владыкъ владыка — Мигъ!

Съ той поры, какъ произволу
Смутныхъ силъ назначенъ строй,
Все божественное долу —
Свѣтъ лишь мысли огневой.

Тихо въ мѣрномъ Оръ движеньѣ
Дѣло жизни совершай;
Мигъ же краткій вдохновенья
Быстро сердцемъ уловляй!

Фебъ съ безоблачной лазури
Стелетъ въ мигъ покровъ цвѣтной,
Въ мигъ по небу послѣ бури
Строитъ мостъ Ирида свой.

Такъ и каждый даръ прекрасный,
Словно молніи струя,
Промелькнетъ — и гаснетъ, ясный,
Въ черной тьмѣ небытія!

ДИѲИРАМБЪ.

Порознь безсмертные къ смертнымъ не сходятъ
С горнихъ высотъ:
Слѣдомъ за Вакхомъ веселымъ, на праздникъ
Мчится Эротъ, прихотливый проказникъ,
Фебъ лучезарный идетъ.
Сходятся гости небеснаго края;
Свѣтлыхъ пріемлетъ обитель земная.

Что̀ въ угощенье сынъ праха предложитъ
Вѣчнымъ богамъ?
Вы, олимпійцы, меня одарите
Вашею жизнью безсмертной! возьмите
Въ небо лазурное, къ вамъ!
Родина радости — Зевса чертоги...
Вашего нектара дайте мнѣ, боги!

„Свѣтлымъ напиткомъ налей ему, Геба,
„Полный фіалъ!
„Влагой небесной омой ему око,
„Чтобъ ненавистнаго Стиксова тока
„Онъ, какъ и мы, не видалъ!“
Нектаръ Олимпа, ліясь, пламенѣетъ...
Сердцу просторнѣе, око свѣтлѣетъ.

ПРОЩАНІЕ ГЕКТОРА.

АНДРОМАХА.

О, Гекторъ, супругъ мой, уже ли меня ты покинешь?
Пойдешь ли туда, гдѣ Ахиллъ безпощадной рукою
Приноситъ кровавыя жертвы Патроклу? Кто будетъ
Малютку учить твоего — покоряться безсмертнымъ
И дротикъ метать? О, мой Гекторъ, что станется съ нами,
Когда ты потонешь въ пучинѣ туманнаго Орка?

ГЕКТОРЪ.

Не плачь, дорогая супруга! отри свои слезы!
Въ груди моей мщенье кипитъ врагамъ за отчизну...
Рука моя будетъ защитой роднаго Пергама;
И если паду я — паду за пенатовъ отцовскихъ;
И къ Стиксу сойду какъ защитникъ твердынь иліонскихъ!

АНДРОМАХА.

Увы! не внимать мнѣ бряцанью доспѣховъ супруга!
Твой мечъ сиротѣющій ржавчина съѣстъ, и съ тобою
Погибнетъ на вѣки могучее племя Пріама!
Сойдешь ты туда, гдѣ и дня не бывало отъ вѣка,
Гдѣ волны Коцита рыдаютъ и стонутъ въ пустынѣ...
О, Гекторъ, супругъ мой, любо́вь твоя въ Летѣ потонетъ!

ГЕКТОРЪ.

Потонутъ въ ней всѣ мои страсти, порывы и думы —
Любовь не погибнетъ въ холодной пучинѣ забвенья.
Но, слышишь?.. ужь варваръ примчался къ стѣнамъ Иліона!
Мечемъ опояшь меня!.. Плачъ свой оставь ты, и вѣруй:
Любовь моя вѣчная въ Летѣ погибнуть не можетъ!

НАДОВЕССКАЯ ПОХОРОННАЯ ПѢСНЯ.

Посморите! вотъ — поса́женъ
На плетеный одръ —
Какъ живой сидитъ онъ, важенъ,
Величавъ и бодръ.

Но ужь тѣло недвижимо,
Бездыханна грудь...
Въ трубкѣ жертвеннаго дыма
Ей ужь не раздуть.

Очи, гдѣ вашъ взоръ орлиный?
Не вглядитесь вы
По долинѣ въ слѣдъ звѣриный
На росѣ травы.

Ты не встанешь, легконогій!
Не направишь бѣгъ,
Какъ олень вѣтвисто-рогій,
Черезъ горный снѣгъ.

Не согнешь, какъ прежде, смѣло
Свой упругій лукъ...
Посмотрите! отлетѣла
Жизнь изъ сильныхъ рукъ.

Миръ душѣ его свободной! —
Тамъ, гдѣ нѣтъ снѣговъ,
Тамъ, гдѣ маисъ самородный
Зрѣетъ средь луговъ...

Гдѣ въ кустахъ щебечутъ птицы,
Полонъ дичи боръ,
Гдѣ гуляютъ вереницы
Рыбъ по дну озёръ.

Уходя на пиръ съ духáми,
Насъ оставилъ онъ,
Чтобы здѣсь, воспѣтый нами,
Былъ похоронёнъ.

Трупъ надъ вырытой могилой
Плачемъ огласимъ!
Все, что было другу мило,
Мы положимъ съ нимъ:

Въ головахъ — облитый свѣжей
Кровью томагóкъ;
Съ боку окорокъ медвѣжій;
Путь его далёкъ!

Съ нимъ и ножъ! Надъ вражьимъ трупомъ
Онъ не разъ сверкалъ,
Какъ, бывало, кожу съ чубомъ
Съ черепа сдиралъ.

Алой краски въ руки вложимъ,
Чтобъ, натершись ей,
Онъ явился краснокожимъ
И въ страну тѣней.

ИСТУКАНЪ ИЗИДЫ.

I.

Жрецами Сáиса, въ Египтѣ, взятъ въ ученье
Былъ пылкій юноша, алкавшій просвѣщенья.
Могучей мыслію онъ быстро обнялъ кругъ
Хранимыхъ мудростью таинственныхъ наукъ;

Но смѣлый духъ его рвался къ познаньямъ новымъ.
Наставникъ-жрецъ вотще старался кроткимъ словомъ
Въ душѣ ученика смирять мятежный пылъ.
„Скажи мнѣ, что мое“, пришелецъ говорилъ:
„Когда не все мое? Гдѣ знанью грань положимъ?
Иль самой Истиной, какъ наслажденьемъ, можемъ
Лишь въ разныхъ степеняхъ и порознь обладать?
Ее ль, единую, дробить и раздѣлять?
Одинъ лишь звукъ убавь въ гармоніи чудесной!
Одинъ лишь цвѣтъ возьми изъ радуги небесной!
Чтó значитъ звукъ одинъ, и чтó единый цвѣтъ?
Но нѣтъ гармоніи, и радуги ужь нѣтъ!“

II.

Однажды, говоря о таинствахъ вселенной,
Наставникъ съ юношей къ ротондѣ отдаленной
Пришли, гдѣ полотномъ закрытый истуканъ
До свода высился, какъ грозный великанъ.
Дивяся, юноша подходитъ къ изваянью.
„Чей образъ кроется подъ этой плотной тканью?“
Спросилъ онъ. — „Истины подъ ней таится ликъ“,
Отвѣтилъ спутникъ. — „Какъ!“ воскликнулъ ученикъ:
„Лишь Истины ищу, по ней одной тоскую;
А отъ меня ее сокрыли вы, святую!“

„То воля божества!“ промолвилъ жрецъ въ отвѣтъ:
„Завѣсы не коснись (таковъ его завѣтъ),
Пока съ себя саме ея не совлеку я!
Кто жь, сокровенное преступно испытуя,

Подниметъ мой покровъ, тому присуждено...“ —
„Что?“ — „Истину узрѣть.“ — „Значенье словъ
темно́;
Въ нихъ смыслъ таинственный. Запретнаго покрова
Не поднималъ ты?“ — „Нѣтъ! и искушенья злова
Не вѣдалъ умъ.“ — „Дивлюсь! О, еслибъ, точно, я
Былъ имъ лишь отдѣленъ отъ цѣли бытія —
Отъ Истины!...“ — „Мой сынъ!“ прервалъ его
сурово
Наставникъ: „преступить божественное слово
Не трудно. Долго ли завѣсу приподнять?
Но каково душѣ себя преступной знать?“

III.

Изъ храма юноша печальный и угрюмой
Пришелъ домой. Душа одной тревожной думой
Была полна, и сонъ отъ глазъ его бѣжалъ.
Въ жару метался онъ на ложѣ и стеналъ.
Ужь было за полночь, какъ шаткими стопами
Пошелъ ко храму онъ. Цѣпляяся руками
За камни, на окно вскарабкался; съ окна
Спустился въ темный храмъ, и вотъ — предъ
нимъ она,
Ротонда дивная, гдѣ цѣль его исканья.

Повсюду мертвое, могильное молчанье;
Порой лишь смутный гулъ изъ скленовъ отвѣчалъ
На робкіе шаги. Повсюду мракъ лежалъ,
И только блѣдное серебристое мерцанье

Лила изъ купола луна на изваянье,
Въ покровъ одѣтое... И, словно богъ живой,
Казалось, истуканъ качаетъ головой,
Казалось, движутся края одежды бѣлой.

И къ богу юношу приблизилъ шагъ несмѣлой,
И косная рука ужь поднята была,
Но кровь пылала въ немъ, и капалъ потъ съ чела,
И вспять его влекла незримая десница.
„Безумецъ! чтó творишь? куда твой духъ стремится?
Тебѣ ли, бренному, безсмертное пытать?“
Взывалъ глазъ совѣсти. „Ты хочешь приподнять
Завѣсу, а забылъ завѣщанное слово:
До срока не коснись запретнаго покрова!“
Но для чего жь завѣтъ божественный гласитъ:
Кто приподниметъ ткань, тотъ Истину узритъ?
„О, чтó бы ни было; я вскрою покрывало!
Увижу!“ вскрикнулъ онъ. — „Увижу!“ прокричало
И эхо громкое изъ сумрачныхъ угловъ...
И дерзкою рукой онъ приподнялъ покровъ.

IV.

Что жь увидалъ онъ тамъ?... У ногъ Изиды, въ храмѣ,
Поутру, недвижимъ онъ поднятъ былъ жрецами.
И чтó онъ увидалъ? и чтó постигнулъ онъ?
Вопросы слышались ему со всѣхъ сторонъ.
Угрюмый юноша на нихъ отвѣта не далъ...
Но въ жизни счастья онъ и радости не вѣдалъ.

Въ могилу раннюю тоска его свела,
И къ людямъ рѣчь его прощальная была:
„Кто къ Истинѣ идетъ стезею преступленья,
Тому и въ Истинѣ не вѣдать наслажденья!“

КОЛУМБЪ.

Далѣе, смѣлый пловецъ! И пусть невѣжды смѣются,
Пусть, утомившися, руль выпуститъ кормчій изъ рукъ —
Далѣе, далѣе къ западу! Долженъ тамъ берегъ явиться:
Ясно видится онъ мысли твоей вдалекѣ.
Вѣруй вожатаю-разуму! бодро плыви океаномъ!
Если земли тамъ и нѣтъ — выйдетъ она изъ пучинъ.
Въ тѣсномъ союзѣ и были и будутъ природа и геній:
Чтó обѣщаетъ намъ онъ — вѣрно исполнитъ она!

ОДИССЕЙ.

Всѣ моря переплылъ Одиссей, возвращаясь въ отчизну:
Слышалъ и Сциллы онъ лай, зрѣлъ и Харибды грозу;

злобу и горе на сушѣ извѣдалъ,
ный аидъ, долго блуждая, попалъ.
принесли ко прибрежью Итаки:
сна пробудясь, родины онъ не
узналъ.

НЕНІЯ.

прекрасному — богу людей и безсмертныхъ!
о грудь, мѣди подобно, тверда.
ла любовь до властителя сумрачныхъ тѣней,
еще строго онъ отнялъ свой даръ.
цитъ прекраснаго юноши рану:
но красу тѣла его растерзалъ.
ь не спасла великаго сына:
йскихъ воротъ волей державныхъ
судебъ...
моря въ сонмѣ дщерей Нерея:
илъ опять славный дѣлами герой.
ютъ и плачутъ богини Олимпа,
му — смерть, смерть красотѣ
суждена.
чали славно въ устахъ быть любимыхъ;
ое въ Оркъ сходитъ безъ звуковъ любви.

Гомеровъ

Вѣчной поэмы е
ко и стройно на
Вѣчной природы ч

СЪ

надежды, землѣ т
И ожидаешь весной ра
Что же боишься на полѣ в
Мудрости смѣлой посѣвъ

СОГЛА

Истины оба мы ищемъ: ея
Въ сердцѣ ищу я, и —
Здравое око увидитъ Тво

Здравое сердце въ себѣ

АРХИМЕДЪ И

Юноша, жаждущій знаній,

О! посвяти меня въ тайн

ИЛІАДА.

Рвите гомеровъ вѣнокъ, и считайте отцовъ совершенной,
Вѣчной поэмы его! Матерь одна у нея:
Ясно и стройно на ней родныя черты отразились —
Вѣчной природы черты въ ихъ неизмѣнной красѣ.

СѢЯТЕЛЬ.

Полонъ надежды, землѣ ты ввѣряешь зерно золотое —
И ожидаешь весной радостно всхода его.
Что же боишься на полѣ временъ свои сѣять дѣянья?
Мудрости смѣлой посѣвъ тихо цвѣтетъ для вѣковъ.

СОГЛАСІЕ.

Истины оба мы ищемъ: ея ты ищешь въ природѣ,
Въ сердцѣ ищу я, и — вѣрь! оба ее обрѣтемъ.
Здравое око увидитъ Творца въ чудесахъ мірозданья;
Здравое сердце въ себѣ міръ и Творца отразитъ.

АРХИМЕДЪ И УЧЕНИКЪ.

Юноша, жаждущій знаній, однажды пришелъ къ Архимеду.
„О! посвяти меня въ тайну науки божественной!“ молвилъ:

„Той, что отчизнѣ столь дивныя службы служила —
И охранила отъ вражьей самбуки *) родныя твердыни!“
— Ты называешь науку божественной! мудрый отвѣтилъ.
— Да, не служа государству, была таковою наука.
Хочешь плодовъ отъ нея? Но плодовъ и отъ смертной добудешь;
Хочешь богиню святую въ ней видѣть, — жены не ищи въ ней. —

ОЖИДАНІЕ И ИСПОЛНЕНІЕ.

Съ тысячью гордыхъ судовъ пускается юноша въ море;
Чуть уцѣлѣвшій челнокъ къ пристани правитъ старикъ.

ДАНАИДЫ.

Вѣки черпаемъ ситомъ, и камень у сердца мы грѣемъ:
Холоденъ камень, какъ былъ; въ ситѣ ни капли воды.

---

*) Самбукою называлась осадная машина, которою дѣйствовалъ Марцеллъ на стѣны Саракузъ.

ДРУГЪ И ВРАГЪ.

Дорогъ мнѣ другъ, но полезенъ и врагъ: наблюденія друга
Силу оцѣнятъ мою; врагъ мнѣ укажетъ мой долгъ.

РЕБЕНОКЪ ВЪ КОЛЫБЕЛИ.

Счастливъ младенецъ! ему въ колыбели просторъ безконечный;
Тѣсенъ будетъ потомъ міръ безконечный ему.

TRIEBFEDERN.

Страхъ пусть прутомъ желѣзнымъ своимъ раба побуждаетъ.
Розовой вязью своей ты меня, радость, веди.

ЛЖЕУЧЕНЫЕ.

Сколько у истины новыхъ враговъ!... Душа замираетъ.
Къ свѣту тѣснится — увы! стая незрячая совъ.

—

ОТНИКЪ.

е вкусилъ плода:
ідъ знанья и труда.

ІСТЬ.

и мнѣнья, и чувства
ъ дѣлятъ.
и мнѣ, и тебѣ.

Ѣ.

не знаю; но страшно,
ікъ взглянешь
сотень и тысячъ людей.

Ь.

мотри на людей и дѣла
къ;
въ сердце къ себѣ
глями!

ОЛѢНІЕ.

Иль было и прежде,
ікъ нынѣ?
юши стары у насъ!

Ли только есть ...

Вѣчно великимъ ...

ВЕЛИК...

Вѣкъ породилъ намъ э...

Въ этотъ великій мо...

НАТУРАЛИСТЫ И Т...
НЫЕ ФИЛ...

Будьте враждебны другъ др...

Только отдѣльно ища, по...

ДОЛГЪ К...

Къ цѣлому вѣчно стремяс...

Но въ безконечной цѣп...

БЛАГО И ВЕЛИЧІЕ.

Двѣ только есть добродѣтели. Быть бы имъ вѣчно въ союзѣ:
Вѣчно великимъ добру, вѣчно величью благимъ.

ВЕЛИКІЙ МИГЪ.

Вѣкъ породилъ намъ эпоху великую. Боже! какъ горько.
Въ этотъ великій моментъ видѣть ничтожныхъ людей!

НАТУРАЛИСТЫ И ТРАНСЦЕДЕНТАЛЬНЫЕ ФИЛОСОФЫ.

Будьте враждебны другъ другу: союзъ заключать вамъ не время.
Только отдѣльно ища, истину сыщете вы.

ДОЛГЪ КАЖДАГО.

Къ цѣлому вѣчно стремясь, ты не можешь быть цѣлымъ;
Но въ безконечной цѣпи будь хоть малѣйшимъ звеномъ.

МИЛОСТЬ МУЗЪ.

Вмѣстѣ съ невѣждой умретъ его слава; небесная муза
Въ сѣнь Мнемозины вселитъ вѣрныхъ любимцевъ своихъ.

ПЕЧАТЬ СЪ ИЗОБРАЖЕНІЕМЪ ГОЛОВЫ ГОМЕРА.

Старецъ Гомеръ! тебѣ довѣряю нѣжную тайну:
Счастье любовниковъ знай ты лишь единый, пѣвецъ!

УЛАНДЪ.

БЛАЖЕННАЯ СМЕРТЬ.

Я умеръ отъ нѣги
Любви и счастья;
Мнѣ были могилой
Объятья милой;
Меня воскресили
Ея лобзанья;
Я небо увидѣлъ
Въ очахъ прекрасныхъ.

ПАСТУШЬЯ ПѢСНЯ.

Зима, зима лихая!
Какъ малъ и тѣсенъ свѣтъ!
Ни въ хатахъ, ни въ долинахъ —
Нигдѣ простору нѣтъ!

Иду ли мимо дома,
Гдѣ милая живетъ, —
Ея не видно: окна
Покрылъ узорный ледъ.

Прижму ли къ сердцу руки
И перейду порогъ —
Она сидитъ, не взглянетъ:
Отецъ суровъ и строгъ.

О лѣто золотое!
Широкъ съ тобою свѣтъ!
На верхъ ли горъ взберешься —
Ограды взору нѣтъ.

Когда съ зеленой выси
Мнѣ милая видна,
Зову — и зовъ мой слышитъ
Вдали она одна.

Когда сидимъ цалуясь
Мы на горахъ вдвоемъ,
Мы никому не видны —
И видимъ все кругомъ!

РАЗВАЛИНЫ.

Странникъ! не бойся средь этихъ развалинъ забыться дремотой:
Можетъ, твой сонъ возсоздастъ ихъ въ первобытной красѣ.

КОРОЛЬ НА БАШНѢ.

Объяты дремучею мглой, предо мной
Долины и горы лежатъ въ тишинѣ.
Все спитъ; вѣтерокъ не приноситъ ночной
Ни звука страданья ко мнѣ.

Заботой о счастіи всѣхъ удрученъ,
Я въ думахъ сидѣлъ и за кубкомъ вина.
Луной озаренъ голубой небосклонъ...
Душѣ моей воля нужна!

Торжественной жизни полны небеса
Въ мерцаніи звѣздныхъ таинственныхъ рунъ;
Мнѣ слышатся дивные тамъ голоса
При тихомъ бряцаніи струнъ.

Мой глазъ отуманенъ, и волосъ мой сѣдъ;
Оружіе праздно виситъ на стѣнѣ;
Дѣла мои правы, и правъ мой совѣтъ...
Пора успокоиться мнѣ!

О, что же ты медлишь, желанный покой?
Возьми меня, вѣчная ночь, и умчи
Туда, гдѣ слышнѣе хоръ пѣсни святой,
Гдѣ звѣздные ярче лучи!

МАТЬ И ДИТЯ.

„У тебя есть братецъ въ небѣ!
Онъ меня не огорчалъ
Никогда — и Божій ангелъ
Въ небеса малютку взялъ.“

„Научи меня, родная,
Какъ тебя мнѣ огорчить,
Чтобъ не могъ меня съ тобою
Божій ангелъ разлучить!“

ВЕСЕННІЙ ПОКОЙ.

Ахъ! не кладите въ могилу меня
Въ ясное утро весенняго дня!
Если меня схоронить захотите,
Лучше въ густую траву положите!

Любо въ травѣ и въ цвѣтахъ мнѣ лежать:
Издали будетъ свирѣль мнѣ звучать,
А въ вышинѣ будутъ плыть надо мною
Майскія тучки прозрачной грядою!

ПРОЩАНЬЕ.

Такъ прощай, моя радость, прощай!
Дождались мы съ тобой разставанья.
Поцалуй же меня, приласкай!
Ужь другаго не будетъ свиданья.

На прощаньи нарви мнѣ цвѣтовъ!
Всѣ на яблонѣ вѣтки бѣлѣютъ.
Не увижу на ней я плодовъ:
Безъ меня они лѣтомъ созрѣютъ.

АВГУСТЪ КОПИШЪ.

СЕРЕНАДА БЛИЗЪ ВЕЗУВІЯ.

О безпокойная! ты шлешь меня къ покою...
Усталъ я; но мнѣ нѣтъ ни отдыха, ни сна.
Куда въ грозу пловецъ приляжетъ головою?
О Боже, Боже мой! какъ эта ночь длинна!

Я камень пламенный, жерломъ горы суровой
Высоко-взброшенный съ клокочущаго дна...
Онъ падаетъ назадъ; но вдругъ изверженъ снова.
О Боже, Боже мой! какъ эта ночь длинна!

Я муравейный рой, прохожимъ разоренный...
Все, все во мнѣ, вся жизнь — разбита, смущена...
Средь неба ходъ свѣтилъ — мнѣ хаосъ беззаконный.
О Боже, Боже мой! какъ эта ночь длинна!

Я бѣдный переселъ надъ бурнымъ океаномъ...
Онъ бьется, онъ кричитъ... Кругомъ — лишь
тьма одна;
Подъ нимъ — могилы глубь, одѣтая туманомъ.
О Боже, Боже мой! какъ эта ночь длинна!

ИСТОРІЯ О НОѢ.

Какъ вылѣзъ Ной изъ сундука,
Явился Богъ ему, слегка
Понюхалъ жертву — и сказалъ:
„Тебя всегда Я отличалъ
За смирный нравъ твой. Честь тебѣ!
Проси же милости себѣ!"

— Вотъ, Ной сказалъ: — моя бѣда...
Противна стала мнѣ вода
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ въ ней гніютъ
И грѣшный скотъ, и грѣшный людъ, —
И мнѣ хотѣлось бы, Господь,
Инымъ питьемъ потѣшить плоть! —

Пошолъ Господь въ свой рай — и вотъ
Пукъ виноградныхъ лозъ несетъ...
И говоритъ: „Возьми, старикъ!
Смотри, за нимъ уходъ великъ.

Вотъ такъ и такъ.“ Все разсказалъ,
И скрылся. Ной нашъ ликовалъ.

Онъ сóзвалъ всъхъ — дѣтей, жену...
Всѣ сбились въ кучку тутъ одну.
Къ работѣ! Садятъ по холмамъ —
И разсадили все, — а тамъ
И погребъ строятъ, жмутъ вино —
И въ бочки рóзлито оно.

Ной былъ мужъ кроткій и святой...
Сначала къ бочкѣ, тамъ къ другой...
И въ честь господню пилъ да пилъ —
И вѣчно здравъ и веселъ былъ.
Такъ по потопѣ, говорятъ,
Онъ жилъ лѣтъ триста пятьдесятъ.

Отсюда истина видна,
Что нѣтъ грѣха въ питьѣ вина.
Коль христіанинъ ты прямой,
Вина несмѣшивай съ водой:
Еще съ потопа въ ней гніютъ
И грѣшный скотъ, и грѣшный людъ.

РЮККЕРТЪ.

—

ПОХОРОНЫ.

Какъ ее любили!
Какъ похоронили!

Вѣтерокъ надъ гробомъ
Проносился стономъ;
Майскій колокольчикъ
Вторилъ грустнымъ звономъ.

Съ яркими свѣчами
Свѣтляки летѣли,
И на нихъ ревниво
Звѣздочки глядѣли.

Въ черномъ одѣяньи
Ночь, поникши взоромъ,
Тихо шла съ тѣнями,
Молчаливымъ хоромъ.

Много слезъ уронитъ
Утро молодое;
Освятитъ могилу
Солнце золотое.

Какъ ее любили!
Какъ похоронили!

У ДВЕРЕЙ.

У двери Богатства я долго стучалъ:
Къ ногамъ моимъ грошъ изъ окошка упалъ.

У дома Любви не пробился къ дверямъ:
Такъ много народу толпилося тамъ.

Стучался я въ зáмокъ, гдѣ Слава живетъ;
Сказали: „Ты пѣшъ; не отворимъ воротъ!“

Мнѣ слышались стоны подъ кровлей Труда,
И страшно войти показалось туда.

Побрелъ я по свѣту домъ Счастья искать:
Никто мнѣ дороги не могъ указать.

Одинъ остается мнѣ домикъ теперь:
Туда постучаться попробую въ дверь...

И вѣрно, хоть много въ Могилѣ гостей,
Найдется мѣстечко мнѣ бѣдному въ ней!

ЭЙХЕНДОРФЪ.

—

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

На нашихъ дубахъ и березахъ
Старинныя чары лежатъ,
И часто, въ полуночныхъ грезахъ,
Вдругъ пѣть начинаетъ весь садъ.

Порою родное то пѣнье
Я слышу всю ночь до утра,
И сердце въ тоскѣ и томленьѣ
Зоветъ тебя, другъ и сестра!

Другіе мнѣ чужды душою,
И страшно мнѣ въ чуждомъ краю.
Идти бы намъ вмѣстѣ и тобою...
Дай вѣрную руку свою!...

Идти — и не вѣдать разлуки,
И вмѣстѣ, окончивши путь,
Подъ эти волшебные звуки
На отчей могилѣ заснуть!

КАРЛЪ ТАННЕРЪ.

ГОВОРЪ ВОЛНЪ.

Одна волна другой журчитъ:
„Ахъ какъ мы быстро гибнемъ въ морѣ!“
Другая третьей говоритъ:
„Короче жизнь — короче горе!“

ШАМИССО.

—

НА МЕЛЬНИЦѢ.

Ребенкомъ принялъ мельникъ
Меня къ себѣ въ семью;
Здѣсь выросъ я, здѣсь прожилъ
И молодость свою.
Какъ ласкова со мною
Дочь мельника была!
Какъ ясны были очи,
И какъ душа свѣтла!

Порой какъ съ братомъ сядетъ
Со мною вечеркомъ,
И нѣтъ конца бесѣдѣ —
Толкуемъ обо всемъ.
И радости, и горе —
Все повѣрялъ я ей;
Ни слова не промолвилъ
Лишь о любви своей.

Люби сама — безъ слова
Узнала бы она:
Чтобъ высказаться сердцу,
Людская рѣчь бѣдна.
Я сердцу молвилъ: „Сердце!
Терпи, молчи любя!
О счастьи полно думать!
Оно не для тебя.“

Бывало, чуть примѣтитъ
Въ лицѣ печали слѣдъ:
„Ахъ, что́ съ тобой? Грустишь ты!
Въ щекахъ кровинки нѣтъ!
Да полно же крушиться!
Да будь же веселъ вновь!“
И изъ любви гасилъ я
Въ душѣ своей любовь.

Однажды — шелъ я къ рощѣ —
Меня вдругъ догнала,
Такъ весело взглянула
И за́ руку взяла.
„Порадуйся со мною:
Теперь невѣста я!
А безъ тебя и радость
Нерадостна моя!“

Я целовалъ ей руки,
Лицо стараясь скрыть:
Катились градомъ слезы;
Не могъ я говорить.
Казалось, всѣ надежды,
Все, чѣмъ душа жила,
Передо мной могила
Навѣки погребла.

Въ тотъ вечеръ обручали
Невѣсту съ женихомъ;
Сидѣлъ почетнымъ гостемъ
Я съ ними за столомъ.
Вокругъ вино и пѣсни,
Веселый говоръ, смѣхъ;
Пришлось и мнѣ смѣяться:
Не плакать же при всѣхъ!

На утро послѣ пира
Ходилъ я самъ не свой:
Мнѣ было тошно, больно
Средь радости чужой.
О чемъ же я крушился?
Чего хотѣлъ отъ нихъ?
Вѣдь всѣ меня любили —
Она, ея женихъ.

Они меня ласкали;
А я болѣлъ душой.
Мнѣ тяжко было видѣть
Ихъ ласки межь собой.
Задумалъ я — далеко,
Навѣкъ отъ нихъ уйти:
Все уложилъ въ котомку,
И все припасъ къ пути.

Прошу ихъ: „отпустите
На бѣлый свѣтъ взглянуть!“
Самъ думаю: „Кручину
Размычу гдѣ-нибудь.“
Она такъ кротко смотритъ.
„Куда ты? Богъ съ тобой!
Тебя мы всѣ такъ любимъ!
Вѣдь ты намъ свой, родной!“

Катились градомъ слезы —
И не скрывалъ я ихъ:
Всѣ плачутъ, покидая
Знакомыхъ и родныхъ.
Они со мной простились,
И провожать пошли...
И замертво больнаго
Съ дороги принесли.

На мельницѣ всѣ ходятъ
За мной какъ за роднымъ;
Она приходитъ съ милымъ
Сидѣть со мной больнымъ.
Въ іюлѣ будетъ свадьба.
Они меня зовутъ,
Чтобъ ѣхалъ жить я съ ними,
Что я стоскуюсь тутъ.

Шумятъ въ водѣ колеса —
И все бъ ихъ слушалъ я!..
Все думаю: нашла бы
Здѣсь миръ душа моя!
Тутъ все мое бы горе,
Всѣ скорби утопилъ!
Они же вѣдь желаютъ,
Чтобъ я доволенъ былъ!

ФРЕЙЛИГРАТЪ.

У ГРОБОВЩИКА.

Горькое дѣло! страшное дѣло!
Ляжетъ въ доскахъ этихъ мертвое тѣло!

„Вотъ еще выдумалъ горе какое!
Намъ чтó за дѣло? Не наше — чужое!“

Полно бранить! развѣ я виноватъ?
Первый вѣдь гробъ я работаю, братъ.

„Первый, послѣдній ли — чтó за забота?
Пой: веселѣе подъ пѣсни работа.

„Доски распилишь — отмѣрь же смотри!
Выстругай глаже, и стружки сбери!

„Доску къ доскѣ пригони поплотнѣе:
Тѣсно лежать, такъ чтобъ было теплѣе.

„Выкрасить — дно и бока уложить
Стружками надо, а сверху обить.

„Стружки приличнѣй, чѣмъ пухъ или перья;
Это старинное наше повѣрье.

„Гробъ ты снесешь: а какъ мертвый ужь въ немъ,
Крышку захлопнулъ — и дѣло съ концомъ!“

Все это знаю я! Доски исправно
Я распилилъ, и ихъ выстругалъ славно...

Только все дрожь не проходитъ въ рукахъ,
Только все слезы стоятъ на глазахъ.

Стругъ ли, пилу ли рука моя водитъ,
Сердце все мретъ, словно кровью исходитъ.

Горькое дѣло! страшное дѣло!
Ляжетъ въ доскахъ этихъ мертвое тѣло.

ГЕЙНЕ.

—

ПРОЛОГЪ.

Снова я въ сказочномъ старомъ лѣсу:
Липы осыпаны цвѣтомъ;
Мѣсяцъ, чаруя мнѣ душу, глядитъ
Съ неба таинственнымъ свѣтомъ.

Лѣсомъ иду я. Изъ чащи вѣтвей
Слышатся чудные звуки:
Это поетъ соловей про любовь
И про любовныя муки.

Муки любовной та пѣсня полна:
Слышны и смѣхъ въ ней, и слезы,
Темная радость и свѣтлая грусть...
Встали забытыя грезы.

Дальше иду я. Поляна въ лѣсу;
Замокъ стоитъ на полянѣ.
Старыя круглыя башни его
Спятъ въ серебристомъ туманѣ.

Заперты окна; унынье и мракъ,
И гробовое молчанье...
Словно безмолвная смерть обошла
Это заглохшее зданье.

Сфинксъ, и роскошенъ и страшенъ, лежалъ
Въ мѣстѣ, гдѣ вымерли люди:
Львиныя лапы, спина; а лицо
Женское, женскія груди.

Дивная женщина! Въ бѣлыхъ очахъ
Дико свѣтилось желанье:
Страстной улыбкой нѣмыя уста
Страстное звали лобзанье.

Сладостно пѣлъ и рыдалъ соловей...
И, вождельньемъ волнуемъ,
Весь задрожалъ я — и къ бѣлымъ устамъ
Жаркимъ прильнулъ поцалуемъ.

Камень холодный вдругъ началъ дышать...
Груди со стономъ вздымались;
Жадно огнемъ поцалуевъ моихъ
Губы, дрожа, упивались.

Душу мнѣ выпить хотѣла она,
Въ нѣгѣ и млѣя и тая...
Вотъ замерла — и меня обняла,
Когти мнѣ въ тѣло вонзая.

Сладкая мука! блаженная боль!
Нѣга и скорбь безъ предѣла!
Райскимъ блаженствомъ поитъ поцалуй;
Когти терзаютъ мнѣ тѣло.

„Эту загадку, о Сфинксъ! о Любовь!“
Пѣлъ соловей: „разрѣши ты...
Какъ въ тебѣ счастье и смертная скорбь,
Горе и радости слиты?“

„Сфинксъ! надъ разгадкою тайны твоей
Мучусь я многія лѣта.
Или загадкою будетъ она
И до скончанія свѣта?“

ГРЁЗЫ.

I.

Мнѣ снились страстные восторги и страданья,
И миртъ и резеда въ кудряхъ прекрасной дѣвы,
И рѣчи горькія, и сладкія лобзанья,
И пѣсенъ сумрачныхъ унылые напѣвы.

Давно поблекнули и разлетѣлись грезы;
Исчезло даже ты, любимое видѣнье!
Осталась пѣсня мнѣ: той пѣснѣ на храненье
Ввѣрялъ я нѣкогда и радости, и слезы.

Осиротѣлая! умчись и ты скорѣе!
Лети, о пѣснь моя, вослѣдъ моихъ видѣній!
Найди мой лучшій сонъ, по свѣту птицей рѣя,
И мой воздушный вздохъ отдай воздушной тѣни!

II.

Снилась мнѣ дѣвушка: кудри какъ шолкъ;
Кроткія, ясныя очи...
Съ нею подъ липой просиживалъ я
Синія лѣтнія ночи.

Слово любви прерывала порой
Сладкая рѣчь поцалуя...

Звѣзды вздыхали средь темныхъ небесъ,
Словно ревниво тоскуя.

Я пробудился... Со мной никого...
Страшно мнѣ въ сумракѣ ночи;
Холодно, нѣмо глядятъ на меня
Тусклыя звѣздныя очи.

III.

Ночь могилы тяготѣла
На устахъ и на челѣ,
Замеръ мозгъ, застыло сердце...
Я лежалъ въ сырой землѣ.

Много ль, мало ли — не знаю —
Длился сонъ мой гробовой;
Пробудился я — и слышу
Стукъ и голосъ надъ собой...

„Встань, мой Генрихъ, изъ могилы!
Свѣтитъ міру вѣчный день —
И надъ мертвыми разверзлась
Гроба сумрачная сѣнь.“

— Милый другъ мой, какъ я встану?
Все темны мои глаза:
Много плакалъ я — и выжгла
Ихъ горючая слеза.

„Генрихъ, встань! я поцалуемъ
Слѣпоту сниму съ очей:
Узришь ангеловъ ты въ небѣ
Въ ризѣ свѣта и лучей.“

— Милый другъ мой, какъ я встану?
Сердце все еще въ крови:
Глубокó его язвила
Ты словами безъ любви.

„Я къ больному сердцу, Генрихъ,
Нѣжно руку приложу:
Язвы старыя закрою,
Токи крови удержу.“

— Милый другъ мой, какъ я встану?
Кровь и кровь на лбу моемъ:
Я не могъ снести разлуки —
И пробилъ его свинцомъ!

„Я косой своею, Генрихъ,
Обвяжу тебѣ чело:
Кровь уймется, боль уймется;
Снова взглянешь ты свѣтло.“

Такъ былъ сладокъ, такъ былъ нѣженъ
Тихій звукъ молящихъ словъ,
Что я встать хотѣлъ изъ гроба —
И идти на милый зовъ.

Но опять раскрылись раны,
Кровь, обильна и черна,
Снова хлынула ручьями,
И — очнулся я отъ сна.

IV.

Зловѣщій грезился мнѣ сонъ...
И любъ, и страшенъ былъ мнѣ онъ;
И долго образами сна
Душа, смутясь, была полна.

Въ цвѣтущемъ — снилось мнѣ — саду
Аллеей пышной я иду.
Головки нѣжныя клоня,
Цвѣты привѣтствуютъ меня.

Веселыхъ пташекъ голоса
Поютъ любовь; а небеса
Горятъ, и льютъ румяный свѣтъ
На каждый листъ, на каждый цвѣтъ.

Изъ травъ курится ароматъ;
Тепломъ и нѣгой дышитъ садъ...
И все сіяетъ, все цвѣтетъ,
Все свѣтлой радостью живетъ.

Въ цвѣтахъ и въ зелени кругомъ,
Въ саду былъ свѣтлый водоемъ.
Склонялась дѣвушка надъ нимъ
И что-то мыла. Неземнымъ

Въ ней было все: и станъ, и взглядъ,
И ростъ, и поступь, и нарядъ. —
Мнѣ показалася она
И незнакома, и родна.

Она и моетъ, и поетъ —
И пѣснью зá сердце беретъ:
„Ты плещи, волна, плещи!
Холстъ мой бѣлый полощи!"

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
„Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здѣсь зачѣмъ, и моешь чтó?"

Она въ отвѣтъ мнѣ: „Будь готовъ!
Я мою въ гробъ тебѣ покровъ."
И только молвила — какъ дымъ
Исчезло все. — Я недвижимъ

Стою въ лѣсу. Дремучій лѣсъ
Касался, кажется, небесъ
Верхами темными дубовъ;
Онъ былъ и мраченъ и суровъ.

Смущался слухъ, томился взоръ...
Но — чу! вдали стучитъ топоръ.
Бѣгу заросшею тропой —
И вотъ поляна предо мной.

Могучій дубъ на ней стоитъ —
И та же дѣвушка подъ нимъ;
Въ рукахъ топоръ... И дубъ трещитъ,
Прощаясь съ корнемъ вѣковымъ.

Она и рубитъ, и поетъ —
И пѣснью зá сердце беретъ:
„Ты руби, мой топорокъ!
Наруби ты мнѣ досокъ!“

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
„Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И рубишь дерево на что?“

Она въ отвѣтъ мнѣ: „Близокъ срокъ!
Тебѣ на гробъ рублю досокъ.“
И только молвила — какъ дымъ
Исчезло все. — Тоской томимъ,

Гляжу — чернѣетъ степь кругомъ,
Какъ опаленная огнемъ,
Мертва, безплодна... Я не зналъ,
Что ждетъ меня; но весь дрожалъ.

Иду... Какъ облачный туманъ,
Мелькнулъ вдали мнѣ чей-то станъ.
Я подбѣжалъ... Опять она!
Стоитъ, печальна и блѣдна,

Съ тяжелымъ заступомъ въ рукахъ —
И роетъ имъ. Могильный страхъ
Меня объялъ. О, какъ она
Была прекрасна и страшна!

Она и роетъ, и поетъ —
И скорбной пѣснью сердце рветъ:
„Заступъ, заступъ! глубже рой:
Надо въ сажень глубиной!“

Къ ней подошелъ и молвилъ я:
„Скажи, красавица моя,
Скажи, откуда ты и кто,
И здѣсь зачѣмъ, и роешь чтó?“

Она въ отвѣтъ мнѣ: „Для тебя
Могилу рою.“ — Ныла грудь,
И содрогаясь и скорбя;
Но мнѣ хотѣлось заглянуть

Въ свою могилу. — Я взглянулъ...
Въ ушахъ раздался страшный гулъ,
Въ очахъ померкло... Я скатился
Въ могильный мракъ — и пробудился.

V.

И я когда-то зналъ край родимый...
Какъ свѣтелъ онъ!
Тамъ рощи шумны, фіялки сини...
То былъ лишь сонъ!

Я слышалъ звуки родного слова
Со всѣхъ сторонъ...
Уста родныя „люблю“ шептали...
То былъ лишь сонъ!

VI.

СУМЕРКИ БОГОВЪ.

Явился май, принесъ и мягкій воздухъ,
И золотой свой свѣтъ, и ароматъ,
И дружелюбно бѣлыми цвѣтами
Всѣхъ манитъ, и изъ тысячи фіалокъ
Съ улыбкой смотритъ синими очами,
И разстилаетъ свой коверъ зеленый,
Весь пышно затканный лучами солнца
И утренней росой, и созываетъ
Къ себѣ любезныхъ смертныхъ. Глупый людъ
На первый зовъ покорно поспѣшаетъ.
Мужчины вышли въ нанковыхъ штанахъ
И въ праздничныхъ кафтанахъ съ золотыми,
Сіяющими пуговками; въ цвѣтъ

Невинности всѣ женщины одѣлись;
Крутитъ свой усъ весенній молодежъ;
У дѣвушекъ высоко дышатъ груди;
Поэты городскіе запаслись
Карандашомъ, бумагой и лорнетомъ...
И всѣ ликуя за городъ бѣгутъ,
Садятся на муравчатыхъ полянахъ,
Любуются на быстрый ростъ деревьевъ,
На нѣжные и пестрые цвѣточки,
Внимаютъ пѣнью беззаботныхъ пташекъ
И шлютъ привѣтъ свой яснымъ небесамъ.

И у меня былъ Май съ визитомъ. Трижды
Въ затворенную дверь онъ постучалъ
И кликнулъ мнѣ: „Я Май! Не прячься, блѣдный
Мечтатель! выдь! Тебя я поцалую!“
Но двери я не отперъ, и сказалъ:
„Недобрый гость, зовешь меня напрасно!
Тебя насквозь прозрѣлъ я — и насквозь
Узналъ строенье міра; слишкомъ много
И слишкомъ глубоко узналъ — и прахомъ
Разсѣялись всѣ радости мои,
И въ сердце скорби вѣчныя вселились.
Сквозь каменную жесткую кору
Мнѣ ясно видно все въ людскихъ домахъ,
Въ людскихъ сердцахъ; и здѣсь и тамъ я вижу
Обманъ да ложь да жалостное горе.
На лицахъ я читаю злыя мысли;

Въ стыдливомъ дѣвственномъ румянцѣ видѣнъ
Мнѣ тайный трепетъ похоти; надъ гордымъ
И вдохновеннымъ юноши челомъ —
Колпакъ дурацкій. Всюду на землѣ
Лишь тѣни прокаженныя я вижу
Да рожи глупыя, и самъ не знаю,
Въ больницѣ я, иль въ домѣ сумасшедшихъ.
Насквозь, какъ въ чистое стекло, я вижу
И всю земную глубь, и весь тотъ ужасъ,
Что Май напрасно хочетъ утаить
Подъ пышной муравой своей. Я вижу,
Какъ мертвецы лежатъ въ гробахъ тамъ тѣсныхъ;
Глаза раскрыты, руки скрещены,
Лицо какъ полотно, и бѣлъ ихъ саванъ,
И черви между желтыхъ губъ клубятся.
Я вижу — сынъ съ любовницей шутя
Садится на отцовскую могилу...
Вокругъ съ насмѣшкой свищутъ соловьи,
И нѣжные цвѣточки полевые
Лукаво издѣваются, и мертвый
Отецъ въ своей могилѣ шевелится,
И вздрагиваетъ скорбно мать земля.“

О бѣдная земля! твои терзанья
Я знаю. Вижу я, какъ грудь твою
Снѣдаетъ пламя, какъ исходятъ кровью
Безчисленныя жилы, какъ широко
Твоя раскрылась рана, и потокомъ

Вдругъ хлынули огонь и кровь и дымъ.
Я вижу — изъ земной разверстой пасти
Выходятъ исполинскіе сыны
Предвѣчной ночи, машутъ надъ собой
Багровыми свѣтильниками, ставятъ
Свои литыя лѣстницы, и грозно
Бѣгутъ по нимъ на штурмъ твердыни неба.
За ними лѣзутъ карлики, и съ трескомъ
Тамъ золотыя лопаются звѣзды.
Руками дерзновенныхъ пришлецовъ
Раздернута завѣса золотая
У Божьяго шатра, и съ воемъ ницъ
Святые сонмы ангеловъ упали.
Весь поблѣднѣвъ, сидитъ на тронѣ Богъ,
Рветъ волосы и топчетъ свой вѣнецъ.
Горитъ все царство вѣчности. Повсюду
Пожаръ кровавый мечутъ исполины;
А карлы бьютъ горящими бичами
По спи́намъ ангеловъ, и въ смертныхъ корчахъ
Ихъ за волосы тащутъ и кидаютъ.
И мой хранитель ангелъ тамъ, съ цвѣтущимъ,
Прелестнымъ ликомъ, съ русыми кудрями,
Съ блаженствомъ въ голубыхъ глазахъ и вѣчной
Любовью на устахъ... И гадкій, черный
Уродъ его схватилъ и повалилъ...
Со скрежетомъ онъ смотритъ на его
Божественные члены... Сладострастно

Насилуетъ его въ своихъ объятьяхъ...
И ярый крикъ несется по вселенной...
Шатнулися основы мировыя —
И рухнули и небо и земля —
И воцарилась тьма предвѣчной ночи.

НА ГАРЦѢ.

I.

* * *

Фраки, бѣлые жилеты,
Тальи, стянутыя мило,
Комплименты, поцалуи...
Если бъ въ васъ да сердце было!

И любви хотя немножко
Было бъ въ сердцѣ!.. Тошны, право,
Ваши вопли и стенанья:
Развѣ жизнь вамъ не забава?

Ухожу отъ васъ я въ горы,
Гдѣ живутъ простые люди,
Гдѣ свободный вѣетъ воздухъ,
И дышать просторно груди...

Въ горы, гдѣ темнѣютъ ели —
Шумны, зелены, могучи,
Воды плещутъ, птицы свищутъ,
И по волѣ мчатся тучи.

Полированныя залы...
Полированные гости...
Въ горы! въ горы! Я оттуда
Улыбнуся вамъ безъ злости.

II.

ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ.

1.

На горѣ, въ избушкѣ скромной,
Рудокопъ живетъ старикъ.
Шумны темныя тамъ ели,
Кротко-свѣтелъ лунный ликъ.

Средь избушки стулъ высокій,
Весь рѣзной, у ногъ скамья;
И сидитъ на немъ счастливецъ,
И счастливецъ этотъ — я.

На скамьѣ сидитъ малютка —
Оперлась на локотокъ:
Глазки — звѣзды голубыя,
Губки — розовый цвѣтокъ.

Мнѣ сіяютъ эти звѣзды,
Чистой радостью блестя;
Къ алымъ губкамъ приложила
Бѣлый пальчикъ свой дитя.

Ни отецъ, ни мать не слышатъ;
Не до насъ имъ: мать прядетъ,
А отецъ, бренча на лютнѣ,
Пѣсню старую поетъ.

И малютка шепчетъ тихо:
Рѣчь ея едва слышна;
Важныхъ тайнъ своихъ не мало
Мнѣ повѣдала она.

„Вотъ, какъ тетушка скончалась,
И сиди тутъ круглый годъ:
Съ ней пойдешь, бывало, въ городъ,
Хоть посмотришь на народъ.

„Здѣсь и пусто такъ, и глухо,
И такъ холодно въ горахъ:
А зима придетъ лихая —
Всѣ схоронимся въ снѣгахъ.

„Я жь трусливая такая:
Какъ дитя, меня страшатъ
Злые духи горъ, что бродятъ
Темной ночью и шалятъ.“

Вдругъ малютка умолкаетъ,
Будто словъ боясь своихъ,
И руками закрываетъ
Звѣзды глазокъ голубыхъ.

И шумнѣе шелестъ елей,
Громче гулъ веретена,
И яснѣй со звономъ лютни
Пѣсня старая слышна:

„Не страшись, моя малютка,
Наважденья силы злой!
Божьи ангелы на стражѣ
Днемъ и ночью надъ тобой.“

2.

Къ намъ въ окно стучитъ тихонько
Ель зеленою рукой,
И сквозь вѣтокъ съ любопытствомъ
Смотритъ мѣсяцъ золотой.

Крѣпко въ горенкѣ сосѣдней
Спятъ давно отецъ и мать;
Мы не можемъ нашептаться,
И не хочется намъ спать.

„Нѣтъ, не вѣрю я, чтобъ часто
Ты молился: шопотъ твой
Чѣмъ-то кажется мнѣ страннымъ,
Не молитвою святой.

„Этотъ злой, холодный шопотъ
Ужь не разъ меня пугалъ;
Только кроткимъ, свѣтлымъ взглядомъ
Ты испугъ мой отгонялъ.

„Да и вѣришь ли ты, полно,
Что есть въ небѣ надъ тобой
Богъ-Отецъ, Богъ-Сынъ, распятый
На крестѣ, и Духъ Святой?“

Ахъ, дитя! еще малюткой
Вѣрилъ я, что въ небесахъ
Богъ-Отецъ живетъ надъ нами,
Что великъ Онъ, святъ и благъ...

Создалъ землю, человѣку
Бытіе и душу далъ,
Солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ
Путь ихъ вѣчный указалъ.

Сталъ я старше и умнѣе,
Сталъ побольше понимать,
И узналъ я свѣтлой вѣры
Въ Бога-Сына благодать.

Онъ принесъ намъ, воплотившись,
Откровеніе любви;
Но народъ безумный руки
Обагрилъ въ его крови.

Возмужалъ я, много видѣлъ,
Много странствовалъ, читалъ,
И теперь въ Святаго Духа
Жаркимъ сердцемъ вѣрить сталъ.

Чудеса его исчислить
Недостанетъ нашихъ словъ!
Онъ сломилъ твердыни злобы,
И оковы снялъ съ рабовъ.

Нашимъ язвамъ онъ цѣленье,
Въ немъ и право и законъ;
Передъ нимъ съ богатымъ нищій,
Рабъ съ владыкой уравнёнъ.

Гонитъ онъ туманъ тяжелый,
Что окутывалъ намъ тьмой
Умъ и сердце, и предъ нами
Шелъ какъ призракъ гробовой.

Много рыцарей отважныхъ
Обрекли себя ему,
И по свѣту разъѣзжаютъ —
Носятъ свѣтъ и гонятъ тьму.

Тихо вѣютъ ихъ знамёна,
И доспѣхъ горитъ на нихъ...
Чтó, хотѣла бъ ты, малютка,
Видѣть рыцарей такихъ?

Такъ скорѣй любуйся мною,
Ненаглядная моя,
И цалуй меня покрѣпче!
Вѣдь такой же рыцарь я.

3.

За вѣтвями темной ели
Прячетъ мѣсяцъ свѣтлый ликъ;
Въ нашей горенкѣ чуть свѣтитъ
Догорающій ночникъ.

Но въ звѣздахъ моихъ лазурныхъ
Свѣтъ мнѣ радостный горитъ;
Пышутъ розы устъ румяныхъ,
И малютка говоритъ:

„Домовые наши — злые:
Хлѣбъ воруютъ по ночамъ;
Въ ящикъ съ вечера положишь —
По утру ужь пусто тамъ.

„Съ молока съ ѣдятъ всѣ сливки,
Не покроютъ и горшка:
Кошка вылижетъ остатки —
И сиди безъ молока!

„А вѣдь кошка наша — вѣдьма:
Ночью буря на дворѣ,
А она идетъ тихонько
Къ старой башнѣ на горѣ.

Тамъ стоялъ когда-то зáмокъ;
Весь сіялъ онъ по ночамъ:
Въ яркихъ залахъ танцовало
Много рыцарей и дамъ.

„Но волшебницей лихою
Проклятъ замокъ и народъ;
И остались лишь обломки,
И сова гнѣздо тамъ вьетъ.

„Помню, тетка говорила:
Лишь такое слово знать,
И его въ такомъ лишь мѣстѣ
И въ такой лишь часъ сказать —

„Снова въ зáмокъ превратятся
Всѣ обломки эти тамъ —
И запляшетъ въ яркихъ залахъ
Много рыцарей и дамъ.

„Будетъ тотъ, кто молвитъ слово,
Обладателемъ всего;
Станутъ трубы и литавры
Славить молодость его!“

Такъ живутъ и дышатъ сказки
У малютки на устахъ;
Вѣра теплится живая
Въ голубыхъ ея глазахъ.

Локонъ шолковый на пальцы
Навиваетъ мнѣ она;
И цалуетъ, и смѣется,
И даетъ имъ имена.

И глядитъ все такъ привѣтно
Въ тихой горенкѣ кругомъ:
Столъ и шкапъ — какъ-будто съ ними
Я съ младенчества знакомъ.

Тихо маятникъ лепечетъ,
Тихо лютня на стѣнѣ
Прозвучитъ порой струнами,
И сижу я какъ во снѣ.

Не такое ль надо мѣсто,
Не такой ли надо мигъ,
Чтобъ отъ слова вашимъ снова
Въ блескѣ царственномъ возникъ?

Да, дитя! Смотри: свѣтлѣетъ
Ночи темная пора.
Чу! шумнѣй ручьи и ели;
Пробуждается гора.

Пѣсня гномовъ съ струннымъ звономъ
Межь утесами слышна;
По камнямъ ковры цвѣтные
Стелетъ знойная весна.

А цвѣты — пестры и чудны,
Въ благовонныхъ завиткахъ,
И трепещутъ слезы страсти
На широкихъ ихъ листахъ.

Вождѣлѣнно пышутъ розы,
Разгораясь все краснѣй;
На стебляхъ стоятъ хрустальныхъ
Чаши снѣжныя лилей.

Звѣзды съ неба, словно солнца,
Смотрятъ страстно-горячи,
И лилеямъ въ чашки льются
Ихъ влюбленные лучи.

Да и мы съ тобой, малютка,
Мы какъ-будто ужъ не тѣ...
Посмотри: огни зажглися,
Шолкъ и золото вездѣ!

И избушка стала замкомъ,
И принцессой стала ты;
Вкругъ все рыцари и дамы:
Сколько пышной суеты!

Все мое — и ты, и замокъ!
Пиръ вѣнчальный я даю!
Трубы, флейты и литавры
Славятъ молодость мою!

ПѢСНИ.

I.

Дай ручку мнѣ! къ сердцу прижми ее, другъ!
Чу! слышишь ли, чтó тамъ за стукъ?
Тамъ злой гробовщикъ въ уголочкѣ сидитъ
И гробъ для меня мастеритъ.

Стучитъ безумолку и день онъ и ночь...
Уснулъ бы — при стукѣ не смочь.
Эй, мастеръ! ужь время работу кончать!
Пора мнѣ усталому спать!

II.

Изъ слезъ моихъ много, малютка,
Родилось душистыхъ цвѣтовъ;
А вздóхи мои превратились
Въ немолкнущій хоръ соловьевъ.

Ужь только бъ меня полюбила —
Тебѣ и цвѣты я отдамъ,
И пѣснями станутъ баюкать
Тебя соловьи по ночамъ.

III.

Когда гляжу тебѣ въ глаза,
Стихаетъ на сердцѣ гроза;
Когда въ уста тебя цалую,
Душою вѣрю въ жизнь иную.

Когда склонюсь на грудь твою,
Не на землѣ я, а въ раю...
Скажи „люблю" — и, самъ не знаю,
О чемъ я горько зарыдаю.

IV.

Щекою къ щекѣ ты моей приложись —
Пускай наши слезы сольются!
И сердцемъ къ горячему сердцу прижмись —
Пусть пламенемъ общимъ зажгутся!

Когда же въ то пламя польются рѣкой
Кипящія слезы разлуки,
Я, крѣпко твой станъ охвативши рукой,
Умру отъ блаженства и муки.

V.

Стоятъ отвѣка звѣзды
Недвижно надъ землей,
И смотрятъ другъ на друга
Съ любовью и тоской.

Ихъ языка (богатъ онъ
И какъ хорошъ!) не могъ
Постигнуть ни единый
Ученый филологъ.

Но я его изгибы
Всѣ изучилъ вполнѣ...
Вѣдь глазки милой были
Грамматикою мнѣ.

VI.

Опустясь головкой сонной
Подъ огнёмъ дневныхъ лучей,
Тихо лотосъ благовонной
Ждетъ мерцающихъ ночей.

И лишь только выплываетъ
Въ небо кроткая луна,
Онъ головку подымаетъ,
Пробуждаясь ото сна.

На листахъ душистыхъ блещетъ
Чистыхъ слезъ его роса,
И любовью онъ трепещетъ,
Грустно глядя въ небеса.

VII.

Когда-то другъ друга любили мы страстно...
Любили хоть страстно, а жили согласно.

Женой ее звалъ я, она меня мужемъ;
День цѣлый, бывало, играемъ, не тужимъ.

И Боже спаси, чтобъ затѣяли ссору!
Нѣтъ, все бъ цаловаться — во всякую пору!

Играть наконецъ мы задумали въ прятки,
И въ чащѣ лѣсной разошлись безъ оглядки.

Да такъ-то сумѣли запрятаться оба,
Что вѣрно другъ друга не сыщемъ до гроба.

VIII.

На сѣверномъ голомъ утесѣ
Стоитъ одинокая ель.
Ей дремлется. Сонную снѣжнымъ
Покровомъ одѣла метель.

И ели мерещится пальма,
Что въ дальней восточной землѣ
Одна молчаливо горюетъ
На зноемъ сожженной скалѣ.

IX.

Какъ пришлось съ тобой разстаться,
Разучился я смѣяться...
Былъ въ насмѣшкахъ я жестокъ,
А смѣяться все не могъ.

Какъ съ тобою разлучился,
Я и плакать разучился....
Много сердцу горькихъ бѣдъ,
А слезы все нѣтъ какъ нѣтъ.

X.

Только до слуха коснется
Пѣсня, что милая пѣла,
Сердце заноетъ, забьется,
Вырваться хочетъ изъ тѣла.

Къ лѣсу тоска меня гонитъ;
Спрятался бъ въ чащахъ дремучихъ...
Хочется слезъ мнѣ горючихъ:
Въ нихъ мое горе потонетъ!

XI.

Лѣто жаркое алѣетъ
    На лицѣ твоемъ;
Но зима морозомъ вѣетъ
    Въ сердцѣ молодомъ.

Перемѣнится все это —
Посмотри сама:
Скоро въ сердцѣ будетъ лѣто,
На лицѣ зима.

XII.

Полны мои пѣсни
И желчи и зла...
Не ты ли отравы
Мнѣ въ жизнь налила?

Полны мои пѣсни
И желчи и зла...
Не ты ли мнѣ сердце
Змѣей обвила?

XIII.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилося — ты умерла.
Проснулся; а все по ланитамъ
Слеза за слезою текла.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилось — забытъ я тобой.
Проснулся; но долго катились
Горючія слезы рѣкой.

Во снѣ неутѣшно я плакалъ:
Мнѣ снилось — мы вмѣстѣ опять.
Проснулся: а слезы все льются —
И я не могу ихъ унять.

XIV.

Падаетъ звѣздочка съ неба,
Съ яркой своей высоты...
Долго ли, звѣздочка счастья,
Въ небѣ мнѣ теплилась ты?

Съ яблони цвѣтъ облетаетъ,
Падаетъ листъ за листомъ;
Буйно ихъ вѣтеръ осенній
По полю носитъ кругомъ.

Лебедь запѣлъ свою пѣсню...
Тихо прудомъ онъ плыветъ.
Пѣсня все глуше и глуше...
Съ пѣсней и самъ онъ умретъ.

Грустно, темно!.. Ни листочка
Нѣтъ ужь на вѣткахъ нагихъ...
Вотъ и звѣзда золотая
Гаснетъ... и лебедь затихъ.

XV.

Полночь нѣмая была холодна:
Громко въ лѣсу мои вопли звучали;
Темныя сосны очнулись отъ сна —
И съ состраданьемъ главами качали.

XVI.

Не радуетъ вешнее солнце
Смущенную душу мою:
У старыхъ развалинъ, подъ липой,
Одинъ и печаленъ стою.

Какъ ярко блеститъ подъ горою
Лазоревой гладью рѣка!
Плыветъ по ней лодка; далеко
Разносится пѣснь рыбака.

А тамъ, за рѣкою, пестрѣютъ
Подъ ясной улыбкой небесъ
Сады и бесѣдки, и дачи,
И люди, и стадо, и лѣсъ.

Вонъ дѣвушки берегомъ идутъ
Къ зыбучему плоту съ бѣльемъ;
Вонъ мельница шумно трудится —
И сыплетъ алмазнымъ дождемъ.

Вотъ древняя ветхая башня
И будка у старыхъ воротъ;
Солдатикъ въ нарядномъ мундирѣ
Тамъ ходитъ и взадъ и впередъ.

Играетъ ружьемъ онъ — и ярко
Сверкаетъ на солнцѣ ружье...
„На плé-чо! на крá-улъ!“ Солдатикъ!
Прицѣлься ты въ сердце мое!

XVII.

Печаленъ по рощѣ брожу;
А дроздъ мнѣ съ кудрявой березы
Щебечетъ: „О чемъ твои слезы?“
Да что тебѣ, птица, скажу?

Вѣдь вѣрно печаль мою знаютъ
Косатки, сестрицы твои,
Что умныя гнѣзда свои
Надъ окнами милой свиваютъ.

XVIII.

Привяжи, душа-рыбачка,
Ты у берега челнокъ!
Подойди: рука съ рукою
Сядемъ вмѣстѣ на песокъ.

Безъ боязни припади ты
Мнѣ на сердце головой!
Вѣдь безъ страха синю морю
Ты челнокъ ввѣряешь свой.

Это сердце — то же море:
Такъ же часты бури въ немъ,
Такъ же, бурное, богато
Многоцѣннымъ жемчугомъ.

XIX.

Вихорь смерчи водяные
Вздѣлъ какъ бѣлые штаны,
И бѣжитъ, бичуя волны;
Волны гнѣвны и черны.

Тьма на небѣ; ливень хлещетъ;
Пуще злится ураганъ.
Мнится, съ ночью довременной
Слился старый океанъ.

Къ нашей мачтѣ чайка жмется,
Бурей смята на лету,
И пророчитъ хриплымъ крикомъ
Неминучую бѣду.

XX.

Безбрежное море кругомъ
Лежало въ вечернемъ мерцаньѣ.
Вдвоемъ на утесѣ крутомъ
Сидѣли мы въ грустномъ молчаньѣ.

Въ туманъ облекались струи,
И чайка надъ нами порхала.
Ты блѣдныя руки свои
Слезами любви орошала.

Безмолвно колѣни склоня,
Къ рукамъ твоимъ тихо устами
Припалъ я, и съ нихъ ты меня
Поила своими слезами.

Съ того безотраднаго дня
Я высохъ, и сердце заныло...
Слезами своими меня,
Несчастная, ты отравила!

XXI.

Объятый туманными снами,
Глядѣлъ я на милый портретъ,
И мнѣ показалось: я вижу
Въ немъ жизни таинственный слѣдъ:..

Какъ-будто печальной улыбкой
Раскрылись нѣмыя уста,
И жемчугомъ слезъ оросилась
Любимыхъ очей красота.

И самъ я невольно заплакалъ —
Заплакалъ, грустя и любя…
Ахъ, страшно повѣрить!.. Неужто
Я точно утратилъ тебя?

XXII.

Снѣжная изморозь, вѣтеръ,
Слякоть — какъ-быть октябрю…
Сѣлъ я отъ скуки къ окошку,
Въ темень ночную смотрю.

Тусклый вдали огонечекъ
Виденъ во мракѣ сыромъ:
Это старушка изъ лавки
Тихо бредетъ съ фонаремъ.

Вѣрно мучицы купила,
Масла, яичекъ пятокъ:
Хочетъ большой своей дочкѣ
Сдобный испечь пирожокъ.

Донна же дома — уселась:
Въ кресло, и дремлется ей...
Милое личико скрыли
Русыя волны кудрей.

XXIII.

Какъ сквозь облачнаго дыма
Виденъ млечный лунный свѣтъ,
Такъ во тьмѣ былаго зрима
Ты, картина свѣтлыхъ лѣтъ!

Дружнымъ кругомъ мы сидѣли...
Гордо Рейномъ плылъ нашъ челнъ.
Подъ вечернимъ солнцемъ рдѣли
Берега лазурныхъ волнъ.

Передъ женщиной любимой
Я задумчиво сидѣлъ...
Блескомъ вечера палимой,
Блѣдный ликъ ея алѣлъ.

Все живѣе, веселѣе
Раздавалась пѣснь гребца;
Небо стало голубѣе,
И просторнѣе сердца.

Чуднымъ сномъ мелькали мнѣ
Замокъ, роща, горный склонъ...
Очи женщины любимой
Отражали этотъ сонъ.

XXIV.

Ты, какъ цвѣтокъ весенній,
Чиста, нѣжна, хороша.
Гляжу на тебя — и печалью
Во мнѣ смутилась душа.

Съ молитвой тебѣ на головку
Я бъ руки возложилъ,
Чтобъ Богъ тебя вѣчно прекрасной,
Нѣжной и чистой хранилъ.

XXV.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вьюга бѣшеная злится
И стучится у окна!
Сердца бури не пугаютъ:
Въ немъ живутъ и расцвѣтаютъ
Образъ милой и весна.

XXVI.

Я къ бѣлому плечику милой
Прижался щекою плотнѣй:
Хотѣлось бы очень подслушать,
Что́ кроется въ сердцѣ у ней.

Трубятъ голубые гусары,
И въ городъ въѣзжаютъ толпой...
Я знаю, придется, голубка,
Намъ завтра разстаться съ тобой.

Пожалуй, покинь меня завтра!
Зато ты сегодня моя;
Зато въ этихъ милыхъ объятьяхъ
Сегодня блаженствую я.

XXVII.

Трубятъ голубые гусары,
И ѣдутъ изъ города вонъ...
Опять я съ тобою, голубка,
И розу принесъ на поклонъ.

Какая была передряга!
Гусары — народецъ лихой!
Пришлось и твое мнѣ сердечко
Гостямъ уступать подъ постой.

XXVIII.

Я при первой нашей встрѣчѣ
По глазамъ твоимъ, по рѣчи
Угадалъ любовь твою.
Если бъ мать тутъ не стояла,
Ты бъ на грудь ко мнѣ упала,
И сказала мнѣ: люблю!

Завтра снова мнѣ дорога:
Впереди осталось много
Безотраднаго пути.
Щелкнетъ бичъ у почтальона,
Грустно глянешь ты съ балкона,
Грустно молвлю я: прости!

XXIX.

Смерть — прохладной ночи тѣнь,
Жизнь — палящій лѣтній день.
Близокъ вечеръ; клонитъ сонъ:
Днемъ я знойнымъ утомленъ.

А надъ ложемъ дубъ ростетъ,
Соловей надъ нимъ поетъ....
Про любовь поетъ, и мнѣ
Пѣсни слышатся во снѣ.

XXX.

Дождáлся я свѣтлаго мая;
Цвѣты и деревья цвѣтутъ,
И пó небу синему, тая,
Румяныя тучки плывутъ.

Запѣли веселыя пташки
Въ играющей листвѣ лѣсовъ,
И бѣлые скачутъ барашки
На зелени мягкихъ луговъ.

Ни пѣть, ни скакать не могу я...
Больной, я улегся въ травѣ.
Кáкъ-будто и сплю и не сплю я...
И грезы, и звонъ въ головѣ.

XXXI.

Глазки весны голубые
Кротко глядятъ изъ травы.
Любы вы милой, фіялки:
Съ полемъ разстанетесь вы.

Рву я цвѣты, и мечтаю...
Въ рощѣ поютъ соловьи...
Боже мой! кто разсказалъ имъ
Думы и грезы мои?

Громко они разглашаютъ
Все, что я въ сердцѣ таю...
Цѣлая роща узнала
Нѣжную тайну мою.

XXXII.

Какъ трепещетъ, отражаясь
Въ морѣ плещущемъ, луна;
А сама идетъ по нéбу
И спокойна, и ясна:

Такъ и ты идешь, спокойна
И ясна, своимъ путемъ;
Но дрожитъ твой свѣтлый образъ
Въ сердцѣ трепетномъ моемъ.

XXXIII.

Священный союзъ заключили
Горячія наши сердца —
И тѣсно другъ съ другомъ сомкнулись,
Чтобъ биться вдвоемъ до конца.

Была на груди твоей роза
Посредницей нашихъ сердецъ...
Мы очень тѣснили бѣдняжку —
И смяли совсѣмъ наконецъ.

XXXIV.

Скажи мнѣ, кто вздумалъ часы изобрѣсть:
Въ минуты, въ секунды все время расчесть?
— Холодный и мрачный то былъ нелюдимъ:
Онъ въ зимнія ночи, хандрою томимъ,
Все слушалъ, какъ мышка скребется въ подпечекъ,
Да въ щелкѣ куетъ запоздалый кузнечикъ.

А кто изобрѣлъ поцалуй, и когда?
— Пылавшія счастьемъ и нѣгой уста:
Безъ счету, безъ думъ цаловались они.
То было въ прекрасные майскіе дни...
И солнце играло, и птицы запѣли,
И ярко цвѣтами луга запестрѣли!

XXXV.

Тотъ же сонъ, что снился прежде!
Прежнимъ счастьемъ вновь живу я...
Въ той же вешней міръ одеждѣ,
Та же нѣга поцалуя.

Тотъ же мѣсяцъ все двурогій
Свѣтитъ намъ; бесѣдка та же;
Тѣ же мраморные боги
У дверей стоятъ на стражѣ.

Сладкій сонъ — увы! минуетъ,
И сердечные обманы
Осень холодомъ обдуетъ,
Какъ весеннія поляны.

Да! цвѣсти не долго счастью;
И поблекнетъ, и сомнется...
И, покинутое страстью,
Сердце къ сердцу не прижмется.

XXXVI.

Тѣнь — любовь твоя и ласки;
Жизнь и счастье наше — тѣнь.
Ахъ! не вѣрь вчерашней сказкѣ:
Новой былью дышитъ день.

Мимолетно наслажденье,
Мигъ любви — невѣренъ онъ...
Въ сердце крадется забвенье,
И глаза смыкаетъ сонъ...

XXXVII.

Корабль мой на черныхъ плыветъ парусахъ
По дикой пустынѣ морей...
Ты знаешь, какъ больно мнѣ горе мое:
Зачѣмъ его дѣлать больнѣй?

Какъ вѣтеръ, измѣнчиво сердце твое,
    Волны оно вольной бѣглѣй! . .
Корабль мой на черныхъ плыветъ парусахъ
    По дикой пустынѣ морей.

XXXVIII.

Все море, братья, въ часъ заката
Горитъ кругомъ, какъ золотое . . .
Когда умру, на дно морское
Усопшаго вы бросьте брата!

Мы были долго съ моремъ дружны:
Волною ласковой, бывало,
Такъ часто скорби утоляло
Оно въ груди моей недужной.

XXXIX.

Изъ края въ край твой путь лежитъ;
    Идешь ты — радъ не радъ.
По вѣтру нѣжный зовъ звучитъ —
    И ты взглянулъ назадъ.

Твоя любовь въ странѣ родной;
    Манитъ, зоветъ она:
„Вернись домой! побудь со мной!
    Ты радость мнѣ одна."

Но путь ведетъ все въ даль и тьму —
И остановки нѣтъ...
Что такъ любилъ — навѣкъ къ тому
Запалъ возвратный слѣдъ.

XL.

Какъ разстаются двое,
Другъ другу руки жмутъ,
И нѣтъ конца прощанью:
Вздыхаютъ, слезы льютъ.

Безъ вздоховъ и безъ плача
Пошли мы въ розный путь...
А вотъ и слезы льются,
И вздохи давятъ грудь.

XLI.

И розы на щечкахъ у милой моей,
И глазки ея незабудки,
И бѣлыя лиліи, ручки малютки,
Цвѣтутъ все свѣжѣй и пышнѣй...
Одно лишь сердечко засохло у ней!

XLII.

На дальнемъ небосклонѣ
Туманною грядой
Встаетъ старинный городъ,
Одѣтъ вечерней мглой.

Кудрявитъ влажный вѣтеръ
Равнину синихъ водъ;
Гребецъ мой однозвучно
Весломъ по влагѣ бьетъ.

Заря, чуть теплясь, кажетъ
Мѣста, гдѣ я любилъ,
Гдѣ все, что мило сердцу,
Навѣкъ похоронилъ.

XLIII.

Лежу ли безсонною ночью
Въ постели, одинъ, безъ огня,
Лицо твое съ кроткою лаской
Изъ мрака глядитъ на меня.

Закрою ль усталыя вѣки
И тихо забудусь во снѣ —
Твой нѣжный и ласковый образъ
Прокрадется въ грезы ко мнѣ.

И утро его не уноситъ,
Летучія грёзы гоня:
Весь день, неразлучно со мною,
Живетъ онъ въ душѣ у меня.

XLIV.

Полно, сердце! что съ тобою?
Покорись своей судьбѣ!
Все, что отнято зимою,
Возвратитъ весна тебѣ.

Да и все ли измѣнило?
Вѣдь широкъ Господень свѣтъ!
Все, что любо, все, что мило,
Все люби — запрету нѣтъ!

XLV.

Липа вся подъ снѣжнымъ пухомъ,
Вѣтеръ ходитъ по полянамъ,
Облака нѣмыя въ небѣ
Облекаются туманомъ.

Лѣсъ безжизненъ, долъ пустыненъ,
Все кругомъ темно, уныло.
Стужа въ полѣ, стужа въ сердцѣ;
Сердце сжалось и застыло.

Вдругъ качнулись вѣтви липы,
Съ нихъ пушинки полетѣли...
Весь обсыпанъ, грустно молвитъ:
„Дождался опять метели!“

Но вглядись — и сердце вздрогнетъ:
То не снѣгъ, не иней льдистый;
То цвѣтовъ весеннихъ бѣлыхъ
Рой пушистый, рой душистый.

Чары чудныя свершились!
Дышитъ маемъ зимній холодъ,
Снѣгъ сталъ вешними цвѣтами —
И опять ты сердцемъ молодъ!

XLVI.

Солнце близко; на востокѣ
Небо ярко и румяно.
Вправо, влѣво тонутъ горы
Въ морѣ бѣлаго тумана.

Сапоги бы скороходы!
Я бы въ нихъ съ волшебной силой
Зашагалъ чрезъ эти горы —
И примчался къ дому милой.

Спитъ: я тихо распахнулъ бы
Бѣлый пологъ надъ кроваткой;
Цаловать бы сталъ ей тихо
Глазки, щечки, ротикъ сладкой...

И еще бы тише молвилъ
На ушко: „Не вѣрь обману!
Я съ тобой, съ тобой, какъ прежде,
И любить не перестану!“

XLVII.

Полночь нѣмая была холодна;
Глухо въ лѣсу мои вопли звучали.
Темныя сосны очнулись отъ сна —
И съ состраданьемъ главами качали.

XLVIII.

Порою картины былаго
Встаютъ изъ забытыхъ могилъ
И кажутъ мнѣ, какъ я когда-то
Вблизи тебя, милая, жилъ.

По улицамъ днемъ я скитался,
Затерянный въ грёзахъ больныхъ.
Бывало, всѣ встрѣчные смотрятъ:
Такъ былъ я печаленъ и тихъ.

Не такъ было жутко мнѣ ночью:
Все пусто и тихо кругомъ;
Не сплю только я съ своей тѣнью,
И бродимъ мы съ нею вдвоемъ.

Какъ мостомъ иду я — далеко
Мой шагъ раздается звеня;
Изъ облака выглянетъ мѣсяцъ
И грустно глядитъ на меня.

Вотъ домъ твой. Къ нему подхожу я,
Смотрю на окно въ вышинѣ,
Окно твоей спальни дѣвичьей —
И сердце рыдаетъ во мнѣ.

Я знаю, ты часто съ постели
Вставала — взглянуть изъ окна,
Какъ, словно статую, сіяньемъ
Меня обливаетъ луна.

XLIX.

Сердце мнѣ терзали,
Гнали мой покой, —
Тѣ — своей любовью,
Тѣ — своей враждой.

Клали въ хлѣбъ отраву,
Ядъ — въ напитокъ мой, —
Тѣ — своей любовью,
Тѣ — своей враждой.

Та же, что терзала
Всѣхъ больнѣй и злѣй —
Ни любви, ни злобы
Не видалъ я въ ней.

L.

Буря поетъ плясовую,
Свищетъ во всю свою мочь...
Пляшетъ нашъ бѣдный корабликъ...
Что за разгульная ночь!

По морю буйной ватагой
Съ грохотомъ волны бѣгутъ;
Черныя пасти зіяютъ,
Бѣлыя горы встаютъ.

Слышны въ каютахъ проклятья,
Рвота, молитвы и вой.
Крѣпко держусь я за мачту,
Думаю: буду ль домой?

LI.

Пусть на землю снѣгъ валится,
Вьюга бѣшеная злится
И стучится у окна!
Сердца бури не пугаютъ:
Въ немъ живутъ и расцвѣтаютъ
Образъ милой и весна!

LII.

Случайно со мной повстрѣчалась
Въ пути моей милой семья;
И мать, и отецъ, и сестричка —
Всѣ тотчасъ узнали меня.

Расправшивать стали: здоровъ ли?
И мнѣ говорили: „ей-ей!
Такой же вы все, какъ и прежде;
Лишь стали немножко блѣднѣй!“

Я тоже спросилъ ихъ — о теткахъ,
О братцахъ, о прочей роднѣ;
Спросилъ о щеночкѣ, что лаялъ
Такъ нѣжно, ласкаясь ко мнѣ...

Да кстати спросилъ и о милой...
Я съ свадьбы ее не видалъ...
И дружески мнѣ отвѣчали:
„На дняхъ ей сыночка Богъ далъ!“

И дружески я ихъ поздравилъ,
И молвилъ — какъ могъ лишь нѣжнѣй:
„Ахъ, будьте добры, передайте
Сердечный поклонъ мой и ей!“

Сестричка межь-тѣмъ мнѣ кричала:
„Щеночка ужь нѣтъ моего!
Былъ смирный; а выросъ — взбѣсился,
И бросили въ рѣчку его!“

Какъ съ милою схожа малютка!
Улыбка — двѣ капли, ее;
И глазки такіе же точно,
Что счастье сгубили мое.

LIII.

Снова роща зеленѣетъ,
Нѣги дѣвственной полна;
Солнце весело смѣется....
Здравствуй, юная весна!

Соловей! и твой унылый,
Страстный голосъ слышенъ вновь;
Звуки плачутъ и рыдаютъ,
И вся пѣснь твоя — любовь!

LIV.

Какъ-то разъ въ потемкахъ жизни
Засіялъ передо мной
Свѣтлый образъ; но погасъ онъ —
И я вновь окутанъ тьмой.

Дѣти малыя въ потемкахъ,
Чтобы страхъ преодолѣть
И унять тревогу сердца,
Начинаютъ громко пѣть.

Вотъ и я — ребенокъ глупый —
Точно такъ пою въ потьмахъ...
Пусть утѣхи въ пѣснѣ мало,
Да зато прошелъ мой страхъ!

ДУМЫ.

I.

Съ толпой безумною не стану
Я пляску дикую плясать,
И золоченому болвану,
Поддавшись гнусному обману,
Не стану ладонъ воскурять.
Я не повѣрю рукожатьямъ
Мнѣ яму роющихъ друзей;
Я не отдамъ себя объятьямъ
Надменныхъ наглостью своей
Прелестницъ... Шумной вереницей
Пусть за побѣдной колесницей
Своихъ боговъ бѣжитъ народъ!
Мнѣ чуждо идолослуженье;
Толпа въ слѣпомъ своемъ стремленьѣ
Меня съ собой не увлечетъ!
Я знаю, рухнетъ дубъ могучій;
А надъ послушнымъ камышомъ
Безвредно пронесутся тучи,
И прогудитъ сердитый громъ...
Но лучше пасть, какъ дубъ въ ненастье,
Чѣмъ съ камышомъ остаться жить,
Чтобы потомъ считать за счастье —
Для франта тросточкой служить.

II.

Брось свои иносказанья
И гипотезы пустыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правой?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?

Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!

Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это полно?

III.

АФРОНТЕНБУРГЪ.

Проклятый зáмокъ! образъ твой
Еще мелькаетъ предъ очами —
Съ своими мрачными стѣнами,
Съ своей запуганной толпой.

Надъ кровлей въ воздухѣ чернѣя,
Вертѣлся флюгеръ и скрипѣлъ,
И кто лишь ротъ раскрыть хотѣлъ,
На флюгеръ взглядывалъ, блѣднѣя.

Не начиналъ никто рѣчей,
Не справясь съ вѣтромъ: всякъ страшился,
Чтобъ не зафыркалъ, не озлился
Старикъ придирчивый Борей.

Кто былъ умнѣй, не молвилъ слова:
Онъ зналъ, что эхо въ зáмкѣ томъ
Переиначить все готово
Своимъ фальшивымъ языкомъ.

Въ саду, средь зелени убогой,
Темнѣлъ гранитный водоемъ:
Онъ вѣчно былъ съ засохшимъ дномъ,
Хоть слезъ въ него катилось много.

Проклятый садъ! въ немъ нѣтъ угла,
Гдѣ бъ сердца злость не отравляла,
И гдѣ бы слезъ моихъ не пало,
Которымъ не было числа.

Не счесть и тяжкихъ оскорбленій!
Во всѣхъ углахъ я былъ язвимъ
То рѣчью, полной ухищреній,
То словомъ грубо-площаднымъ.

Подслушать мой позоръ обидной
И жаба черная ползла...
И злую рѣчь потомъ вела
Съ своею тетушкой ехидной.

И — вся ихъ грязная родня —
Лягушки, крысы узнавали,
Какъ безпощадно оскорбляли,
И какъ позорили меня.

Алѣли розы, расцвѣтая,
Но рано свяла ихъ весна —
И, чѣмъ-то вдругъ отравлена́,
Поблекла жизнь ихъ молодая.

Съ тѣхъ поръ зачахъ и соловей,
Чья пѣснь лилась надъ соннымъ садомъ,
Ласкал рокъ во мглѣ ночей:
И онъ отравленъ тѣмъ же ядомъ!

Проклятый садъ! проклятый! да!
Повсюду клейма отверженья!
И въ ясный день тамъ иногда
Меня пугали привидѣнья.

Порой мелькалъ мнѣ чей-то ликъ —
Зеленый, злобой искаженный...
И слышалъ вопли я и стоны,
Послѣдній хрипъ, предсмертный крикъ.

Террасой къ морю садъ кончался:
Тамъ о пяты крутой скалы
Хлестали буйные валы —
И валъ за валомъ сокрушался.

Скорбя, что воля хороша,
Стоялъ я часто тамъ. Синѣла
Морская даль. Во мнѣ душа
Рвалась и билась, и кипѣла...

Кипѣла, билась и рвалась
Она, какъ этотъ валъ мятежной,
Что мчится гордъ къ скалѣ прибрежной —
И вспять отходитъ, раздробясь.

О! сколько я судовъ крылатыхъ
Вдали сквозь слезы различалъ!
Меня изъ стѣнъ своихъ проклятыхъ
Проклятый за́мокъ не пускалъ.

IV.

НОЧНЫЯ МЫСЛИ.

Какъ вспомню къ ночи край родной,
Покоя нѣтъ душѣ больной:
И сномъ забыться нѣту мочи,
И горько, горько плачутъ очи.

Проходятъ годы чередой...
Съ тѣхъ поръ, какъ матери родной
Я не видалъ, прошло ихъ много!
И все ростетъ во мнѣ тревога...

И грусть ростетъ день ото дня.
Околдовала мать меня:
Все бъ думалъ о старушкѣ милой —
Господь храни ее и милуй!

Какъ любо ей ея дитя!
Пришлетъ письмо — и вижу я:
Рука дрожала, какъ писала,
А сердце ныло и страдало.

Забыть родную силы нѣтъ!
Прошло двѣнадцать долгихъ лѣтъ —
Двѣнадцать лѣтъ ужь миновало,
Какъ мать меня не обнимала.

Крѣпка родная сторона:
Вовѣкъ не сломится она,
И будутъ въ ней, какъ въ оны годы,
Шумѣть лѣса, катиться воды.

По ней не сталъ бы тосковать;
Но тамъ живетъ старушка мать:
Меня не родина тревожитъ,
А то, что мать скончаться можетъ.

Какъ изъ родной ушелъ земли,
Въ могилу многіе легли,
Кого любилъ... Считать ихъ стану —
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшимъ счетъ,
Ко мнѣ на грудь, какъ тяжкій гнетъ,
За трупомъ мертвый трупъ ложится....
Болитъ душа, и умъ мутится.

Но — слава Богу! сквозь окна
Зардѣлся свѣтъ. Моя жена,
Ясна, какъ день, глядитъ мнѣ въ очи —
И гонитъ прочь тревоги ночи.

РОМАНСЫ И БАЛЛАДЫ.

I.

ГРЕНАДЕРЫ.

Во Францію два гренадера
Изъ русскаго плѣна брели,
И оба душой пріуныли,
Дойдя до Нѣмецкой Земли.

Придется имъ — слышать — увидѣть
Въ позорѣ родную страну...
И храброе войско разбито,
И самъ императоръ въ плѣну!

Печальныя слушая вѣсти,
Одинъ изъ нихъ вымолвилъ: „Братъ!
Болитъ мое скорбное сердце,
И старыя раны горятъ!“

Другой отвѣчаетъ: „Товарищъ!
И мнѣ умереть бы пора;
Но дома жена, малолѣтки:
У нихъ ни кола, ни двора.

„Да что мнѣ? просить Христа-ради
Пущу и дѣтей и жену...

Иная на сердцѣ забота:
Въ плѣну императоръ! въ плѣну!

„Исполни завѣтъ мой: коль здѣсь я
Окончу солдатскіе дни,
Возьми мое тѣло, товарищъ,
Во Францію! тамъ схорони!

„Ты орденъ на ленточкѣ красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И въ руки мнѣ вложишь ружье.

„И смирно и чутко я буду
Лежать, какъ на стражѣ, въ гробу...
Заслышу я конское ржанье
И пушечный громъ, и трубу.

„То Онъ надъ могилою ѣдетъ!
Знамена побѣдно шумятъ...
Тутъ выйдетъ къ тебѣ, императоръ,
Изъ гроба твой вѣрный солдатъ!“

II.

ГОНЕЦЪ.

Вставай, слуга! коня сѣдлай!
Чрезъ рощи и поля
Скачи скорѣе ко дворцу
Дункана короля!

Зайди въ конюшню тамъ, и жди!
И если кто войдетъ,
Спроси: которую Дунканъ
Дочь замужъ отдаетъ?

Коль чернобровую — лети
Во весь опоръ назадъ!
Коль ту, что съ русою косой —
Спѣшить не надо, братъ.

Тогда ступай на рынокъ ты:
Купи веревку тамъ!
Вернися шагомъ — и молчи:
Я угадаю самъ.

III.

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ.

Всадникъ несется на борзомъ конѣ
Свѣжею пущей лѣсной;
То запоетъ онъ, то въ рогъ затрубитъ,
Веселъ и воленъ душой.

Крѣпки литые доспѣхи его;
Духъ не сломился отъ бѣдъ.
Онъ это — Львиное Сердце Ричардъ,
Божьяго воинства цвѣтъ.

„Здравствуй на родинѣ!“ слышится ему
Радостный лепетъ вѣтвей:
„Слава, король нашъ, что вырвался ты
Цѣлъ изъ австрійскихъ когтей!“

Полною грудью онъ пьетъ благодать
Вольнаго божьяго дня;
Вспомнилъ о смрадѣ австрійской тюрьмы —
Гонитъ и шпоритъ коня!

IV.

ТРАГЕДІЯ.

1.

„Бѣги со мной! будь мнѣ женой!
На сердцѣ отдохни моемъ!
Оно тебѣ въ странѣ чужой —
Родимый край, родимый домъ.

„Иль лягу я въ землѣ сырой,
И будешь въ мірѣ ты одна,
И будетъ домъ родимый твой
Тебѣ чужая сторона!“

2.

На поляну иней палъ
Середь вешней ночки:
Познобилъ онъ, погубилъ
Алые цвѣточки.

Темной ночкой съ молодцемъ
Дѣвушка бѣжала:
Ни родимой, ни отцу
Слова не сказала.

Въ чужедальной сторонѣ
Горе да несчастье,
И повянули они,
Какъ цвѣты въ ненастье.

3.

Липа ихъ могилу тѣнью покрываетъ;
Межъ кудрявыхъ вѣтокъ пташка распѣваетъ.
На травѣ зеленой сѣли у могилы
Парень деревенскій со своею милой.

Тихо и печально вѣтерокъ лепечетъ,
Сладко и уныло пташечка щебечетъ.
Пріумолкли парень и его зазноба...
Отчего — не знаютъ, только плачутъ оба.

V.

ЖЕНЩИНА.

Любовь ихъ была глубока и сильна:
Мошенникъ былъ онъ, потаскушка она.
Когда молодцу сплутовать удавалось,
Кидалась она на кровать, и смѣялась.

И шумно, и буйно летѣли ихъ дни;
По темнымъ ночамъ цаловались они.
Въ тюрьму угодилъ онъ. Она не прощалась;
Глядѣла, какъ взяли дружка, и смѣялась.

Послалъ онъ сказать ей: „Зашла бы ко мнѣ!
Съ ума ты нейдешь наяву и во снѣ;
Душа у меня по тебѣ стосковалась!“
Качала она головой, и смѣялась.

Чѣмъ-свѣтъ его вѣшать на площадь вели;
А въ семь его сняли — въ могилу снесли...
А въ восемь она, какъ ни въ чемъ не бывала,
Вино попивая, съ другимъ хохотала.

VI.

РЫЦАРЬ ОЛАФЪ.

1.

Кто тѣ двое у собора,
Оба въ красномъ одѣяньѣ?
То король, что хмуритъ брови;
Съ нимъ палачъ его покорный.

Палачу онъ молвитъ: „Слышу
По словамъ церковныхъ пѣсенъ,
Что обрядъ вѣнчанья конченъ...
Свой топоръ держи поближе!“

И трезвонъ — и гулъ органа...
Пестрый людъ идетъ изъ церкви.
Вотъ выводятъ новобрачныхъ
Въ пышномъ праздничномъ уборѣ.

Блѣдны щеки, плачутъ очи
У прекрасной королевны;
Но Олафъ и бодръ, и веселъ,
И уста цвѣтутъ улыбкой.

И съ улыбкой устъ румяныхъ
Королю онъ молвитъ: „Здравствуй,
Тесть возлюбленный! Сегодня
Я разстанусь съ головою.

„Но одну исполни просьбу:
Дай отсрочку до полночи,
Чтобъ отпраздновать мнѣ свадьбу
Свѣтлымъ пиромъ, шумной пляской!

„Дай пожить мнѣ! дай пожить мнѣ!
Осушить послѣдній кубокъ,
Пронестись въ послѣдней пляскѣ!
Дай пожить мнѣ до полночи!“

И король угрюмый молвитъ
Палачу: „Даруемъ зятю
Право жизни до полночи...
Но топоръ держи поближе!“

2.

Сидитъ новобрачный за брачнымъ столомъ;
Онъ кубокъ послѣдній наполнилъ виномъ.
Къ плечу его блѣднымъ лицомъ припадая,
Вздыхаетъ жена молодая.
Палачъ стоитъ у дверей!

„Готовятся къ пляскѣ, прекрасный мой другъ!"
И рыцарь съ женою становятся въ кругъ.
Зажегся въ ихъ лицахъ горячій румянецъ —
И бѣшенъ послѣдній ихъ танецъ...
Палачъ стоитъ у дверей!

Какъ весело ходятъ по струнамъ смычки,
А въ пѣніи флейты какъ много тоски!
У всѣхъ, передъ кѣмъ эта пара мелькаетъ,
Отъ страха душа замираетъ...
Палачъ стоитъ у дверей!

А пляска все вьется, и зала дрожитъ.
Къ супругѣ склоняясь, Олафъ говоритъ:
„Не знать тебѣ, какъ мое сердце любило!
Готова сырая могила!"
Палачъ стоитъ у дверей!

3.

Рыцарь! полночь било... Кровью
Уплати проступокъ свой!
Насладился ты любовью
Королевны молодой.

Ужъ сошлись во дворъ монахи —
За псалмомъ поютъ псаломъ...
И палачъ у черной плахи
Всталъ съ широкимъ топоромъ.

Озаренъ весь дворъ огнями...
На крыльцѣ Олафъ стоитъ —
И, румяными устами
Улыбаясь, говоритъ.

„Слава въ небѣ звѣздамъ чистымъ!
Слава солнцу и лунѣ!
Слава птицамъ голосистымъ
Въ поднебесной вышинѣ!

„И морскимъ водамъ безбрежнымъ!
И землѣ въ дарахъ весны!
И фіялкамъ въ полѣ — нѣжнымъ
Какъ глаза моей жены!

„Надо съ жизнью разставаться
Изъ-за этихъ синихъ глазъ...
Слава рощѣ, гдѣ видаться
Мы любили въ поздній часъ!“

VII.

ГАРАЛЬДЪ ГАРФАГАРЪ.

Король Гаральдъ на днѣ морскомъ
Сидитъ подъ синимъ сводомъ
Съ прекрасной феею своей...
А годъ идетъ за годомъ.

Не разорвать могучихъ чаръ;
Ни смерти нѣтъ, ни жизни!
Минýло двѣсти зимъ и лѣтъ
Его послѣдней тризнѣ.

На грудь красавицы склонясь,
Король глядитъ ей въ очи;
Дремотной нѣгою объятъ,
Глядитъ и дни, и ночи.

Златыя кудри короля
Изсѣклись, побѣлѣли,
Въ морщинахъ желтое лицо,
Нѣтъ силъ въ поблекшемъ тѣлѣ.

Порой тревожитъ страстный сонъ
Какой-то грохотъ дальной:
То буря нá морѣ шумитъ —
Дрожитъ дворецъ хрустальной.

Порою слышитъ Гарфагаръ
Норманскій кликъ родимый:
Подниметъ руки — и опять
Поникнетъ, недвижимый.

Порой до слуха долетитъ
И пѣснь пловца надъ моремъ,
Что про Гаральда сложена́:
Стѣснится сердце горемъ...

Король застонетъ, и глаза
Наполнятся слезами...
А фея льнетъ къ его устамъ
Веселыми устами.

VIII.

ГАСТИНГСКОЕ ПОЛЕ.

Глубоко вздыхаетъ вальтамскій аббатъ;
Дошли къ нему горькія вѣсти:
Проигранъ при Га́стингсѣ бой — и король,
Убитый, остался на мѣстѣ.

Зоветъ онъ монаховъ, и имъ говоритъ:
„Ты, Асгодъ, ты, Эльрикъ — вы двое —
Идите, сыщите вы трупъ короля
Гарольда межъ жертвами боя!“

Въ печали монахи на поискъ пошли;
Вернулись къ аббату въ печали.
„Нерадостна, отче, Господня земля:
Ей дни испытаній настали!

„О, горе намъ! палъ благороднѣйшій мужъ,
И воля ничтожныхъ надъ нами:
Грабители дѣлятъ родную страну —
И дѣлаютъ вольныхъ рабами.

„Паршивый норманскій оборвышъ — увы!
Британскимъ становится лордомъ;
Вездѣ щеголяютъ въ шитьѣ золотомъ,
Кого колотили по мордамъ!

„Несчастье тому, кто Саксонцемъ рожденъ!
Нѣтъ участи горше и гаже.
Враги наши будутъ безбожно хулить
Саксонскихъ святителей даже!

„Узнали мы, что́ намъ большая звѣзда
Кровавымъ огнемъ предвѣщала,
Когда на горящей метлѣ въ небесахъ
Средь темной полночи скакала.

„Сбылося предвѣстье, грозившее намъ
И нашей отчизнѣ бѣдами!
Мы были на Га́стингскомъ полѣ, отецъ:
Завалено поле тѣлами.

„Бродили мы долго, искали вездѣ,
Надеждой и страхомъ томимы...
Увы! королевскаго тѣла нигдѣ
Межъ трупами тамъ не нашли мы!“

Такъ молвили Асгодъ и Эльрикъ. Аббатъ,
Сраженный ихъ вѣстью жестокой,
Поникъ головою — и молвилъ потомъ
Монахамъ съ тоскою глубокой:

„Живетъ въ Гриндельфильдскомъ дремучемъ лѣсу,
Сношеній съ людьми не имѣя,
Одна, въ беззащитной избушкѣ своей,
Эдиѳь Лебединая-Шея.

„Была, какъ у лебедя, шея у ней
Была и стройна, и прекрасна,
И въ Бозѣ почившій король нашъ Гарольдъ
Когда-то любилъ ее страстно.

„Любилъ онъ ее, цѣловалъ и ласкалъ;
Потомъ разлюбилъ и покинулъ.
За днями шли дни, за годами года:
Шестнадцатый годъ тому минулъ.

„Идите вы, братіе, въ хижину къ ней...
Туда вы поспѣете къ ночи...
Возьмите съ собою на поискъ Эдиѳь:
У женщины зоркія очи.

„Вы трупъ короля принесете сюда;
Надъ нашимъ почившимъ героемъ
По чину мы долгъ христіанскій свершимъ,
И съ почестью тѣло зароемъ."

Ужь въ полночь монахи къ избушкѣ лѣсной
Пришли — и стучатся. „Скорѣе
Съ постели вставай и за нами иди,
Эдиѳь Лебединая-Шея!

„Насъ герцогъ норманскій въ бою побѣдилъ,
И много легло насъ со славой;
Но палъ подъ мечемъ и король нашъ Гарольдъ
На Га́стингской нивѣ кровавой!

„Пришли тебя звать мы — искать, гдѣ лежитъ
Межь мертвыми нашъ повелитель:
Найдя, понесемъ мы его хоронить
Въ священную нашу обитель."

Ни слова не молвя, вскочила Эдиѳь,
И вышла къ монахамъ босая.
Ей вѣтеръ полночный трепалъ волоса,
Сѣдыя ихъ космы вздувая.

Пошли. По оврагамъ, по топямъ и пнямъ
Вела ихъ лѣсная жилица...
И вотъ показался утесъ мѣловой,
Какъ въ небѣ зажглася денница.

Бѣлѣя, какъ саванъ, взвивался туманъ
Надъ полемъ сраженья; взлетали
Съ кровавыми клювами стаи воронъ —
И дико и мерзко кричали.

Ограблены, голы, безъ членовъ, черны,
Валялися трупы повсюду:
Тамъ люди лежали, тутъ лошадь гнила,
Давя безобразную груду.

Бродила Эдиѳь по равнинѣ, гдѣ мечъ
Разилъ и губилъ безъ пощады;
Изъ глазъ неподвижныхъ метала она,
Какъ стрѣлы, пытливые взгляды.

Въ крови по колѣни ходила Эдиѳь;
Порой рукавами рубахи
Отъ мертвыхъ гнала она стаи воронъ.
За нею плелися монахи.

Весь день проискала она короля.
Закатъ былъ, какъ зарево, красенъ...
Вдругъ бѣдная съ крикомъ поникла къ землѣ.
Пронзительный крикъ былъ ужасенъ!

Нашла Лебединая-Шея, нашла,
Кого такъ усердно искала!
Не молвила слова и слезъ не лила,
И къ блѣдному лику припала...

Лобзала его и въ чело, и въ уста,
И жалась лицомъ къ его стану;
Лобзала на мертвой груди короля
Кровавую черную рану.

Потомъ увидала на правомъ плечѣ
(И къ нимъ приложилась устами)
Три рубчика: въ чудно-блаженную ночь
Она нанесла ихъ зубами.

Монахи двѣ жерди межъ тѣмъ принесли,
И доску къ жердямъ привязали,
И нá доску подняли трупъ короля
Въ глубокой, безмолвной печали.

Въ обитель святую его понесли —
Отпѣть и предать погребенью;
За трупомъ любви своей тихо Эдиѳь
Пошла похоронною тѣнью.

И пѣла надгробныя пѣсни она —
Такъ жалобно-дѣтски!.. Звучали
Напѣвы ихъ скорбно въ ночной тишинѣ...
Монахи молитву шептали.

IX.

БОГОМОЛЬЦЫ ВЪ КЕВЛАРѢ.

1.

Старушка у окошка;
Въ постели сынъ больной.
„Идетъ народъ съ крестами:
Не встанешь ли, родной?“

— Ахъ, боленъ я, родная!
Въ глазахъ туманъ и мгла.
Все сердце изболѣло,
Какъ Гретхенъ умерла. —

„Пойдемъ въ Кевларъ! Не даромъ
Туда народъ бѣжитъ:
Твое больное сердце
Мать Божья исцѣлитъ.“

Хоругви тихо вѣютъ,
Церковный хоръ поетъ,
И вьется вдоль по Рейну
Изъ Кёльна крестный ходъ.

Въ толпѣ бредетъ старушка,
И съ нею сынъ больной.
„Хвала Тебѣ, Марія!“
Поютъ они съ толпой.

2.

Мать Божія въ Кевларѣ
Вся въ лентахъ и цвѣтахъ,
И идутъ къ ней больные
Съ молитвой на устахъ...

И, вмѣсто дара, члены
Изъ воску ей несутъ —
Тотъ руку, этотъ ногу,
И исцѣленья ждутъ.

Принесъ изъ воска руку —
И заживетъ рука;
Принесъ изъ воска ногу —
И заживетъ нога.

На клюшкахъ ковылявшій
Плясать и прыгать сталъ;
Руками невладѣвшій
На скрипкѣ заигралъ.

И мать слѣпила сердце
Изъ свѣчки восковой...
„Снеси къ Пречистой! сниметъ
Недугъ твой какъ рукой.“

Взялъ сынъ, вздыхая, сердце;
Предъ ликомъ Дѣвы палъ...
Изъ глазъ струились слезы;
Онъ плакалъ, и шепталъ:

„Пречистая! Святая!
Слезамъ моимъ вонми!
Небесная Царица!
Печаль мою прими!

„Я жилъ на Рейнѣ, въ Кёльнѣ,
Съ родимою моей,
Въ томъ Кёльнѣ, гдѣ такъ много
Часовенъ и церквей.

„Тамъ Гретхенъ... Ахъ, не встать ей
Изъ-подъ сырой земли!...
О Дѣва Пресвятая!
Мнѣ сердце исцѣли!

„Сними недугъ ты съ сердца,
И чистою душой
Вѣкъ воспѣвать я буду
Хвалу Тебѣ, Святой!“

3.

Въ коморкѣ тѣсной спали
И мать и сынъ больной.
Вошла къ нимъ Матерь Божья
Неслышною стопой.

Къ больному наклонилась,
Съ улыбкой провела
Ему рукой по сердцу —
И, свѣтлая, ушла.

А мать во снѣ все видитъ...
Проснулась на зарѣ.
Встаетъ, и слышитъ — лаютъ
Собаки на дворѣ.

Сынъ нѣмъ и неподвиженъ —
Слѣда въ немъ жизни нѣтъ;
На блѣдныя ланиты
Ложится утра свѣтъ.

И мать скрестила руки,
Покорна и ясна.
„Хвала Тебѣ, Марія!“
Молилася она.

X.

ИЛЬЗА.

Зовусь я принцессою Ильзой,
Живу въ Ильзенштейнѣ своемъ.
Зайди ты въ хрустальный мой замокъ:
Блаженно мы въ немъ заживемъ.

Своею прозрачной волною
Я вымою кудри твои;
Со мною, угрюмый страдалецъ,
Забудешь ты скорби свои.

На бѣлой груди моей ляжешь,
Уснешь въ моихъ бѣлыхъ рукахъ,
И страстной душою потонешь
Въ чарующихъ, сказочныхъ снахъ.

Ласкать, цаловать тебя стану
Безъ устали. Въ нѣгѣ такой
Не таялъ и царственный Генрихъ,
Покойный возлюбленный мой.

Пусть мертвые тлѣютъ въ могилѣ,
Живому дай жизни вполнѣ!
А я и свѣжа и прекрасна,
И сердце играетъ во мнѣ.

Зайди же, прохожій, въ мой за́мокъ!
Въ мой за́мокъ хрустальный зайди!
Тамъ рыцари пляшутъ и дамы...
На пышный мой пиръ погляди!

Шумятъ тамъ парчевыя платья,
Желѣзныя шпоры звенятъ,
И карлы на скрипкахъ играютъ,
Бьютъ въ бубны и въ трубы трубятъ.

Какъ нѣкогда Генриха, крѣпко
Тебя ко груди я прижму.
Бывало, труба зарокочетъ —
Я уши закрою ему.

XI.

АСРА.

Каждый день порой вечерней
Дочь султана молодая
Тихо по саду проходитъ
Близь журчащаго фонтана.

Каждый день порой вечерней
У журчащаго фонтана
Молодой стоитъ невольникъ.
Съ каждымъ днемъ онъ все блѣднѣе.

Разъ къ нему подходитъ быстро
Съ быстрой рѣчью дочь султана:
„Знать хочу твое я имя;
Кто ты родомъ и откуда?“

Отвѣчаетъ ей невольникъ:
„Магометъ я, изъ Емена,
Родомъ Асра: всѣ мы въ родѣ
Умираемъ, какъ полюбимъ!“

XII.

ПАСТОРЪ.

Сквозь облака мѣсяцъ осеннiй
Прорѣзался блѣднымъ серпомъ.
Стоитъ одинокъ у кладбища
Пастора-покойника домъ.

Старуха надъ Библіей дремлетъ;
Сынъ тупо на свѣчку глядитъ;
Дочь старшая сонно зѣваетъ;
А младшая дочь говоритъ:

„Ахъ, Господи! дни-то здѣсь, дни-то:
Сидишь — не дождешься конца.
Одно развлеченье, какъ въ церковь
Отпѣть принесутъ мертвеца!“

Старуха, очнувшись, ей молвитъ:
„Не, ври! схоронили всего
Троихъ съ той поры, какъ зарыли
Въ могилу отца твоего!

„Здѣсь съ голоду ноги протянешь!“
Промолвила старшая дочь.
„Давно меня графъ подзываетъ...
Пойду къ нему: стало не вмочь!“

„Троихъ я молодчиковъ знаю!“
Смѣясь, перебилъ ее братъ:
„Пойду съ ними денежки дѣлать...
Въ лѣсу имъ что́ кустикъ, то́ кладъ!“

Въ худое лицо ему книгу
Швырнула, вся блѣдная, мать:
„Такъ будь же ты проклятъ, разбойникъ,
Коль сталъ грабежи замышлять!“

Вдругъ стукнуло что-то въ окошко,
И кто-то рукой имъ грозитъ...
Глядятъ: въ облаченіи черномъ
Покойникъ-отецъ тамъ стоитъ.

XIII.

ПАСТУХЪ.

Ты — король, пастухъ красавецъ!
Этотъ холмъ — не тронъ ли твой?
Это солнце надъ тобою —
Не вѣнецъ ли золотой?

Льстиво овцы въ алыхъ лентахъ
Улеглись предъ королемъ;
Камергерами телята
Важно шествуютъ кругомъ.

Изъ козлятъ придворной труппы
Каждый — чудо, не актеръ!
Колокольчики коровокъ,
Флейты птицъ — придворный хоръ.

Чудный звонъ, игра и пѣнье!
И порой имъ вторитъ гулъ
Темныхъ елей, водопада —
И король, глядишь, заснулъ.

Той порой бразды правленья
Принимаетъ вѣрный песъ;
Всѣмъ извѣстенъ нравъ министра,
Громкій лай и чуткій носъ.

А король во снѣ лепечетъ:
„Тяжело быть королемъ!
Отдохнуть хотѣлъ бы дома —
Съ королевою вдвоемъ!

„Головой бы легъ державной
На груди я у нее...
Вѣдь въ глазахъ ея прекрасныхъ
Все и царство-то мое!“

XIV.

АЛЬМАНЗОРЪ.

1.

Исполинскія колонны —
Счетомъ тысяча и триста —
Подпираютъ тяжкій куполъ
Кордуанскаго собора.

Куполъ, стѣны и колонны
Сверху до низу покрыты
Изрѣченьями корана
Въ завиткáхъ и арабескахъ.

Храмъ воздвигли въ честь Аллаха
Мавританскіе халифы;
Но потокъ временъ туманный
Измѣнилъ на свѣтѣ много.

На высокомъ минаретѣ,
Гдѣ звучалъ призывъ къ молитвѣ,
Раздается христіанскій
Глупый колоколъ, не голосъ.

На ступеняхъ, гдѣ читалось
Слово мудрое пророка,
Служатъ жалкую обѣдню
Безтолковые монахи.

Передъ куклами своими
И кадятъ, и распѣваютъ...
Дымъ, козлиное блеянье —
И мерцанье глупыхъ свѣчекъ!

Альманзóръ Бен-Абдуллá
Молчаливъ стоитъ въ соборѣ,
На колонны мрачно смотритъ,
И слова такія шепчетъ:

„О, могучія колонны!
Въ честь Аллы васъ украшали,
А теперь служить должны вы
Ненавистнымъ христіанамъ!

„Покорилися вы року —
И несете ваше бремя
Терпѣливо; какже слабый
Человѣкъ не присмирѣетъ?“

И съ веселою улыбкой
Альманзоръ чело склоняетъ
Къ изукрашенному полу
Кордуанскаго собора.

2.

Быстро вышелъ онъ изъ храма, —
На лихомъ конѣ помчался;
Раздувалися по вѣтру
Кудри влажныя и перья.

По дорогѣ къ Алколеѣ
Вдоль рѣки Гвадальквивира,
Гдѣ цвѣтетъ миндаль душистый
И лимоны золотые —

Тамъ веселый мчится рыцарь,
Распѣваетъ и смѣется —
И ему и птицы вторятъ
И рѣки журчащей воды.

Донья Клара де Альваресъ
Обитаетъ въ Алколеѣ...
Безъ отца (онъ на войнѣ)
Ей житье привольнѣй въ замкѣ.

Издалека Альманзору
Слышны трубы и литавры —
И сквозь тѣнь деревъ струится
Яркій свѣтъ изъ оконъ замка.

Въ замкѣ весело танцуютъ...
Тамъ двѣнадцать дамъ красавицъ,
И двѣнадцать кавалеровъ...
Альманзоръ — владыка бала.

Легокъ, веселъ онъ порхаетъ
По паркету свѣтлой залы,
Ловко всѣмъ прекраснымъ дамамъ
Разсыпаетъ комплименты.

Вотъ онъ возлѣ Изабеллы —
Страстно руки ей цалуетъ:
Вотъ онъ около Эльвиры —
И глядитъ ей страстно въ очи;

Вотъ смѣется съ Леонорой:
„Чтó, хорошъ ли я сегодня?"
И показываетъ дамѣ
Крестъ, нашитый на плащѣ.

Всѣхъ красавицъ увѣряетъ
Онъ въ любви и постоянствѣ;
И Христомъ божится въ вечеръ
Тридцать разъ — по-крайней-мѣрѣ.

3.

Танцы, музыка и говоръ
Смолкли въ замкѣ алколейскомъ.
Нѣтъ ни дамъ, ни кавалеровъ,
Всюду свѣчи догорѣли.

Лишь вдвоемъ остались въ залѣ
Альманзоръ и донья Клара:
Ихъ мерцаньемъ обливаетъ
Догарающая лампа.

Въ мягкихъ креслахъ донья Клара,
На скамейкѣ дремлетъ рыцарь,
Головой припавъ усталой
На любимыя колѣни.

Дама розовое масло
Льетъ съ любовью изъ флакона
На его густыя кудри —
И глубоко онъ вздыхаетъ.

Тихо нѣжными устами
Шевеля, цалуетъ донья
Кудри рыцаря густые —
И чело его темнѣетъ.

Изъ очей ея прекрасныхъ
Льются слезы на густыя
Кудри рыцаря — и рыцарь
Злобно стискиваетъ губы.

Снится: онъ опять въ соборъ
Съ наклоненной головою
Молчаливъ стоитъ и слышитъ
И глухой, и мрачный говоръ.

Слышитъ — ропщутъ, негодуя,
Исполинскія колонны,
Не хотятъ терпѣть позора,
И колеблятся со стономъ.

Покачнулись — трескъ и грохотъ;
Люди въ ужасѣ блѣднѣютъ;
Куполъ падаетъ въ осколкахъ...
Воютъ боги христіанъ.

XV.

ВАЛТАСАРЪ.

Ужь часъ полночный наступалъ.
Весь Вавилонъ молчалъ и спалъ.

Лишь о́кна царскаго дворца
Сіяютъ: пиръ тамъ безъ конца.

Въ блестящей залѣ столъ накрытъ;
Царь Валтасаръ за нимъ сидитъ.

Съ царемъ пируетъ много слугъ;
Не молкнетъ чашъ веселый стукъ.

Все шумно: рабъ за чашей смѣлъ.
Строптивый царь повеселѣлъ.

Въ лицѣ румянецъ запылалъ:
Съ виномъ онъ бѣшенство впивалъ.

Слѣпымъ безумствомъ увлеченъ,
Поноситъ дерзко Бога онъ.

Нахально-дикъ его языкъ,
И рабскихъ хвалъ неистовъ кликъ.

Сверкая взоромъ, пьяный царь
Рабовъ ограбить шлетъ алтарь.

И вотъ несутъ, склоня главы,
Всю утварь храма Еговы.

И царь коснѣющей рукой,
Наполнивъ, взялъ сосудъ святой.

Его онъ разомъ осушилъ —
И съ пѣной у рта возгласилъ:

„Я плюю, Богъ, на твой алтарь!
Я Вавилона сильный царь!“

Еще не смолкъ безумный крикъ,
Какъ трепетъ въ грудь царя проникъ.

Угасъ мгновенно буйный смѣхъ —
И страшный холодъ обнялъ всѣхъ.

И вдругъ, о ужасъ! на стѣнѣ
Рука явилася въ огнѣ —

И пишетъ. Буквы подъ перстомъ
Переливаются огнемъ.

Недвижимъ царь и взоромъ дикъ;
Дрожатъ колѣни; блѣденъ ликъ.

Рабовъ сковалъ могильный страхъ,
И слово замерло въ устахъ.

И ни единый магъ не смогъ
Истолковать небесныхъ строкъ.

Въ ту ночь, какъ теплилась заря,
Рабы зарѣзали царя.

НА СМЕРТНОМЪ ОДРѢ.

I.

РАДОСТЬ И ГОРЕ.

Радость — рѣзвая гризетка —
Посидитъ на мѣстѣ рѣдко...
Разъ-другой поцаловала —
И, гляди, ужь убѣжала!

А старуха-Горе дружно
Приласкаетъ, приголубитъ:
Торопиться ей не нужно —
Посидѣть съ работой любитъ.

II.

ОГЛЯДКА НА ПРОШЛОЕ.

Благоуханій кухни дольной
Понюхалъ вволю я, друзья!
Земная жизнь была привольной,
Блаженной жизнью для меня.

Я кофе пилъ и ѣлъ пастеты,
Прекрасной куколкой игралъ,
Носилъ атласные жилеты,
Въ тончайшемъ фракѣ щеголялъ;
Въ карманахъ брякали червонцы...
А что́ за конь! а что́ за домъ!
Я жилъ безпечнымъ богачомъ...
Подъ золотою лаской солнца
Въ Долинѣ Счастья я лежалъ.
Вѣнокъ лавровый обвивалъ
Мое чело; благоухая,
Онъ погружалъ въ отрадный сонъ,
И въ область розъ, въ отчизну мая
Тѣмъ сномъ я былъ переселенъ.
Всѣ чувства сладостно дремали...
Блаженъ, безъ думъ и безъ заботъ,
Я млѣлъ... и сами мнѣ влетали
Бекасы жареные въ ротъ.
Порой какой-то чудный геній
Уста шампанскимъ мнѣ кропилъ...
То были грезы, рой видѣній!
Они исчезли. Старъ и хилъ,
Лежу теперь въ травѣ росистой.
Какъ я озябъ! какъ воздухъ мглистой
Мнѣ давитъ грудь!.. Не встану я:
Недугъ убилъ во мнѣ всѣ силы,
И, чуя близкій зовъ могилы,
Устыжена душа моя...

За радости — за мигъ ихъ каждой —
Досадой горькой я платилъ;
Томясь и голодомъ и жаждой,
Я ѣлъ полынь и уксусъ пилъ;
Мой день заботы отравляли
Пустой и мелкой суетой,
И комары всю ночь жужжали
Надъ горемычной головой.
Мнѣ поневолѣ приходилось
И лгать, и деньги занимать,
И чуть ли даже не случилось
Съ сумою по міру сбирать.
Теперь усталъ я отъ тревоги,
Усталъ отъ бѣдъ и отъ скорбей,
И, протянувъ въ могилѣ ноги,
Желалъ бы выспаться скорѣй...
Прощайте! Тамъ, за гробомъ, братья
Я васъ приму въ свои объятья!

III.

ВЪ МАѢ.

Кого я любилъ и кого целовалъ,
Отъ тѣхъ я и худшее зло испыталъ.
Разбито сердце! А небо блещетъ;
Все вешнею нѣгой горитъ и трепещетъ.

Цвѣтетъ весна. Опушились лѣса;
Въ нихъ весело птичьи звенятъ голоса,
И запахъ цвѣтовъ раздражительно-сладокъ...
О, міръ прекрасный! какъ ты мнѣ гадокъ!

Милѣй бы мнѣ Орка подземная мгла:
Тамъ рѣзкихъ контрастовъ душа бъ не нашла!
Сноснѣй для сердецъ, неусыпно болящихъ,
У темныхъ водъ Стикса, немолчно журчащихъ.

Ихъ вѣчный ропотъ межь черныхъ плитъ,
И мерзостный крикъ стимфалидъ,
И фурій пронзительно-дикое пѣнье,
И Цербера лай въ отдаленьѣ —

Все кстати пришлось бы тамъ скорби моей!
Въ унылой юдоли, средь царства тѣней,
Въ проклятыхъ владѣньяхъ твоихъ, Перифона,
Все создано только для вопля и стона.

А здѣсь — о ужасъ! — здѣсь все: небеса,
И солнце, и розы — язвятъ мнѣ глаза,
И май надо-мной насмѣхается ясный...
О, какъ ты гадокъ мнѣ, міръ прекрасный!

———

VI.

УМИРАЮЩІЕ.

Солнца, счастья шелъ искать...
Нагъ и плохъ вернулся вспять.
И бѣлье, и упованья
Истаскалъ въ своемъ скитаньѣ.

Скуденъ силой, худъ лицомъ...
Но — утѣшься! близко домъ.
Какъ у матери любимой,
Сладко спать въ землѣ родимой.

А иной въ пути сталъ хромъ —
Не вернется въ отчій домъ.
Плачетъ въ горѣ безутѣшномъ...
Боже! смилуйся надъ грѣшнымъ!

V.

СКОРБЬ ВАВИЛОНСКАЯ.

Смерть меня кличетъ, моя дорогая!
О! для чего, умирая —
О! для чего, умирая любя,
Я не въ лѣсу покидаю тебя?...
Въ темномъ лѣсу, гдѣ погибель таится,
Неотразимо-грозна,
Волкъ завываетъ, коршунъ гнѣздится,

Съ бѣшенымъ хрюканьемъ бродитъ веприца,
Бураго вепря жена.

Смерть меня кличетъ... О горе!
Лучше бы въ утломъ челнѣ
Бросилъ средь бурнаго моря
Я существо, драгоцѣнное мнѣ!...
Яростно воетъ и волны вздымаетъ
Тамъ ураганъ;
Будитъ на днѣ и наверхъ высылаетъ
Страшныхъ чудовищъ своихъ океанъ;
Все тамъ грозитъ неминучей напастью:
Мчится акула съ разинутой пастью,
Вынырнулъ жадный кайманъ.

Вѣрь мнѣ, о другъ мой прекрасной
Какъ ни опасно
Въ морѣ сердитомъ, во мракѣ лѣсномъ,
Вдвое опаснѣе — гдѣ мы живемъ.
Вѣрь мнѣ: ужаснѣе волка, веприцы,
Злѣе акулъ и всѣхъ чудищъ морскихъ
Звѣри Парижа, всемірной столицы,
Въ играхъ и пѣсняхъ, и пляскахъ своихъ.
Замерло сердце, и разумъ мутится...
Вкругъ сироты моей, дурью объятъ,
Этотъ блестящій Парижъ суетится,
Дьяволамъ — рай, ангеламъ — адъ!

Что такъ жужжитъ вкругъ постели?
Черныя мухи — озлобленный рой...
Боже! откуда онѣ налетѣли!
Свѣтъ застилая, кишатъ предо мной...
Нá носъ и нá лобъ садятся — кусаютъ...
Точно людскіе, глаза у иныхъ...
Эта вонъ съ хоботомъ... Страшно мнѣ ихъ!
Прочь! отвяжитесь!... Еще налетаютъ...
Словно свинцомъ придавило мнѣ грудь...
Жить ужь не много...
Стукъ въ головѣ — и возня — и тревога:
Знать мой разсудокъ сбирается въ путь!

СѢВЕРНОЕ МОРЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

КОРОНОВАНІЕ.

Пѣсни, вы, добрыя пѣсни мои!
Вставайте! надѣньте доспѣхи!
Трубите въ трубы,
И на щитѣ поднимите
Мою красавицу!
Отнынѣ всевластной царицей
Въ сердцѣ моемъ она будетъ
Царить и править.

Слава тебѣ, молодая царица!

Отъ солнца далекаго я оторву
Клочокъ лучезарнаго,
Багрянаго золота,
И сотку изъ него
Вѣнецъ на чело твое царское;
Отъ тонкой лазурной
Шелковой ткани небеснаго полога,
Осыпанной яркими
Алмазами ночи,

Отрѣжу кусокъ драгоцѣнный,
И имъ, какъ царской порфирой,
Одѣну твой царственный станъ.
Я дамъ тебѣ свиту
Изъ щепетильно-нарядныхъ сонетовъ,
Терцинъ горделивыхъ и вѣжливыхъ стансовъ;
У тебя скороходами будутъ
Мои остроты,
Придворнымъ шутомъ —
Моя фантазія,
Герольдомъ, съ смѣющейся слезкой въ щитѣ —
Мой юморъ;
А самъ я, царица,
Самъ я колѣни склоню предъ тобой
И, присягая тебѣ, поднесу
На бархатной алой подушкѣ
Ту малую долю разсудка,
Что мнѣ изъ жалости
Оставила прежняя
Царица моя.

II.

СУМЕРКИ.

На блѣдномъ морскомъ берегу
Сидѣлъ одинокъ я и грустно-задумчивъ.
Все глубже спускалось солнце, бросая

Багровый свой свѣтъ полосами
По водной равнинѣ,
И бѣглыя, дальнія волны,
Приливомъ гонимыя,
Шумно и пѣнясь бѣжали
Къ берегу ближе и ближе.
Въ чудномъ ихъ шумѣ
Слышался шопотъ и свистъ,
Смѣхъ и роптанье,
Вздохи и радостный гулъ, и порой
Тихо-завѣтное,
Будто надъ дѣтскою люлькою, пѣнье...
И мнѣ казалось,
Слышу я голосъ забытыхъ преданій,
Слышу старинныя чудныя сказки —
Тѣ, что когда-то ребенкомъ
Слыхалъ отъ сосѣднихъ дѣтей,
Какъ всѣ мы, бывало,
Вечеромъ лѣтнимъ тѣснимся
Послушать тихихъ разсказовъ
На ступенькахъ крыльца,
И чутко въ насъ бьется
Дѣтское сердце,
И съ любопытствомъ глядятъ
Умные дѣтскіе глазки;
А взрослыя дѣвушки
Изъ-за душистыхъ цвѣточныхъ кустовъ
Глядятъ черезъ улицу въ окна...

На розовыхъ лицахъ улыбка —
И мѣсяцъ ихъ облилъ сіяньемъ.

III.

ЗАКАТЪ СОЛНЦА.

Огненно красное солнце уходитъ
Въ далеко волнами шумящее,
Серебромъ окаймленное море;
Воздушныя тучки, прозрачны и алы,
Несутся за нимъ; а напротивъ,
Изъ хмурныхъ осеннихъ облачныхъ грудъ
Грустнымъ и мертвенно-блѣднымъ лицомъ
Смотритъ луна; а за нею,
Словно мелкія искры,
Въ дали туманной
Мерцаютъ звѣзды.

Нѣкогда въ небѣ сіяли,
Въ брачномъ союзѣ,
Луна богиня и Солнце богъ;
А вкругъ ихъ роились звѣзды,
Невинныя дѣти-малютки.

Но злымъ языкомъ клевета зашипѣла,
И раздѣлилась враждебно
Въ небѣ чета лучезарная.

И нынче днемъ въ одинокомъ величіи
Ходитъ пó небу солнце,
За гордый свой блескъ
Много молимое, много воспѣтое
Гордыми, счастьемъ богатыми смертными.
А ночью
По небу бродитъ луна,
Бѣдная мать,
Со своими сиротками звѣздами,
Нѣма и печальна...
И дѣвушки любящимъ сердцемъ
И кроткой душою поэты
Ее встрѣчаютъ,
И ей посвящаютъ
Слезы и пѣсни.

Женскимъ незлобивымъ сердцемъ
Все еще любитъ луна
Красавца-мужа,
И подъ-вечеръ часто,
Дрожащая, блѣдная,
Глядитъ потихоньку изъ тучекъ прозрачныхъ
И скорбнымъ взглядомъ своимъ провожаетъ
Уходящее солнце,
И, кажется, хочетъ
Крикнуть ему: „Погоди!
Дѣти зовутъ тебя!“
Но упрямое солнце,

При видѣ богини,
Вспыхнетъ багровымъ румянцемъ
Скорби и гнѣва,
И безпощадно уйдетъ на свое одинокое,
Влажно-холодное ложе.

Такъ-то шипящая злоба
Скорбь и погибель вселила
Даже средь вѣчныхъ боговъ,
И бѣдные боги
Грустно проходятъ по нéбу
Свой путь безутѣшный
И безконечный,
И смерти имъ нѣтъ, и влачатъ они вѣчно
Свое лучезарное горе.

Такъ мнѣ ль — человѣку,
Низко поставленному,
Смертью одаренному —
Мнѣ ли роптать на судьбу?

IV.

НОЧЬ НА БЕРЕГУ.

Ночь холодна и беззвѣздна;
Море кипитъ, и надъ моремъ,

Нá брюхѣ лежа,
Неуклюжій сѣверный вѣтеръ
Таинственнымъ,
Прерывисто-хриплымъ
Голосомъ съ моремъ болтаетъ,
Словно брюзгливый старикъ,
Вдругъ разгулявшійся въ тѣсной бесѣдѣ...
Много у вѣтра разсказовъ —
Много безумныхъ исторій,
Сказокъ богатырскихъ, смѣшныхъ до уморы,
Норвежскихъ сагъ стародавнихъ...
Порой средь разсказа,
Далеко мракъ оглашая,
Онъ вдругъ захохочетъ,
Или начнетъ завывать
Заклятья изъ Эдды и руны,
Темно-упорныя, чаро-могучія...
И мóря бѣлыя чада тогда
Высоко скачутъ изъ волнъ и ликуютъ,
Хмѣльны разгуломъ.

Межь-тѣмъ по волной-омоченнымъ рескамъ
Плоскаго берега
Проходитъ путникъ,
И сердце кипитъ въ немъ мятежнѣй
И волнъ и вѣтра.
Куда онъ ни ступитъ,
Сыплятся искры, трещатъ

Пестрыхъ раковинъ кучки...
И сѣрымъ плащемъ своимъ кутаясь,
Идетъ онъ быстро
Средь грозной ночи.
Издали манитъ его огонекъ,
Кротко, привѣтно мерцая
Въ одинокой хатѣ рыбачьей.

На морѣ братъ и отецъ,
И одиа-одинёшенька въ хатѣ
Осталась дочь рыбака —
Чудно-прекрасная дочь рыбака.
Сидитъ передъ печью она, и внимаетъ
Сладостно-вѣщему,
Завѣтному пѣнью
Въ котлѣ кипящей воды,
И въ пламя бросаетъ
Трескучій хворостъ,
И дуетъ на пламя...
И въ трепетно-красномъ сіяньѣ
Волшебно-прекрасны
Цвѣтущее личико
И нѣжное бѣлое плечико,
Такъ робко глядящее
Изъ-подъ грубой сѣрой сорочки,
И хлопотливая ручка-малютка...
Ручкой она поправляетъ

Пеструю юбочку
На стройныхъ бёдрахъ.

Но вдругъ распахнулась дверь,
И въ хижину входитъ
Ночной скиталецъ.
Съ любовью онъ смотритъ
На бѣлую, стройную дѣвушку,
И дѣвушка трепетно-робко
Стоитъ передъ нимъ — какъ лилея,
Отъ вѣтра дрожащая.
Онъ на земь бросаетъ свой плащъ,
А самъ смѣется
И говоритъ:

„Видишь, дитя, какъ я слово держу!
Вотъ и пришелъ, и со мною пришло
Старое время, какъ боги небесные
Сходили къ дщерямъ людскимъ,
И дщерей людскихъ обнимали,
И съ ними раждали
Скипетроносныхъ царей и героевъ,
Землю дивившихъ.
Впрочемъ, дитя, моему божеству
Не изумляйся ты много!
Сдѣлай-ка лучше мнѣ чаю — да съ ромомъ!
Ночь холодна; а въ такую погоду
Зябнемъ и мы,

Вѣчные боги — и ходимъ потомъ
Съ наибожественнымъ насморкомъ
И съ кашлемъ безсмертнымъ!“

V.

ПОССЕЙДОНЪ.

Солнце играло лучами
Надъ вѣчно-зыблемымъ моремъ;
Вдали на рейдѣ
Блестѣлъ корабль, на которомъ
Домой я ѣхать собрался.
Да не было вѣтра попутнаго —
И я еще мирно сидѣлъ
На бѣлой отмели
Пустыннаго берега,
И пѣснь Одиссея читалъ —
Старую, вѣчно-юную пѣснь...
И со страницъ ея, моремъ шумящихъ,
Радостно вѣяло мнѣ
Дыханьемъ боговъ,
И свѣтозарной весной человѣка,
И небомъ Эллады цвѣтущимъ.

Благородное сердце мое
Всюду вѣрно слѣдило
За сыномъ Лаэрта въ скорбяхъ и скитаньяхъ:

Садилось, печальное, съ нимъ
За радушный очагъ,
Гдѣ царицы пурпуръ прядутъ;
И лгать, и бѣжать ему помогало
Изъ объятій нимфъ, изъ пещеръ исполиновъ;
И въ киммерійскую ночь
Его провожало;
Было съ нимъ въ бурю — въ крушенье,
И несказанное
Терпѣло горе.

Я вздохнулъ и сказалъ:
„Злой Поссейдонъ!
Гнѣвъ твой ужасенъ,
И самъ я боюсь не вернуться на родину.“

Лишь только я молвилъ,
Запѣнилось море,
И изъ бѣлыхъ волнъ поднялась
Осокóю вѣнчанная
Глава владыки морей,
И онъ воскликнулъ съ насмѣшкой:

„Не бойся, поэтикъ!
Повѣрь, я не трону твой бѣдный корабликъ,
И жизнь твою драгоцѣнную
Не стану смущать опасною качкой.
Вѣдь ты, поэтикъ,

Меня никогда не гнѣвилъ; ни единой
Башенки ты не разрушилъ въ священномъ
Градѣ Пріама;
Ни волоска не спалилъ ты въ рѣсницѣ
Моего Полифема,
И никогда не давала
Мудрыхъ совѣтовъ тебѣ
Богиня ума, Паллада Аѳина."

Молвилъ — и снова
Въ море нырнулъ Поссейдонъ...
И надъ грубою шуткой
Моряка подъ водой засмѣялись
Амфитрита, нелѣпая женщина-рыба,
И глупыя дочки Нерея.

VI.

ПРИЗНАНІЕ.

Тихо съ сумракомъ вечеръ подкрался;
Грознѣй бушевало море...
А я сидѣлъ на прибережьѣ, глядя
На бѣлую пляску валовъ,
И сердце мнѣ страстной тоской охватило —
Глубокой тоской по тебѣ,
Прекрасный образъ,
Всюду мнѣ предстающій,

Всюду зовущій меня,
Всюду — всюду —
Въ шумѣ вѣтра и въ рокотѣ моря
И въ собственныхъ вздохахъ моихъ.

Легкою тростью я написалъ на пескѣ:
„Агнеса!
Я люблю тебя!“
Но злыя волны плеснули
На нѣжное слово любви —
И слово то стерли и смыли.

Ломкій тростникъ,
Зыбкій песокъ и текучія волны!
Вамъ я больше не вѣрю!
Темнѣетъ небо — и сердце мятежнѣй во мнѣ...
Мощной рукою въ норвежскихъ лѣсахъ
Съ корнемъ я вырву
Самую гордую ель, и ее обмокну
Въ раскаленное Этны жерло,
И этимъ огнемъ-напоеннымъ
Исполинскимъ перомъ напишу
На темномъ сводѣ небесномъ:
„Агнеса!
Я люблю тебя!“

И каждую ночь будутъ въ небѣ
Неугасимо горѣть письмена золотыя,

И всѣ поколѣнія внуковъ и правнуковъ
Будутъ ликуя читать
Слова небесныя:
„Агнеса!
Я люблю тебя!“

VII.

НОЧЬЮ ВЪ КАЮТѢ.

Свои у моря перлы,
Свои у неба звѣзды.
Сердце, сердце мое!
Своя любовь у тебя.

Велики море и небо:
Но сердце мое необъятнѣй...
И краше перловъ и звѣздъ
Сіяетъ и свѣтитъ любовь моя.

Прекрасное дитя!
Прійди ко мнѣ на сердце!
И море и небо и сердце мое
Томятся жаждой любви.

Къ голубой небесной ткани,
Гдѣ такъ чудно блещутъ звѣзды,
Я прижался бы устами
Крѣпко, страстно — бурно плача.

Очи милой — эти звѣзды.
Переливно тамъ играя,
Шлютъ онѣ привѣтъ мнѣ нѣжный
Съ голубой небесной ткани.

Къ голубой небесной ткани,
Къ вамъ, родныя очи милой,
Простираю страстно руки,
И прошу и умоляю:

Звѣзды-очи! кроткимъ миромъ
Осѣните вы мнѣ душу!
Пусть умру — и буду въ небѣ,
Въ вашемъ небѣ, вмѣстѣ съ вами!

Изъ очей небесныхъ льются
Въ сумракъ трепетныя искры,
И душа моя все дальше,
Дальше рвется въ страстной скорби.

Очи неба! ваши слезы
Лейте мнѣ въ больную душу!
Пусть душа моя слезами,
Переполнясь, захлебнется!

Убаюканный волнами,
Будто въ думахъ, будто въ грезахъ,

Тихо я лежу въ каютѣ,
Въ уголкѣ, на темной койкѣ.

Въ люкъ мнѣ видны небо, звѣзды...
Звѣзды ясны и прекрасны...
Это — радостныя очи
Дорогой, родной и милой.

Эти радостныя очи
Не дремля слѣдятъ за мною
Кроткимъ свѣтомъ и привѣтомъ
Съ голубой, небесной выси.

И гляжу я ненаглядно,
Страстно въ небо голубое...
Только бъ васъ, родныя очи,
Не подернуло туманомъ!

Въ досчатую стѣну,
Куда я лежу головой,
Грезами полной,
Стучатся волны — буйныя волны.
Онѣ шумятъ и бормочатъ
Мнѣ подъ самое ухо: „Безумный!
Рука у тебя коротка,
А небо далеко,

И звѣзды тамъ крѣпко
Золотыми гвоздями прибиты.
Напрасно тоскуешь, напрасно вздыхаешь . . .
Уснулъ бы . . . право, умнѣй!“

Мнѣ снился тихій долъ въ краю безлюдномъ;
Какъ саванъ, бѣлый снѣгъ на немъ лежалъ.
Подъ бѣлымъ снѣгомъ я въ могилѣ спалъ
Сномъ одинокимъ, мертвымъ, безпробуднымъ.

Но теплились, средь ночи голубой,
Родныя звѣзды надъ моей могилой.
Ихъ взоръ горѣлъ побѣдоносной силой,
Любовью безмятежной и святой.

VIII.

БУРЯ.

Ярится буря
И хлещетъ волны,
И волны, въ пѣнѣ и гнѣвной тревогѣ,
Громоздятся высоко,
Словно зыбкія, бѣлыя горы,
И корабликъ на нихъ
Взбирается съ тяжкимъ трудомъ,
И вдругъ свергается
Въ черный, широко-разинутый зѣвъ
Водной пучины.

О море!
Мать красоты, изъ пѣны рожденной!
Праматерь любви! пощади меня!
Ужь чуетъ трупъ и порхаетъ надъ нами
Бѣлымъ призракомъ чайка,
И точитъ о мачту свой клювъ,
И, жадная, алчетъ сердца,
Чтó звучитъ хвалою
Дщери твоей,
Чтó взято въ игрушки плутишкою внукомъ твоимъ.

Мои моленья напрасны!
Глохнетъ мой голосъ въ грохотѣ бури,
Въ дикомъ шумѣ вѣтровъ.
Чтó за гамъ и за свистъ! что за ревъ и за вой!
Словно все море —
Домъ сумасшедшихъ звуковъ.
Но межь звуками тѣми
Мнѣ слышится внятно
Чудное арфы бряцанье,
Страстное, душу влекущее пѣнье —
Душу влекущее, душу зовущее...
И узнаю я тотъ голосъ.

Далеко, на темныхъ утесахъ
Шотландскаго берега,
Гдѣ лѣпится сѣрымъ гнѣздомъ
Замокъ надъ гнѣвно-бьющимся моремъ —

Тамъ, подъ стрѣльчатымъ окномъ,
Стоитъ прекрасная,
Больная женщина,
Нѣжно-прозрачная, мраморно-блѣдная,
И поетъ и на арфѣ играетъ,
А вѣтеръ взвѣваетъ ей длинныя кудри,
И темную пѣсню ея
Несетъ по широкому, бурному морю.

IX.

МОРСКАЯ ТИШЬ.

Тишь и солнце! Свѣтъ горячій
Обнялъ водныя равнины,
И корабль златую влагу
Рѣжетъ слѣдомъ изумруднымъ.

У руля лежитъ на брюхѣ
И храпитъ усталый боцманъ;
Парусъ штопая, у мачты
Пріютился грязный юнга.

Щеки пышутъ изъ-подъ грязи;
Ротъ широкій, какъ отъ боли,
Стиснутъ; кажется, слезами
Брызнутъ вдругъ глаза большіе.

Капитанъ его ругаетъ,
Страшно топая ногами...
„Какъ ты смѣлъ — скажи, каналья!
Какъ ты смѣлъ стянуть селедку?"

Тишь и гладь! Со дна всплываетъ
Рыбка-умница; на солнцѣ
Грѣетъ яркую головку,
И играетъ рѣзвымъ плесомъ.

Но стрѣлой изъ поднебесья
Чайка падаетъ на рыбку —
И съ добычей въ жадномъ клювѣ
Снова въ небѣ исчезаетъ.

X.

МОРСКОЙ ПРИЗРАКЪ.

А я лежалъ на краю корабля и смотрѣлъ
Дремотнымъ окомъ
Въ зеркально-прозрачную воду,
Все глубже и глубже
Взглядомъ въ нее проникая...
И вотъ въ глубинѣ, на самомъ днѣ моря,
Сначала какъ будто въ туманѣ,
Потомъ все яснѣй и яснѣй,
Показались церковныя главы и башни,
И наконецъ, весь въ сіяніи солнца,

Цѣлый городъ,
Старобытно-фламандскій,
Съ живою толпою народной.
Важные граждане въ черныхъ плащахъ,
Въ бѣлыхъ фрезахъ, въ почетныхъ цѣпяхъ,
Съ длинными шпагами, съ длинными лицами,
Проходятъ по рыночной площади,
Народомъ кипящей,
Къ ратушѣ
Съ высокимъ крыльцомъ,
Гдѣ каменной стражей
Стоятъ императоровъ статуи
Съ мечами и скиптрами.
Неподалеку, вдовь длиннаго ряда домовъ,
Гдѣ окна такъ ярко блестятъ,
Гдѣ пирамидами липы подстрижены,
Гуляютъ, шелкомъ платьевъ шумя,
Стройныя дѣвушки,
И ихъ цвѣтущія лица
Скромно глядятъ изъ-подъ шапочекъ черныхъ
И изъ-подъ золота пышныхъ волосъ.
Мимо гордо проходятъ,
Имъ головою кивая,
Пестрые франты въ испанскомъ нарядѣ.
Старыя женщины въ желтыхъ
Полинявшихъ платьяхъ,
Со святцами, съ четками,
Мелкими идутъ шажками къ собору...

Ужь съ башенъ благовѣстъ льется,
А въ церкви органъ загудѣлъ.

И меня самогó эти дальніе звуки
Охватили таинственнымъ трепетомъ...
Безконечная, страстная грусть
И глубокая скорбь
Тихо крадутся въ сердце ко мнѣ —
Едва исцѣленное сердце...
И кажется, будто сердечныя раны мои
Уста любимыя
Лобзаньями вновь открываютъ,
И снова кровь изъ нихъ льется
Горячими, красными каплями,
И капли тѣ падаютъ тихо,
Тихо, одна за другой,
На старый домъ, въ томъ глубокомъ,
Подводномъ городѣ,
На старый, съ высокою кровлею домъ,
Унылый, пустой и безлюдный...
Только внизу, подъ окномъ,
Сидитъ, пригорюнясь, тамъ дѣвушка —
Словно бѣдный, забытый ребенокъ...
И я знаю тебя, мое бѣдное
Дитя позабытое!

Такъ вотъ куда,
Въ какую глубокую глубь

Отъ меня ты скрылась
Изъ дѣтской прихоти,
И выйти ужь больше на свѣтъ не могла,
И сидѣла одна, какъ чужая,
Средь чуждыхъ людей,
Межь-тѣмъ какъ, скорбный душою,
По цѣлой землѣ я искалъ тебя —
Все только искалъ тебя,
Вѣчно-любимая,
Давно-утраченная,
Наконецъ-обрѣтенная!
Да, я нашелъ тебя — и опять
Вижу прекрасное
Лицо твое, вижу глаза,
Умные, преданно-добрые,
Милую вижу улыбку...
И ужь теперь не разстанусь съ тобой,
И къ тебѣ низойду,
И, раскрывши объятья,
Припаду на сéрдце къ тебѣ!

Но во-время тутъ капитанъ
Схватилъ меня за ногу,
И дальше отъ края меня оттащилъ,
И молвилъ, сердито смѣясь:
„Въ умѣ ли вы, докторъ!“

XI.

ОЧИЩЕНІЕ.

Останься въ морской глубинѣ ты,
Безумная греза,
Ты, нѣкогда много ночей
Мнѣ сердце лживымъ счастьемъ терзавшая,
А нынѣ, призракомъ въ лонѣ морскомъ,
Мнѣ и средь бѣлаго дня угрожающая!
Останься ты въ безднѣ на вѣчные вѣки!
И я заодно къ тебѣ сброшу
Всѣ мои скорби и всѣ прегрѣшенія,
И шапку безумства, звенѣвшую
Такъ долго надъ жалкой моей головой,
И гладко-холодную
Змѣиную кожу
Лицемѣрія,
Что долго такъ душу мою обвивала —
Душу больную,
Бога отвергшую, небо отвергшую,
Окаянную душу!
Ой-гой! Вѣтеръ крѣпнетъ!
Вверхъ паруса!... Заплескали они и надулись...
Вдоль по погибельно-тихой равнинѣ
Несется корабль —
И ликуетъ душа на свободѣ!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

УТРЕННІЙ ПРИВѢТЪ.

Ѳалатта! Ѳалатта!
Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
Привѣтъ тебѣ десять тысячъ разъ,
Отъ ликующаго сердца —
Такой, какъ нѣкогда слышало ты
Отъ десяти тысячъ
Сердецъ греческихъ,
Съ бѣдами боровшихся,
По отчизнѣ томившихся,
Всемірно-славныхъ сердецъ!

Вставали волны —
Вставали, шумѣли,
И солнце ихъ обливало
Игривымъ, румянымъ свѣтомъ.
Стаи вспугнутыхъ чаекъ
Прочь отлетали съ громкими криками;
Били копытами кони; гремѣли щиты —
И разносилось далече кличемъ побѣднымъ:
Ѳалатта! Ѳалатта!

Привѣтъ тебѣ, вѣчное море!
Роднымъ языкомъ мнѣ шумятъ твои воды;

Грезы дѣтства встаютъ предо мной
Надъ твоимъ зыбучимъ просторомъ,
И сызнова мнѣ повторяетъ
Старая память былые разсказы
О всѣхъ дорогихъ и милыхъ игрушкахъ,
О святочныхъ, пышныхъ подаркахъ,
О красныхъ деревьяхъ коралловыхъ,
О злато-чешуйчатыхъ рыбкахъ,
О жемчугѣ желтомъ, о грудахъ
Раковинъ пестрыхъ,
Что ты бережливо таишь
Въ своемъ прозрачномъ,
Хрустальномъ домѣ.

О! какъ я въ чужбинѣ томился!
Словно увядшій цвѣтокъ
Въ жестянкѣ ботаника,
Лежало въ груди моей сердце.
Мнѣ кажется,
Будто я цѣлую, долгую зиму больной
Былъ запертъ въ темномъ, больничномъ покоѣ,
И вдругъ нежданно его покинулъ —
И мнѣ ослѣпительно блещетъ на встрѣчу
Весна изумрудная,
Солнцемъ пробужденная,
И молодые цвѣты
Глядятъ на меня
Душистыми, пестрыми глазками,

И все благовоніемъ дышитъ,
И все гудитъ и живетъ и смѣется,
И въ небѣ лазурномъ
Распѣваютъ птицы...
Θалатта! Θалатта!

О, храброе — и въ отступленіи храброе сердце!
Какъ часто, какъ горестно-часто
Тебя тѣснили
Варварки сѣвера;
Сыпали жгучія стрѣлы въ тебя
Изъ большихъ, побѣдительныхъ глазъ;
Грозили мнѣ грудь раскроить
Кривыми мечами словъ;
Гвоздеобразными письмами
Бѣдный мой, оглушенный
Мозгъ разбивали...
Напрасно я крылся щитомъ;
Стрѣлы свистали, и падалъ ударъ за ударомъ...
И вотъ оттѣснили меня
Варварки сѣвера къ самому морю,
И, полною грудью дыша,
Я море привѣтствую —
Спасительно-чудное море...
Θалатта! Θалатта!

II.

ГРОЗА.

Тяжко нависла надъ моремъ гроза,
И черную стѣну тучъ
Зубчатымъ лучемъ прорѣзаетъ
Молнія, быстро свѣтя и быстро
Исчезая, какъ бѣглая мысль
На челѣ Кроніона.
Далече по бурно-пустыннымъ водамъ
Грохочетъ громъ,
И скачутъ бѣлые кони-валы,
Самимъ Бореемъ рожденные
Отъ чудныхъ кобылицъ Эрихтона,
И въ жалкомъ испугѣ порхаетъ
Морская птица,
Какъ тѣнь у водъ Стикса,
Харономъ оттолкнутая
Отъ барки его полуночной.

Бѣдный, рѣзвый корабликъ!
Пришлось пуститься ему
Въ опасную пляску!
Эолъ ему выслалъ
Самыхъ искусныхъ своихъ музыкантовъ:
Пусть поиграютъ погромче, а онъ веселѣе попляшетъ!
Одинъ громко свищетъ, другой трубитъ,
А третій водитъ по струнамъ
Глухаго баса...

И корабельщикъ
Едва стоитъ на ногахъ у руля;
И смотритъ, глазъ не сводя, на компасъ,
Дрожащую душу кораблика,
И руки съ мольбой къ небесамъ простираетъ...
„Спаси насъ, Касторъ, воинственный всадникъ,
И ты, кулачный боецъ Полидевкъ!“

III.

КРУШЕНІЕ.

Любовь и надежда! все погибло!
И самъ я, какъ трупъ —
Выброшенъ моремъ сердитымъ —
Лежу на пустынномъ,
Уныломъ берегѣ.
Передо мной водяная пустыня колышется;
За мною лишь горе и бѣдствіе;
А надо мною плывутъ облака,
Безлично-сѣрыя дочери воздуха,
Что черпаютъ воду изъ моря
Туманными ведрами,
И тащатъ и тащатъ ее черезъ-силу,
И снова въ море ее проливаютъ...
Трудъ печальный и скучный —
И безполезный, какъ жизнь моя.

Волны рокочутъ; чайки кричатъ...
Воспоминанья старинныя вѣютъ мнѣ нá душу...

Забытыя грезы, потухшіе образы,
Мучительно-сладкіе, вновь возникаютъ.

Живетъ на сѣверѣ женщина,
Прекрасная, царственно-пышная...
Станъ ея, стройный какъ пальма,
Страстно охваченъ бѣлой одеждой;
Темныя, пышныя кудри,
Словно блаженная ночь,
Съ увѣнчанной косами
Головы разливаясь, волшебно змѣятся
Вкругъ чуднаго, блѣднаго лика;
И, величаво-могучи, горятъ ея очи,
Словно два черныя солнца.

О черныя солнцы! какъ часто —
Какъ часто восторженно я упивался изъ васъ
Дикимъ огнемъ вдохновенья,
И стоялъ, цѣпенѣя,
Полонъ пламеннымъ хмѣлемъ...
И тогда голубино-кроткой улыбкой
Вдругъ оживлялись гордыя губы,
И съ гордыхъ губъ
Сливалось слово
Нѣжнѣе луннаго свѣта,
Отраднѣе запаха розы,
И душа ликовала во мнѣ —
И къ небу орломъ возлетала.

Молчите вы, волны и чайки!
Все миновало! Любовь и надежда —
Надежда и счастье! Лежу я на берегѣ,
Одинокій, моремъ ограбленный,
И къ сырому песку
Горячимъ лицомъ припадаю.

IV.

НА ЗАКАТѢ.

Прекрасное солнце
Спокойно склонилось въ море;
Зыбкія волны окрасила
Темная ночь,
И только заря осыпаетъ ихъ
Золотыми лучами;
И шумная сила прилива
Бѣлыя волны тѣснитъ къ берегамъ,
И волны скачутъ въ поспѣшномъ весельѣ,
Какъ стада бѣлорунныхъ овецъ,
Что вечеромъ къ дому
Гонитъ пастухъ, распѣвая.

— Какъ солнце прекрасно!
Сказалъ мнѣ по долгомъ молчаньѣ мой другъ,
Со мною у моря бродившій...
И полу-грустно, полу-шутливо

Онъ сталъ увѣрять меня,
Будто солнце — прекрасная женщина,
Которой пришлось поневолѣ
Выйдти замужъ за стараго бога морей...
И днемъ она радостно по небу ходитъ
Въ пурпурной одеждѣ,
Блистая алмазами,
И всѣ ее любятъ, и всѣ ей дивятся —
Всѣ земныя созданья,
И всѣхъ созданій земныхъ утѣшаетъ
Свѣтъ и тепло ея взгляда;
А вечеромъ грустно-невольно
Она возвращается
Во влажный дворецъ, на холодную грудь
Сѣдаго мужа.

— Повѣрь мнѣ! прибавилъ мой другъ...
А самъ смѣялся,
Потомъ вздыхалъ — и снова смѣялся...
— Это одно изъ нѣжнѣйшихъ супружествъ!
Они или спятъ, иль бранятся —
Такъ бранятся, что море высоко вскипаетъ,
И въ шумѣ волнъ мореходы
Слышатъ, какъ старый жену осыпаетъ
Страшною бранью...
„Круглая ты потаскушка вселенной!
Лучеблудница!
Цѣлый ты день горяча для другихъ;

А ночью,
Для меня — холодна ты, устала!“
Послѣ такихъ увѣщаній постельныхъ, конечно,
Ударяется въ слезы
Гордое солнце и рокъ свой клянетъ —
Клянетъ такъ долго и горько,
Что богъ морской
Съ отчаянья прочь изъ постели кидается
И поскорѣе наверхъ выплываетъ —
Воздухомъ свѣжимъ дохнуть, освѣжиться.

— Я самъ его видѣлъ прошедшею ночью:
Пó поясъ вынырнулъ онъ изъ воды
Въ байковой желтой фуфайкѣ,
Въ бѣломъ, какъ снѣгъ, ночномъ колпакѣ,
Нависшемъ надъ старымъ
Истощеннымъ лицомъ.

V.

ПѢСНЬ ОКЕАНИДЪ.

Меркнетъ вечернее море,
И одинокъ, со своей одинокой душой,
Сидитъ человѣкъ на пустомъ берегу
И смотритъ холоднымъ,
Мертвеннымъ взоромъ
Ввысь, на далекое,
Холодное, мертвое небо,

И на широкое море,
Волнами шумящее.
И по широкому,
Волнами шумящему морю,
Вдаль, какъ пловцы воздушные,
Несутся вздохи его —
И къ нему возвращаются грустны;
Закрытымъ нашли они сердце,
Куда пристать хотѣли...
И громко онъ стонетъ, такъ громко,
Что бѣлыя чайки
Съ песчаныхъ гнѣздъ подымаются
И носятся съ крикомъ надъ нимъ...
И онъ говоритъ имъ, смѣясь:

„Черноногія птицы!
На бѣлыхъ крыльяхъ надъ моремъ вы носитесь;
Кривымъ своимъ клювомъ
Пьете воду морскую;
Жрете ворвань и мясо тюленье...
Горька ваша жизнь, какъ и пища!
А я, счастливецъ, вкушаю лишь сласти:
Питаюсь сладостнымъ запахомъ розы,
Соловьиной невѣсты,
Вскормленной мѣсячнымъ свѣтомъ;
Питаюсь еще сладчайшими
Пирожками съ битыми сливками;
Вкушаю и то, что слаще всего —

Сладкое счастье любви
И сладкое счастье взаимности!

„Она любитъ меня! она любитъ меня!
Прекрасная дѣва!
Теперь она дома, въ свѣтлицѣ своей, у окна,
И смотритъ въ вечерній сумракъ —
Вдаль, на большую дорогу,
И ждетъ, и тоскуетъ по мнѣ — ей Богу!
Но тщетно и ждетъ, и вздыхаетъ...
Вздыхая, идетъ она въ садъ,
Гуляетъ пó саду
Среди ароматовъ, въ сіяньѣ луны,
Съ цвѣтами ведетъ разговоръ,
И имъ говоритъ про меня:
Какъ я — ея милый — хорошъ,
Какъ милъ и любезенъ — ей Богу!
Потомъ и въ постели, во снѣ передъ нею,
Даря ее счастьемъ, мелькаетъ
Мой милый образъ;
И даже утромъ, за кофе, она
На бутербродѣ блестящемъ
Видитъ мой ликъ дорогой —
И страстно съѣдаетъ его — ей Богу!"

Такъ онъ хвастаетъ долго,
И порой раздается надъ нимъ,
Словно насмѣшливый хохотъ,

Крикъ порхающихъ чаекъ.
Вотъ наплываютъ ночные туманы;
Мѣсяцъ — желтый, какъ осенью листъ —
Грустно сквозь сизаго облака смотритъ...
Волны морскія встаютъ и шумятъ...
И изъ пучины шумящаго моря,
Грустно, какъ вѣтра осенняго стонъ,
Слышится пѣнье.
Океаниды поютъ,
Милосердыя, чудныя дѣвы морскія...
И слышнѣе другихъ голосовъ
Ласковый голосъ
Серебро-ногой супруги Пелея...
Океаниды уныло поютъ:

„Безумецъ! безумецъ! хвастливый безумецъ!
Скорбью истерзанный!
Убиты надежды твои,
Игривыя дѣти души,
И сердце твое, словно сердце Ніобы,
Окаменѣло отъ горя.
Сгущается мракъ у тебя въ головѣ,
И вьются средь этого мрака,
Какъ молніи, мысли безумныя!
И хвастаешь ты отъ страданья!
Безумецъ! безумецъ! хвастливый безумецъ!
Упрямъ ты, какъ древній твой предокъ,
Высокій титанъ, что похитилъ

Небесный огонь у боговъ,
И людямъ принесъ его,
И коршуномъ мучимый,
Къ утесу прикованный,
Олимпу грозилъ, и стоналъ, и ругался,
Такъ, что мы слышали голосъ его
Въ лонѣ глубокаго моря,
И съ утѣшительной пѣснью
Вышли изъ моря къ нему.
Безумецъ! безумецъ! хвастливый безумецъ!
Ты вѣдь безсильнѣй его,
И было бъ умнѣй для тебя
Влачить терпѣливо
Тяжелое бремя скорбей —
Влачить его долго, такъ долго,
Пока и Атласъ не утратитъ терпѣнья
И тяжкаго міра не сброситъ съ плеча
Въ ночь безъ разсвѣта!"

Долго такъ пѣли въ пучинѣ
Милосердыя, чудныя дѣвы морскія.
Но зашумѣли грознѣе валы,
Пѣніе ихъ заглушая;
Въ тучахъ спрятался мѣсяцъ; раскрыла
Черную пасть свою ночь...
Долго сидѣлъ я во мракѣ и плакалъ.

IV.

БОГИ ГРЕЦІИ.

Полный мѣсяцъ! въ твоемъ сіяньѣ,
Словно текучее золото,
Блещетъ море.
Кажется, будто волшебнымъ сліяньемъ
Дня съ полунóчною мглою одѣта
Равнина песчанаго берега.
А по ясно-лазурному,
Беззвѣздному небу
Бѣлой грядою плывутъ облака,
Словно боговъ колоссальные лики
Изъ блестящаго мрамора.

Не облака это! нѣтъ!
Это сами они —
Боги Эллады,
Нѣкогда радостно міромъ владѣвшіе,
А нынѣ въ изгнаньѣ и въ смертномъ томленьѣ,
Какъ призраки, грустно бродящіе
По небу полночному.
Благоговѣйно, какъ-будто объятый
Странными чарами, я созерцаю
Средь пантеона небеснаго
Безмолвно-торжественный,
Тихій ходъ исполиновъ воздушныхъ.
Вотъ Кроніонъ, надзвѣздный владыка!
Бѣлы, какъ снѣгъ, его кудри —

Олимпъ потрясавшія, чудныя кудри;
Въ десницѣ онъ держитъ погасшій перунъ;
Скорбь и невзгода
Видны въ лицѣ у него;
Но не исчезла и старая гордость.
Лучше было то время, о Зевсъ!
Когда небесно тебя услаждали
Нимфы и гекатомбы!
Но не вѣчно и боги царятъ:
Старыхъ тѣснятъ молодые и гонятъ,
Какъ нѣкогда самъ ты гналъ и тѣснилъ
Сѣдаго отца и титановъ,
Дядей своихъ, Юпитеръ-Паррицида!
Узнаю и тебя,
Гордая Юнона!
Не спаслась ты ревнивой тревогой,
И скипетръ достался другой,
И ты не царица ужь въ небѣ;
И неподвижны твои
Большія очи,
И немощны руки лилейныя,
И месть безсильна твоя
Къ богооплодотворенной дѣвѣ
И къ чудотворцу божію сыну.
Узнаю и тебя, Паллада Аѳина!
Эгидой своей и премудростью
Спасти не могла ты
Боговъ отъ погибели.

И тебя, и тебя узнаю, Афродита!
Древле златая! нынѣ серебряная!
Правда, все такъ же твой поясъ
Прелестью дивной тебя облекаетъ;
Но втайнѣ страшусь я твоей красоты,
И если-бъ меня осчастливить ты вздумала
Лаской своей благодатной,
Какъ прежде счастливила
Иныхъ героевъ — я-бъ умеръ отъ страха!
Богинею мертвыхъ мнѣ кажешься ты,
Венера-Либитина!
Не смотритъ ужь съ прежней любовью
Грозный Арей на тебя.
Печально глядитъ
Юноша Фебъ-Аполлонъ.
Молчитъ его лира,
Весельемъ звенѣвшая
За ясной трапезой боговъ.
Еще печальнѣе смотритъ
Гефестъ хромоногій!
И точно, ужь вѣкъ не смѣнять ему Гебы,
Не разливать хлопотливо
Сладостный нектаръ въ собраньѣ небесномъ.
Давно умолкъ
Немолчный смѣхъ олимпійскій.

Я никогда не любилъ васъ, боги!
Противны мнѣ греки,

И даже римляне мнѣ ненавистны.
Но состраданье святое и горькая жалость
Въ сердце ко мнѣ проникаютъ,
Когда васъ въ небѣ я вижу,
Забытые боги,
Мертвыя, ночью бродящія тѣни,
Туманныя, вѣтромъ гонимыя —
И только помыслю, какъ дрянны
Боги, васъ побѣдившіе,
Новые, властные, скучные боги,
То беретъ меня мрачная злоба...

. . . .

Старые боги! всегда вы, бывало,
Въ битвахъ людскихъ принимали
Сторону тѣхъ, кто одержитъ побѣду.
Великодушнѣе васъ человѣкъ,
И въ битвахъ боговъ я беру
Сторону вашу,
Побѣжденные боги!

Такъ говорилъ я,
И покраснѣли замѣтно
Блѣдные облачные лики,
И на меня посмотрѣли
Умирающимъ взоромъ,
Преображенные скорбью,
И вдругъ исчезли.

Мѣсяцъ скрылся
За темной, темною тучей;
Задвигалось море,
И просіяли побѣдно на небѣ
Вѣчныя звѣзды.

VII.

ВОПРОСЫ.

У моря, пустыннаго моря полночнаго
Юноша грустный стоитъ.
Въ груди тревога, сомнѣньемъ полна голова,
И мрачно волнамъ говоритъ онъ:

„О! разрѣшите мнѣ, волны,
Загадку жизни —
Древнюю, полную муки загадку!
Ужь много мудрило надъ нею головъ —
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ въ чалмахъ и черныхъ, съ перьями, шапкахъ,
Головъ въ парикахъ, и тысячи тысячъ другихъ
Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсильныхъ...
Скажите мнѣ волны, чтó есть человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ? куда пойдетъ?
И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ?“

Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ;
Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;

Блещутъ звѣзды безучастно-холодныя...
И ждетъ безумецъ отвѣта!

VIII.
ФЕНИКСЪ.

Летитъ съ запада птица —
Летитъ къ востоку,
Къ восточной отчизнѣ садовъ,
Гдѣ пряныя травы душисто растутъ
И пальмы шумятъ
И свѣжестью вѣютъ ручьи...
Чудная птица летитъ и поетъ:

„Она любитъ его! она любитъ его!
Образъ его у ней въ сердцѣ живетъ —
Въ маленькомъ сердцѣ,
Въ тайной, завѣтной его глубинѣ,
Самой ей невѣдомо.
Но во снѣ онъ стоитъ передъ нею...
И молитъ она, и плачетъ,
И руки цалуетъ ему,
И имя его произноситъ,
И съ именемъ тѣмъ на устахъ
Въ испугѣ вдругъ пробуждается,
И протираетъ себѣ въ изумленьѣ
Прекрасныя очи...
Она любитъ его! она любитъ его!“

На палубѣ, къ мачтѣ спиной прислонясь,
Стоялъ я и слушалъ пѣніе птицы.
Какъ черно-зеленые кони съ серебряной гривой,
Скакали бѣло-кудрявыя волны;
Какъ лебединыя стаи,
Мимо плыли,
Парусами блестя, суда гелголандцевъ,
Смѣлыхъ номадовъ полночнаго моря.
Надо мною, въ вѣчной лазури,
Порхали бѣлыя тучки
И вѣчное солнце горѣло,
Роза небесная, пламенно-цвѣтная,
Радостно въ морѣ собою любуясь...
И небо и море и сердце мое
Согласно звучали:
„Она любитъ его! она любитъ его!“

IX.

У ПРИСТАНИ.

Счастливъ, кто мирно въ пристань вступилъ,
И за собою оставилъ
Море и бури,
И тепло и спокойно
Въ уютномъ сидитъ погребкѣ
Въ городѣ Бременѣ.

Какъ пріятно и ясно
Въ рюмкѣ зеленой весь міръ отражается!
Какъ отрадно,
Солнечно грѣя, вливается
Микрокосмъ струистый
Въ жаждой-томимое сердце!
Все въ своей рюмкѣ я вижу:
Исторію древнихъ и новыхъ народовъ,
Турокъ и грековъ, Ганса и Гегеля,
Лимонныя рощи и вахт-парады,
Берлинъ и Шильду, Тунисъ и Гамбургъ...
А главное — образъ милой моей...
Херувимское личико
Въ золотистомъ сіяньѣ рейнвейна.

О милая! какъ ты прекрасна!
Какъ ты прекрасна! Ты — роза...
Только не роза ширасская,
Гафизомъ воспѣтая,
Соловью обрученная...
Не роза шаронская,
Священно-пурпурная,
Пророками славимая...
Не роза ты погребка
Въ городѣ Бременѣ... *)

---

*) Роза — одно изъ названій рейнвейна.

О! это роза изъ розъ!
Чѣмъ старше она, тѣмъ пышнѣе цвѣтетъ,
И я упоенъ
Ея ароматомъ небеснымъ —
Упоенъ — вдохновленъ — охмѣленъ...
И не схвати меня
За вихръ погребщикъ,
Я навѣрно подъ столъ бы свалился!

Славный малый! Мы вмѣстѣ сидѣли
И пили какъ братья.
Мы говорили о важныхъ, тайныхъ предметахъ,
Вздыхали и крѣпко другъ друга
Сжимали въ объятьяхъ,
И онъ обратилъ меня
На истинный путь... Я съ нимъ пилъ
За здравіе злѣйшихъ враговъ,
И всѣмъ плохимъ поэтамъ простилъ,
Какъ и мнѣ простится со временемъ...
Я въ умиленіи плакалъ, и вотъ наконецъ
Передо мною отверзлись
Врата спасенья...
. . . .
. . . .

Слава! слава! Какъ сладостно вѣютъ
Вокругъ меня пальмы веѳильскія!
Какъ благовонно дышатъ

Мирры хевронскія!
Какъ шумитъ священный потокъ
И кружится отъ радости!
И самъ я кружусь... и меня
Выводитъ скорѣе на воздухъ,
На бѣлый свѣтъ — освѣжиться —
Мой другъ погребщикъ, гражданинъ
Города Бремена.

Ахъ, мой другъ погребщикъ! погляди!
На кровляхъ домовъ все стоятъ
Малютки крылатые...
Пьяны они — и поютъ...
А тамъ — это яркое солнце —
Не красный ли съ пьяну то носъ...
. . . .
И около этого краснаго носа
Не съ пьяну-ль весь міръ кружится?

X.

ЭПИЛОГЪ.

Какъ на нивѣ колосья,
Растутъ и волнуются помыслы
Въ душѣ человѣка; но нѣжные
Любовные помыслы ярко
Цвѣтутъ между ними, какъ между колосьями
Цвѣты голубые и алые.

Цвѣты голубые и алые!
Жнецъ ворчливый на васъ и не взглянетъ,
Какъ на траву безполезную;
Нагло васъ цѣпъ деревянный раздавитъ...
Даже прохожій бездомный,
Вами любуясь и тѣшась,
Головой покачаетъ, и дастъ вамъ
Названье плевелъ прекрасныхъ
Но молодая крестьянка,
Вѣнокъ завивая,
Ласково васъ соберетъ и украситъ
Вами прекрасныя кудри,
И въ этомъ вѣнкѣ побѣжитъ къ хороводу,
Гдѣ такъ отрадно поютъ
Флейты и скрипки,
Или въ укромную рощу,
Гдѣ милаго голосъ звучитъ отраднѣй
И флейтъ и скрипокъ!

ЛЕНАУ.

—

ТРОЕ ЦЫГАНЪ.

Степью песчаной нашъ грузный рыдванъ
Еле тащился. Подъ ивой,
Рядомъ съ дорогою, трое цыганъ
Расположились лѣниво.

Въ огненныхъ краскахъ заката лежалъ
Старшій съ лубочною скрипкой;
Буйную пѣсню онъ дико игралъ
Съ ясной, безпечной улыбкой.

Трубкой дымилъ надъ собою другой,
Дымъ провожая глазами,
Счастливъ — какъ будто нѣтъ доли иной
Лучше, богаче дарами.

Третій, раскинувшись, сладко заснулъ;
Надъ головою висѣла
Лютня на ивѣ... По струнамъ шелъ гулъ,
Пó сердцу греза летѣла.

Пусть изъ-за пестрыхъ заплатъ, изъ прорѣхъ
Голое тѣло сквозится:
Все на лицѣ у нихъ гордость и смѣхъ,
Сколько судьба ни грозится.

Вотъ отъ кого довелось мнѣ узнать,
Какъ тебя, доля лихая,
Дымомъ развѣять, проспать, проиграть,
Міръ и людей презирая.

Глазъ я не могъ отвести отъ бродягъ;
Долго мнѣ будутъ все сниться
Головы въ черныхъ косматыхъ кудряхъ,
Темныя, смуглыя лица.

СОВѢТЪ И ЖЕЛАНІЕ.

— Не живи такъ быстро, такъ мятежно!
Посмотри — еще весна кругомъ.
Къ сердцу радость ластится такъ нѣжно...
Ты жь блѣднѣешь, вянешь съ каждымъ днемъ.

— Не на долго розы увядаютъ:
Лишь пахнётъ весной — цвѣтутъ опять;
Соловьи въ лѣса къ намъ прилетаютъ
И поютъ... иль ихъ не хочешь ждать?

„Не хочу. Пусть жизнь скорѣй промчится —
Вольно, бурно, страстью и огнемъ!
Пусть угасну я, какъ та зарница,
Что, сверкнувъ, исчезла за холмомъ!“

МОРИЦЪ ГАРТМАНЪ.

—

БѢЛОЕ ПОКРЫВАЛО.

1.

Позорной казни обреченной,
Лежитъ въ цѣпяхъ венгерскій графъ.
Своей отчизнѣ угнетенной
Хотѣлъ помочь онъ: гордый нравъ
Въ немъ возмущался; межь рабами
Себя онъ чувствовалъ рабомъ —
И взятъ въ борьбѣ съ могучимъ зломъ,
И къ петлѣ присужденъ врагами.

Едва двадцатая весна
Настала для него — и надо
Покинуть міръ! Не смерть страшна:
Больному сердцу въ ней отрада!
Ужасно въ петлѣ роковой
Средь людной площади качаться...

Вороны жадныя слетятся,
И надъ опальной головой
Голодный рой ихъ станетъ драться.
Но графъ въ тюрьмѣ, въ углу сыромъ,
Заснулъ спокойнымъ, дѣтскимъ сномъ.

Поутру, грустно мать лаская,
Онъ говорилъ: „Прощай, родная!
Я у тебя дитя одно;
А мнѣ такъ скоро суждено
Разстаться съ жизнью молодою!
Погибнетъ безъ слѣда со мною
И имя честное мое.
Ахъ, пожалѣй дитя свое!
Я въ вихрѣ битвъ не зналъ боязни,
Я не дрожалъ въ дыму, въ огнѣ;
Но завтра, при позорной казни,
Дрожать какъ листъ придется мнѣ.“

Мать говорила, утѣшая:
„Не бойся, не дрожи, родной!
Я во дворецъ пойду, рыдая;
Слезами, воплемъ и мольбой
Я сердце разбужу на тронѣ...
И поутру, какъ поведутъ
Тебя на площадь, стану тутъ,
У мѣста казни, на балконѣ.
Коль въ черномъ платьѣ буду я,

Знай — неизбѣжна смерть твоя...
Не правда ль, сынъ мой! шагомъ смѣлымъ
Пойдешь на встрѣчу ты судьбѣ?
Вѣдь кровь венгерская въ тебѣ!
Но если въ покрывалѣ бѣломъ
Меня увидишь надъ толпой,
Знай — вымолила я слезами
Пощаду жизни молодой.
Пусть будешь схваченъ палачами —
Не бойся, не дрожи, родной!"

И графу тихо, мирно спится,
И до утра онъ будетъ спать...
Ему все на балконѣ мать
Подъ бѣлымъ покрываломъ снится.

2.

Гудитъ набатъ: бѣжитъ народъ...
И тихо улицей идетъ,
Угрюмой стражей окруженный,
На площадь графъ приговоренный.
Всѣ окна настежь. Сколько глазъ
Его глазами провожаетъ,
И сколько женскихъ рукъ бросаетъ
Ему цвѣты въ послѣднiй разъ!
Графъ ничего не замѣчаетъ:
Впередъ, на площадь онъ глядитъ.

Тамъ на балконѣ мать стоитъ —
Спокойна, въ покрывалѣ бѣломъ..

И заиграло сердце въ немъ!
И къ мѣсту казни шагомъ смѣлымъ
Пошелъ онъ... съ радостнымъ лицомъ
Вступилъ на помостъ съ палачомъ...
И ясенъ къ петлѣ подымался...
И въ самой петлѣ — улыбался!

Зачѣмъ же въ бѣломъ мать была?...
О ложь святая!.. Такъ могла
Солгать лишь мать, полна боязнью,
Чтобъ сынъ не дрогнулъ передъ казнью!

ОСКАРЪ РЕДВИЦЪ.

Ясно надо мною
Голубое небо;
Стану ли я думать
О туманныхъ тучахъ?
Весело мнѣ юность
Завиваетъ кудри;
Стану ль я клониться
Головой кудрявой?

Думаютъ ли розы,
Пышно расцвѣтая,
Что онѣ увянутъ
Завтра отъ мороза?
Думаютъ ли звѣзды,
Загораясь ночью,
Что заря поутру
Ихъ погаситъ въ небѣ?

БОДЕНШТЕДТЪ.

ПѢСНИ МИРЗЫ ШАФФИ.

Мирза Шаффи! пчелой прилежной
Ты долго пó свѣту леталъ;
Тебя поили влагой нѣжной
Фіалъ лилеи бѣлоснѣжной
И розы пýрпурный фіалъ.

Пора изъ рощи благосклонной,
Мирза Шаффи, тебѣ домой.
Съ своею ношей благовонной
На крыльяхъ пѣсни легкозвонной
Лети къ подругѣ молодой!

Распахни покрывало! не прячь ты себя!
Вѣдь не прячутся розы въ саду у тебя...
Красота тебѣ Богомъ, какъ розѣ, дана;
Ты, какъ роза, на радость очей создана...
Создана ты подъ солнцемъ цвѣсти и сіять.
Перестань же чадрою лицо закрывать!

Распахни покрывало! Увидитъ весь свѣтъ,
Что пышнѣй и желаннѣй красавицы нѣтъ.
Пусть огнемъ по сердцамъ пробѣгаетъ твой взглядъ,
А уста многоцѣннымъ рубиномъ горятъ,
И одна только ночь самотканной чадрой
Облекаетъ твой ликъ и твой станъ молодой!

Покажись!.. Предъ лицомъ твоимъ, блѣденъ и нѣмъ,
У султана въ Стамбулѣ смутится гаремъ.
Да и гдѣ же, когда же, какой падишахъ
Передъ взглядомъ такимъ не упалъ бы во прахъ?..
Не туманъ же чадрой лучезарныхъ очей,
Торжества красоты и блаженства людей!

СЪ ВЕНГЕРСКАГО.

ПЕТЁФИ.

—

Проснувшись, плачетъ дитя больное.
Надъ люлькой мать
Запѣла пѣсню — и смолкъ младенецъ,
И спитъ опять.

Проснется ль съ плачемъ въ душѣ кручина,
Дитя невзгодъ,
Я запѣваю за пѣсней пѣсню —
Авось заснетъ!

СЪ МАЛОРОССІЙСКАГО.

ШЕВЧЕНКО.

—

КЪ ОСНОВЬЯНЕНКѢ.

На Днѣпрѣ шумятъ пороги;
Всходитъ, какъ бывало,
Въ небѣ мѣсяцъ... Только Сѣчи —
Сѣчи ужь не стало!
Камыши, къ водѣ склоняясь,
Синій Днѣпръ пытаютъ:
„Гдѣ же, гдѣ же наши дѣти?
„Гдѣ они гуляютъ?“
Съ жалкимъ стономъ вьется чайка,
Словно дѣтокъ ищетъ;
По казачей вольной степи
Буйный вѣтеръ рыщетъ.
А вдоль степи за могилой
Высится могила,
Съ буйнымъ вѣтромъ тѣ могилы
Шепчутся уныло:

„Гдѣ же наши? гдѣ вы, братья?
„Гдѣ запировались?
„Воротитесь! поглядите...
„Мы однѣ остались —
„Гдѣ паслися ваши кони,
„Гдѣ трава шумѣла
„Гдѣ татарской, ляшской кровью
„Степь кругомъ алѣла...
„Воротитесь!“
— Не вернутся! —
Глухо простонали
Волны въ морѣ: — не вернутся!
Всѣ на вѣкъ пропали! —

Правда, правда, сине море:
Такова ихъ доля.
Не вернутся удалые,
Не вернется воля,
Не вернется вѣкъ казачій,
Не придутъ гетма́ны,
Не покроютъ всей Украйны
Красные жупаны.
Надъ Днѣпромъ она горюетъ
Жалкой сиротою,
И ничьей души не тронетъ
Горькою бѣдою.
Только врагъ одинъ смѣется:
Лишь ему забава!

Смѣйся! Все пускай погибнетъ —
    Не погибнетъ слава;
Не погибнетъ, а разскажетъ,
    Что творилось въ свѣтѣ,
Чья неправда и чья правда,
    Скажетъ, чьи мы дѣти.
Нашей думы, нашей пѣсни
    Ворогъ нашъ не сгубитъ —
И родную нашу славу
    Пѣсня та протрýбитъ.
Нѣтъ въ ней злата, камней цѣнныхъ —
    Степи да оковы,
А громкá, свѣтла, правдива,
    Какъ Господне слово.
Такъ ли, такъ ли, мой сердечный?
    Правду ль говорю я?
Эхъ, и радъ бы молвить больше,
    Да молчишь, горюя.
А кругомъ земля чужая,
    Да чужіе люди.
Можетъ, скажешь: „Пой, не бойся!"
    Что жь въ томъ проку будетъ?
Осмѣютъ псаломъ мой горькій,
    Вылитый слезами;
Осмѣютъ его... Ахъ, тяжко,
    Тяжко жить съ врагами!
Можетъ я и поборолся бъ,
    Если бъ стало силы,

И запѣлъ бы — только голосъ
Стужей захватило.
Таково-то мое горе,
Милый мой, родимый!
Затяну ль средь зимней вьюги
Свой напѣвъ любимый —
Голосъ рвется. Ты жь, сердечный —
Всѣ тебя тамъ знаютъ,
И тебя, за голосъ громкій,
Люди уважаютъ.
Пой про Сѣчь имъ, голубь сизый,
Пой имъ про могилы,
Кто насыпалъ ихъ, кого въ нихъ
Мать-земля укрыла.
Пой про старь, про тó, что было,
И чего ужь нѣту...
Пой, чтобъ голосъ твой далёко
Разнесся по свѣту;
Пой, что дѣлалось въ Украйнѣ,
Какъ она терзалась,
Отчего казачья слава
Съ края въ край промчалась!
Пой, орелъ мой! я съ тобою
Сердцемъ погорюю,
Хоть во снѣ ее увижу —
Родину святую;
Пусть хоть разъ еще услышу,
Какъ море играетъ,

Какъ подъ вербою дѣвица
„Грицю“ запѣваетъ;
Пусть хоть разъ я на чужбинѣ
Встрепенусь душою —
А ужь тамъ засыплютъ очи
Мнѣ чужой землею.

ИВАНЪ ПОДКОВА.

1.

Было время — по Украйнѣ
Пушки грохотали.
Было время — запорожцы
Жили-пировали:
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все-то минуло — остались
Лишь могилы въ полѣ,
Тѣ высокія могилы,
Гдѣ лежитъ зарыто
Тѣло бѣлое казачье,
Саваномъ повито.
И чернѣютъ тѣ могилы
Словно горы въ полѣ,

И лишь съ вѣтромъ перелетнымъ
Шепчутся про волю.
Славу дѣдовскую вѣтеръ
Пó полю разноситъ...
Внукъ услышитъ — пѣсню сложитъ,
И съ той пѣсней коситъ.

Было время — на Украйнѣ
Въ пляску шло и горе:
Какъ вина да меду вдоволь —
По колѣно море!
Да, жилось когда-то славно!
И теперь вспомянешь —
Какъ-то легче станетъ сердцу,
Веселѣе взглянешь.

2.

Встала туча надъ Лиманомъ,
Солнце заслоняетъ;
Лютымъ звѣремъ сине море
Стонетъ, завываетъ.
Днѣпръ надулся. „Что жь, ребята,
Время мы теряемъ?
Въ лодки! Море расходилось...
То-то погуляемъ!“

Высыпаютъ запорожцы.
Вотъ Лиманъ покрыли

Ихъ ладьи. „Играй же, море!“
Волны заходили . . .
За волнами, за горами
Берегá пропали.
Сердце ноетъ; казаки же
Веселѣе стали.
Плещутъ веслы, пѣсня льется,
Чайка вкругъ порхаетъ . . .
Атаманъ въ передней лодкѣ —
Путь-дорогу знаетъ.
Самъ все ходитъ вдоль по лодкѣ;
Трубку сжалъ зубами;
Взглянетъ вправо, взглянетъ влѣво —
Гдѣ бъ сойтись съ врагами.
Закрутилъ онъ усъ свой черный,
Вскинулъ чубъ косматый,
Поднялъ шапку — лодки стали . . .
„Сгинь ты, врагъ проклятый!
Поплывемте не къ Синопу,
Братцы-атаманы;
А въ Царьградъ поѣдемъ — въ гости
Къ самому султану!“
— Ладно, батька! — загремѣло.
„Ну, спасибо, братцы!“
И накрылся.

Вновь горами
Волны громоздятся . . .

И опять онъ вдоль по лодкѣ
Ходитъ, не садится:
Только молча, исподлобья
На волну косится.

СЪ ПОЛЬСКАГО.

КРАСИНСКІЙ.

—

От слезъ и крови мутны и черны́,
Клубятся волны жизни, вѣчнымъ стономъ
И скрежетомъ зубовъ оглашены.
Въ туманѣ похоронномъ
Безплодный берегъ прошлаго исчезъ;
А впереди далекій край небесъ
Кровавымъ заревомъ пылаетъ.
Вокругъ плывущихъ мракъ сырой,
Знобитъ ихъ стужа — и съ тоской
И воплемъ каждый повторяетъ,
Плывя во тьмѣ: „Проклятье надо мной!“

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

ШОТЛАНДСКАЯ БАЛЛАДА.

ВИЛЛИ И МАРГАРИТА.

Вилли въ конюшнѣ у стойла стоитъ,
Гладитъ коня своего.
На́ руку бѣлую вдругъ полилась
Изъ носу кровь у него.

„Матушка, корму коню положи!
Ужинать конюху дай!
Ѣду сейчасъ къ Маргаритѣ: поспѣть
Засвѣтло надо. Прощай!“

— Вилли, останься! не ѣзди, родной!
Вѣтеръ студеный шумитъ;
Смеркнется скоро, а ночи темны...
Путь черезъ рѣчку лежитъ. —

„Пусть не бывало темнѣе ночей,
Вѣтра сильнѣй, холоднѣй —
Ѣду сейчасъ къ Маргаритѣ: поспѣть
Засвѣтло надо мнѣ къ ней.“

— Вилли, не ѣзди! Поѣдешь — добра
Ты и не жди! Прокляну!
Клейдъ и широкъ и глубокъ — и пойдешь
Ты словно камень ко дну. —

Онъ осѣдлалъ воронаго коня,
Сѣлъ на него — и погналъ.
Клейдъ еще былъ далеко, а въ поляхъ
Вѣтеръ и вылъ и стоналъ.

Вилли въ долину съѣзжаетъ съ холма:
Вся потемнѣла рѣка;
Звѣремъ реветъ она, бѣшено бьетъ
Темной волной въ берега.

Сердцемъ онъ пылокъ, отваженъ душой:
Клейду ль его испугать?
Только звучитъ все въ ушахъ у него,
Словно клянетъ его мать.

Вплавь на конѣ переправился онъ,
Какъ ни бурлила рѣка.
Къ милой поспѣлъ онъ ужь въ темной ночи...
Спятъ всѣ; нигдѣ огонька.

Долго вкругъ дома ходилъ онъ; стучалъ
Долго у двери кольцомъ...
Дверь на замкѣ, и всѣ окна темны —
Словно какъ вымеръ весь домъ.

„Ахъ, отвори, Маргарита моя!
    Ахъ, отвори поскорѣй!
Мерзнетъ вода у меня въ сапогахъ;
    Весь я продрогъ до костей."

— Какъ тебѣ, Вилли, я дверь отворю?
    Матушка спать улеглась.
Петли скрипятъ, половицы скрипятъ...
    Встану — проснется какъ-разъ. —

„Если къ себѣ ты не пустишь меня,
    Къ Вилли не будешь добра,
Ты мнѣ хоть уголъ какой укажи,
    Гдѣ бъ отдохнуть до утра."

— Вилли, нельзя тебѣ здѣсь ночевать:
    Поздно пріѣхалъ ко мнѣ.
Были три горницы въ домѣ пустыхъ;
    Заняты нынче онѣ:

— Хлѣбомъ одна, и соломой одна;
    Въ третьей пріѣзжіе спятъ —
Три молодца разудалыхъ: они
    Завтра весь день прогостятъ. —

„Богъ же съ тобой, Маргарита! прощай!
    Вижу — ты хочешь мнѣ зла.
Видно не даромъ, какъ ѣхалъ къ тебѣ,
    Мать меня грозно кляла."

Сѣлъ онъ, погналъ вороного коня;
Сердце къ немъ ныло тоской.
Пó полю вѣтеръ и вылъ и стоналъ;
Небо темнѣло грозой.

Вилли въ долину съѣзжаетъ съ холма:
Вся почернѣла рѣка;
Звѣремъ реветъ она, бѣшено бьетъ
Черной волной въ берега.

Съ берега въ воду спустилъ онъ коня;
Самъ же дрожитъ весь какъ листъ.
Вѣтеръ, кидаясь по бурнымъ волнамъ,
Вырвалъ изъ рукъ его хлыстъ.

Вилли поймать его хочетъ: къ водѣ
Онъ наклонился съ сѣдла.
Буря, кидаясь по темнымъ волнамъ,
Шляпу съ него сорвала.

Вилли поймать ее хочетъ: къ водѣ
Онъ наклонился съ сѣдла.
Буря, кидаясь по чернымъ волнамъ,
Вилли съ коня сорвала.

Съ берега братъ ему старшій кричитъ:
„Очень же, малый, ты простъ!
Плавать не можешь, такъ зналъ бы держалъ
Крѣпче коня — хоть за хвостъ!“

„Плавай не плавай — бѣды не избыть!
„Чтó мнѣ держаться коня?
Мать, провожая, на смерть обрекла
Грознымъ проклятьемъ меня!“

Молвилъ — и камнемъ онъ въ воду пошелъ,
И не поднялся со дна.
Временемъ тѣмъ Маргарита его
Вдругъ пробудилась отъ сна.

„Матушка, встань! разгадай мнѣ мой сонъ!
Снилась мнѣ бурная ночь...
Снилось мнѣ: милый стучалъ у дверей;
Ты прогнала его прочь.“

— Спи, Маргарита, родное дитя!
Спи, не страшись ничего!
Милый твой былъ, и тебя онъ будилъ;
Я не впустила его. —

Тихо съ постели тутъ дочь поднялась;
Къ двери идетъ, и дрожитъ...
Изъ дому вышла — кричитъ и зоветъ...
Вѣтеръ все пуще шумитъ.

Къ клейдскимъ волнамъ прибѣжала она;
Въ воду ступила ногой...
„Господи Боже мой! Грозенъ ты, Клейдъ:
Виднó не быть мнѣ живой!“

Дальше ступила — по бѣлую грудь
Въ бурныя волны ушла.
„Глубже пойду я, грозы не боюсь —
Только бы Вилли нашла!“

Глубже ступила... Ужь вѣтеръ волной
Ей черезъ плечи плескалъ;
Вдругъ обо что-то запнулась она:
Тутъ ея Вилли лежалъ.

„Вилли, мой другъ! недобра къ тебѣ мать;
Мать и ко мнѣ не добра...
Вмѣстѣ мы ляжемъ, и вмѣстѣ уснемъ,
Словно какъ братъ и сестра!“

СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

I.

Дѣвушка у моря сидѣла,
Говорила она, вопрошала:
„Господи сильный и правый!
Чтó шире синяго моря?
Чтó просторнѣе чистаго поля?
Чтó коня лихаго быстрѣе?
Чтó меду сотоваго слаще?
Чтó милѣе брата роднаго?“

Молвила ей рыбка морская:
„Дѣвушка, зеленъ твой разумъ.
Шире синяго моря — небо,
А просторнѣй чистá поля — море,
Взоръ быстрѣе коня лихаго,
Слаще меду сотоваго — сахаръ,
Милый другъ милѣй брата роднаго.“

II.

Будь у меня, Лазо,
Царская казна,
Знала бы я, Лазо,
Чтó себѣ купить:
Я купила бъ, Лазо,
Садикъ надъ рѣкой.
Знала бы я, Лазо,
Что въ немъ посадить:
Посадила бъ много
Розановъ, гвоздикъ.

Будь у меня, Лазо,
Царская казна,
Знала бы я, Лазо,
Чтó себѣ купить;
Я бъ себѣ купила
Лазо-молодца:
Будь садовникъ, Лазо,
У меня въ саду!

III.

АРАПСКАЯ ЦАРЕВНА.

Мать пытала кралевича Марка:
„Ты скажи мнѣ, милый сынъ мой Марко,
Что ты строишь столько храмовъ Божьихъ?
Или тяжко Богу согрѣшилъ ты?
Иль добра ты много добылъ даромъ?“

Отвѣчаетъ ей кралевичъ Марко:
„Вотъ тебѣ, какъ передъ Богомъ, правда!
Былъ, родная, я въ Землѣ Арапской,
И пошелъ поу́тру къ водопою —
Своего напоить хотѣлъ Шарца.
Какъ пришелъ съ конемъ я къ водопою,
Тамъ двѣнадцать стояло арапов.
Не хотѣлъ я череда дожидаться,
Подошелъ къ водопою я съ Шарцемъ.
Не пустили меня арапы,
И затѣяли мы ссору, родная.
Какъ взмахнулъ я тяжкой булавою,
Положилъ я одного на мѣстѣ.
Положилъ одного; а въ отместку
На меня одиннадцать напало.
Я двоихъ убилъ — напало десять;
Я троихъ убилъ — напало девять;
Четверыхъ убилъ — напало восемь;

Пятерыхъ — тутъ семеро напало;
Шестерыхъ — тутъ шестеро напало.
Шестеро меня одолѣли,
За спиной руки мнѣ связали,
Къ своему царю потащили;
Засадилъ меня ихъ царь въ темницу.

„Семь годовъ просидѣлъ въ темницѣ.
Не зналъ, когда лѣто наступало;
Не зналъ, когда зима приходила.
Лишь одна была мнѣ примѣта:
Какъ снѣжками дѣвушки кидались,
Попадалъ мнѣ снѣгъ въ окно, родная;
Вотъ и зналъ я — зима наступила!
Какъ цвѣты мнѣ въ окно залетали,
Вотъ и зналъ я, что лѣто, родная!
Какъ пришелъ восьмой годъ заточенью,
Не темница ужь меня сокрушала,
Сокрушала дѣвушка арапка,
Арапскаго царя дочь родная.
Утромъ рано и вечеромъ поздно
Подходила къ темничному окошку;
Кликала мнѣ: „Бѣдный ты мой Марко!
„Чахнешь ты и вянешь ты въ темницѣ.
„Поручись мнѣ вѣрнымъ своимъ словомъ,
„Что возьмешь меня себѣ женою —
„И тебя я выпущу на волю;
„Выведу и Шарца изъ подполья;

„Золотыхъ возьму съ собой дукатовъ,
„Сколько твоей душенькѣ угодно!“

„Умудрился я въ бѣдѣ, родная.
Снялъ шапку, положилъ на колѣни,
И сталъ своей шапкѣ божиться:
„Видитъ Богъ! съ тобой не разстанусь.
„Видитъ Богъ! не увидишь измѣны.
„И солнышко клятвѣ измѣнило:
„Зимой не по лѣтнему грѣетъ;
„Я же слова вовѣкъ не нарушу!“

„Повѣрила обману царевна:
Думала, я ей побожился.
Какъ начало вечеромъ смеркаться,
Отперла она въ темницу двери,
Вывела меня изъ заточенья,
Привела мнѣ удалаго Шарца,
Для себя жь коня удáлѣй Шарца;
На обоихъ по мѣшку дукатовъ.
На коней мы сѣли съ царевной,
Въ ночь проѣхали Арапскую Землю.

„Только стало утро заниматься,
Я сошелъ съ коня на малый отдыхъ;
Сѣлъ, и сѣла со мною арапка,
Обняла меня черными руками.
Какъ взглянулъ я на нее, родная:

Сама черная, бѣлые зубы —
Обуялъ меня страхъ и ужасъ.
Выхватилъ я острую саблю,
И всадилъ ей въ шолковый поясъ.
Насквозь ее сабля пронизала.

„На коня вскочилъ я безъ оглядки.
Провѣщала тутъ голова арапки:
„Братъ ты мой о Господѣ, Марко!
„Чтó меня, несчастный, покидаешь?“

„Вотъ какъ согрѣшилъ я передъ Богомъ,
Вотъ свое добро откуда добылъ,
Вотъ зачѣмъ я храмы Божьи строю!“

НОВОГРЕЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

Какъ въ ночи̍ мы целовались,
Отъ людей мы схоронились;
А отъ звѣздочекъ небесныхъ
Нашихъ ласкъ и не таили.

Съ неба звѣздочка упала,
И про насъ сказала морю;
Море висламъ проболталось;
Рыбаку сказали весла.

Какъ въ ночи̍ мы целовались,
Разсказалъ рыбакъ невѣстѣ —
И про насъ теперь повсюду
Дѣвки пѣсни распѣваютъ.

ЛИТОВСКАЯ ПѢСНЯ.

—

Какъ въ лѣсъ меня послали
По ягоду чернику,
Я въ лѣсъ не заходила
И ягодъ не сбирала:
Пошла я на кладбище,
Къ родимой на могилу;
Надъ нею залилася
Горючими слезами:

„Кто плачетъ надъ могилой?
Меня въ могилѣ будитъ?“

— Я, матушка родная,
Пришла къ тебѣ поплакать
Сиротскими слезами.
Кто косы мнѣ расчешетъ?
Кто личико умоетъ?
Кто лаской приголубитъ? —

„Иди домой ты, дочка!
Тамъ мать тебѣ другая
И волосы расчешетъ,
И личико умоетъ;
А суженый молодчикъ
И лаской приголубитъ.“

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПОДРАЖАНІЯ ВОСТОЧНОМУ.

ИЗЪ АНГЛІЙСКИХЪ ПОЭТОВЪ.

ИЗЪ НѢМЕЦКИХЪ ПОЭТОВЪ.

Стр.

Гёте.

Шиллеръ.

Гейне. Стр.

Въ типографіи К. Шультце, въ Берлинѣ.
Kommandanten-Strasse 72.

